

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАЙ
2012**

**ИЯР
5772**

№ 5 (241)

ЛЕХАИМ 5/241
выходит с 1991 года

Главный редактор
Борух Горин

Административный директор
Яков Ратнер

Ответственный секретарь
Елена Калло

Художественный редактор
Евгения Черненкова

Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова, Ишайя Гиссер, Галина Зеленина, Александр Иличевский, Ирина
Мак, Афанасий Мамедов, Йеуда Рабейко, Михаил Эдельштейн

Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский

Корректор
Виктория Рябцева

Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев

Художники
Павел Шевелев (с. 38)
Дмитрий Шевионков-Кисмелов (с. 79, 85)

Фотографы
Вадим Бродский (с. 1, 60, 125–127); Micha Bar Am, Isaak Freidin (с. 4, 6); Alex Atlas (с. 15); из
личного архива Зуше Гроса (с. 22, 25–27); Robert Sara (с. 53, 54);
Василий Должанский (с. 61)

Фото предоставлены агентствами
AP/Fotolink (с. 40); AFP/East News (с. 41, 44, 56) Abaca/East News (с. 44)

На обложке
Родители забирают детей из школы после теракта. Тулуза, Франция. 19 марта
2012 года
Фотобанк ООО «Библиотека Изображений»/ Gilles Bouquillon

Подписано в печать 17.04.12.
Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.
Объем 16 печ. л. Цена договорная
ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати,
регистрационный номер 01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2012

Адрес редакции: 127018, Москва, 2-й Вышеславцев пер., 5а.
Тел.: (495) 710-88-03

E-mail: [@](mailto:lechaim) lechaim.ru
Internet: <http://www.lechaim.ru/>

**За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых
продуктов редакция ответственности не несет.**

**Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
Сайт: <http://www.оаомпк.ru>, <http://www.оаомпк.рф>
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685**

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Перебирая старые альбомы, в центре одной из фотографий, рядом с Ребе, я увидел человека, который в свое время оказал на меня громадное влияние. Это покойный реб Хаим Гуревич. Впрочем, по фамилии его никто не называл, все знали его как Хаима Ташкентера.

В 1991-м, кажется, году мой брат решил обрезать. Реб Авром Генин велел приехать в Кунцевскую ешиву — ее тогда часто использовали в этих целях. Пока брата принимали в Авраамов завет, я вошел в зал ешивы и там познакомился с реб Борухом-Залменом Долгопольским. В ешиве он работал библиотекарем и, надо сказать, дело свое знал великолепно. Из первого нашего разговора помню, как он «Беэр гейтев» назвал «всего лишь компиляцией». Это был человек «из бывших»: по профессии инженер, в юности он учился в «Томхей тмимим» в Любавичах. Со своими фолиантами он был на «ты». Арамейский, не говоря уже о святом языке, звучал в его устах так естественно, будто он на нем всю жизнь техническую документацию составлял. В общем, реб Борух-Залмен произвел на меня неизгладимое впечатление. Между делом он рассказал, что сын его, «Арн», давно живет в Израиле, а внук — в Москве. Да, есть у него еще брат — «вот он настоящий томим!» — в Бруклине, «ба дем Ребн». Там его все знают, так что при случае передавай привет. Хаим Гуревич. Он мне подробно рассказал, почему фамилии разные, но я, дурак, ничего не запомнил.

Вскоре после этого я оказался в Нью-Йорке. Реб Хаима действительно все знали. Когда он услышал, что я знаком с его братом, расплакался, расцеловал меня и с тех пор называл только по-русски: «Брррратко!» Что интересно, он дословно повторил слова брата, только уже в адрес последнего: «Вот он настоящий томим!»

Именно мне выпала неприятная миссия через год, а может, через пару лет сообщить реб Хаиму, что брата его не стало.

Реб Хаим был удивительным даже по бывшим меркам хасидом — добрым, чистым, скромным. Как-то я стоял рядом с ним в маленькой синагоге напротив кабинета Ребе в 770. Ждали, когда Ребе приедет с Оэля. А покамест реб Хаим, увидев нескольких йеменских хабадников, попытался поговорить с ними на идише. Поняв, что этот язык им неведом, он восхитился: «А! Евреи в капотах, с пейсами, обвязанные гартлами, — и ни слова на идише! Баалшемске идн!»

В шабат перед моей свадьбой он во время кидуша стал мне тихо, словно забывшись, что-то бормотать. «В белых одеждах вышел Ребе. Сел и стал говорить...» А дальше реб Хаим почти неслышно, слово в слово, повторил маймор Рашаба, который слышал за 80 лет до этого в Любавичах.

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

לְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ יְעֹאֲדֵי אֵימָנוּ

29 ÈBDA 5718

Вы пишете, что один из Ваших учеников желает учиться в таком заведении, где изучают лишь предметы, связанные с Торой, и спрашиваете, помочь ли ему в этом.

Давайте обсудим этот вопрос. Если дела, связанные с изучением Торы, совершаются не наилучшим из возможных путей, то они получают определение «пренебрежение Торой», — и это ужасно!

С другой стороны, тот, кто никоим образом не может учить Тору постоянно, исполняет свой долг даже прочтением «одной главы утром и одной главы вечером»[1] (см. объяснение Алтер Ребе[2], что здесь нет никакого противоречия). Но в свете всего этого понятно, что, если какой-то еврей страстно желает учить нашу святую Тору хотя бы на один час больше, долг каждого — постараться помочь ему всем, от него зависящим. А в особенности если речь идет, как Вы пишете, об обладающем способностями ученике...

Когда Вы были у меня, Вы рассказали, что частью системы воспитания учеников Вашей ешивы является разъяснение им того факта, что ее религиозная программа не отличается особой сложностью, но соответствует уровню образования, полученного ими ранее, или требованиям их родителей. Лишь считанные часы посвящаются непосредственному изучению Торы, однако надлежит прилагать усилия к тому, чтобы при первой же возможности обращаться к изучению Торы за счет остальных уроков. В качестве примера Вы привели своего сына, которого отослали учиться в святом городе Иерусалиме (да будет он отстроен вскоре!). Из этого тоже видно, что, если Ваш ученик отправится учиться в ешиве, где весь день посвящен исключительно изучению Торы, не возникнет никакого противоречия.

ААҘ ААӨӮ

<...> Я уже писал Вашей матери, что не нужно беспокоиться только потому, что Ваш брат хочет оставить ешиву, чтобы получить профессию. Если Ваш брат присоединится к колену Звулуна[3], которое материально поддерживает людей, изучающих Тору, и религиозные институты, и вместе с тем будет находить время для изучения Талмуда и хасидизма, это просто замечательно.

Никто не знает, какую часть мироздания ему предназначено усовершенствовать. Поскольку Ваш брат уже учился в ешиве и приложил много сил, чтобы преуспеть в этом, однако не достиг желаемого результата, пусть он испробует другой путь, который, возможно, позволит ему лучше исполнить свое предназначение в мире.

Возможно, лучшим выходом для него будет учеба в такой ешиве, где параллельно можно получить специальность, или в ешиве, в которой по несколько часов в день уделяется профессиональному обучению. Разумеется, эта ешива должна быть достаточно ортодоксальной. <...>

20 ÈBDÀ 5720

Вы пишете о сыне и о своих претензиях к нему — о Вашем желании дать ему светское образование, чтобы он получил аттестат зрелости и т. д. С Вашей точки зрения, для сына это единственный путь, ведущий к благополучному устройству жизни в будущем.

Подобная позиция вызывает крайнее удивление. Ведь вы живете в Стране Израиля, на Святой земле (да будет она отстроена вскоре!), и, конечно, знаете, что тысячи сверстников Вашего сына сидят в ешивах, с постоянством, прилежанием, уверенностью в завтрашнем дне, радостью и энтузиазмом изучают нашу святую Тору, называемую Торой Жизни, — жизни как в этом мире, так и в будущем.

И что особенно удивительно, Вам наверняка известно многое из публикаций в периодических изданиях о происходящем в среде молодежи, о ее поведении и о том, что самую сильную закалку, предохраняющую от буйных ветров улицы, получают именно в ешивах! Вплоть до того, что из тысяч молодых преступников нет ни одного ученика ешив, в которых целый день учат Тору. А ведь одной из обязанностей родителей, относящихся к их сыну, — самой первой обязанностью! — является задача вырастить его таким, чтобы он был непоколебим в своей жизни, не имел душевных срывов и не страдал от внутренних проблем и борьбы с самим собой. И после того, как в сфере воспитания было испытано множество подходов, сухая статистика, выяснив их результаты, однозначно подтвердила то, что сказано выше. И сказанного достаточно.

Другими словами, даже если бы у Вашего сына не было склонности к тому виду учения, который он избрал, одной из Ваших обязанностей была бы необходимость повлиять на него и добиться, чтобы он ушел в ешиву, по крайней мере, на несколько лет. Однако Вашего сына — с его прекрасным характером, полного достоинств — одарили Свыше еще и тем, что он сам избрал прекрасное и святое благо: следовать путями Торы и изучать то, к чему он наиболее склонен. Вы должны благодарить Творца за Его благословение в этом, все более укреплять и ободрять сына в его решении! И нет сомнения, что Тот, о Котором говорят: «Питающий весь мир по доброте Своей, по милости, любви и милосердию»[4], дающий пропитание миллиардам сынов человеческих, даст также и Вашему сыну (дай Б-г ему здоровья) средства к существованию, в нужное время и в нужный момент. Пусть он изучает Тору Творца и Владыки вселенной с жаром и энтузиазмом, и это привлечет новые благословения Свыше, как сказано[5]: «Если будете следовать Моим законам (как объясняют там наши учителя: “Будете трудиться в Торе”), то Я дам вам дожди вовремя» и т. д. — все перечисленные там благословения.

17 YÈÓËÀ 5714

Отвечаю на Ваше письмо, в котором Вы рассказываете о трудностях, с которыми столкнулись, перейдя в ешиву «Томхей тмимим», точнее, о том, что Вы не можете привыкнуть к тамошним порядкам, а также к новой для Вас учебе.

Вам, несомненно, известны слова мудрецов, что дурное начало каждого человека ведет против него постоянную войну, и, как свидетельствует наша святая Тора, если бы Всевышний не помогал человеку, тот не смог бы его победить[6]. Отсюда ясно: если идет речь о молодом человеке, который хочет быть

богобоязненным евреем и учить Тору, то, когда дурное начало понимает, что для юноши открылась возможность подняться на более высокий уровень в его служении, оно начинает искать новые приемы и способы помешать ему.

И хотя дурное начало называют «старым и глупым царем»[7], это связано лишь с тем, что оно подталкивает человека к поступкам, обратным истинной мудрости. Однако во всем том, что касается мастерства соблазнения человека, оно чрезвычайно искусно, как сказано: «Змей был хитрее всех зверей полевых»[8]. Поэтому его называют «мастером», сама Тора свидетельствует, что дурное начало — блестящий мастер своего дела.

Очевидно, если дурное начало подступит и скажет: «Знай, если ты пойдешь этим путем, то станешь богобоязненным и преуспеешь в изучении Торы», то этим оно не только не заставит юношу свернуть с пути, но, наоборот, заставит действовать еще усерднее. Поэтому у дурного начала не остается другого выбора, как прикинуться богобоязненным евреем, знатоком Торы, и прийти к этому молодому человеку с прямо противоположными утверждениями: якобы, если он пойдет этим новым путем, он не достигнет той цели, которую ставит перед собой. А поскольку в сотворенном мире нет совершенства, ибо совершенен лишь сам Всевышний, то в любой вещи можно найти недостатки!

Можно проверить, каков источник Ваших претензий: <...> если они требуют сначала понимания и лишь затем исполнения, то это противоречит способу получения Торы евреями[9]; кроме того, если они мешают изучению Торы, соблюдению заповедей и молитве, то, несомненно, они проистекают из источника, противоположного Святости.

Если бы Вы хоть ненадолго задумались о том, что, как свидетельствует поговорка, «у каждой реки свое русло», т. е. у каждой ешивы собственный подход, а также о том, что, как известно, привычка человека становится его второй натурой, то Вам изначально было бы ясно: порядки в ешиве «Томхей тмимим» будут отличаться от привычных Вам и поначалу у Вас возникнут проблемы, обусловленные необходимостью менять свою «вторую природу». Если сейчас у Вас возникли претензии и недовольство, их источником, несомненно, является дурное начало, и вы должны победить его, поступив вопреки этим претензиям. Это не только не мешает Вам в изучении Торы и молитве, но, напротив, придаст сил в изучении Торы и соблюдении заповедей, ибо «нет ничего, что устоит перед истинным желанием»[10].

14 0ÀÀÀ0À 5731

Я был рад получить отчет о твоих успехах в учебе, а также письмо от 4 января, которое мне передали твои родители. Да будет воля Всевышнего, чтобы все твои желания, о которых ты мне написала, исполнились!

Что же касается вопроса о твоей дальнейшей учебе, следует помнить, что в наши дни евреи испытывают колоссальное давление, причем не столько физическое, сколько духовное. Силы отчуждения и ассимиляции необычайно сильны, поэтому долг каждого еврея — защитить себя в максимальной степени. Необходимо обучение в учебном заведении с высоким уровнем богобоязненности и благоприятной атмосферой, способной поддержать и вдохновить учеников так, чтобы влияние среды никак не повредило им.

Если же кто-либо полагает, что он (или она) может не бояться искусов и испытаний, то достаточно напомнить слова наших мудрецов, благословенной памяти, которые, хорошо зная человеческую натуру, серьезно предупреждали против подобной самоуверенности.

Каждый еврей, даже совершенный праведник, который посвятил много лет изучению Торы и ее заповедей, начинает свой день утренней молитвой, в которой говорится: «И не посылай нам испытание». Более того, мудрецы говорили: когда царь Давид, помазанник Б-жий, воскликнул в момент душевного подъема: «Испробуй меня, Г-споди, и испытай меня»[11], это принесло ему много серьезных проблем[12]. В свете сказанного я не сомневаюсь, что ты примешь правильное решение.

ААС ААОУ

Вы пишете о выборе учебного заведения для Вашего сына. Наши мудрецы однозначно утверждали, что человек должен учиться там, где ему нравится. Этот подход соответствует интересам не только ученика, но и его родителей.

Этому указанию нужно следовать даже в том случае, когда дома все благополучно. Однако, как Вы пишете, у сына с Вами натянутые отношения. По-этому мне кажется правильным позволить ему уйти из дома и поступить в ешиву в другом городе, чтобы исполнить свою мечту.

Кроме того, Ваш сын достиг подросткового возраста, когда нервы накалены до предела. Не всякий подросток способен совладать со своими чувствами. Чем старше становится человек, тем лучше его разум способен сдерживать его порывы.

Я не хочу причинять Вам боль. Тем не менее я вынужден подчеркнуть, сколь важно уделять пристальное внимание душевному состоянию подростка. Это было верно везде и всегда и тем более в наше время. Нынешнее молодое поколение очень беспокойно, поэтому их душевное здоровье зависит от их внутреннего равновесия.

Исходя из всего сказанного выше, я советовал бы Вам разрешить Вашему сыну учиться в другом городе, поскольку он очень хочет учиться именно там.

יִדְוֹתָּ נְאֻמֵי עֵינֶיךָ, עֲשֵׂהוּ עֵבֶדוֹ

עֲשֵׂהוּ אִתְּמוּלָא, עֲשֵׂהוּ אֲשֶׁרֶבֶה, אֲשֶׁר עַל עֲשֵׂהוּ, יָעֵב יְעִבֵהוּ

[1]. Менахот, 99б.

[2]. Тора ор, Мегилат Эстер, 98в; Законы об изучении Торы, Кунтрес ахарон, гл. 3.

[3]. В библейские времена колена Звулуна тратило свои доходы от морской торговли на поддержку колена Иссахара, посвятившего себя изучению Торы.

[4]. Послетрапезная молитва.

[5]. Ваикра, 26:3-4.

[6]. Вавилонский Талмуд, Сукка, 51а.

[7]. Коелет, 3:14.

[8]. *Берешит, 3:1.*

[9]. *Во время дарования Торы евреи обязались исполнить ее законы прежде, чем смогут их понять: «Все, что сказал Г-сподь, сделаем и поймем» (Шмот, 24:7).*

[10]. *Зоар, ч. II, 162б.*

[11]. *Теилим, 26:2.*

[12]. *Сангедрин, 107а.*

С КЕМ ПОВЕДЕШЬСЯ...

Аиде Эацад

Четвертая мишна трактата «Пиркей Авот» учит нас правильно заводить знакомства: «Пусть твой дом будет домом собрания мудрецов, пусть покроет тебя пыль от ног их, и впитывай с жадностью их слова».

Фактически в этой мишне три отдельных, хотя и связанных друг с другом, поучения. «Пусть твой дом будет домом собрания мудрецов» — это значит, что учиться нужно всегда. Конечно, человек ходит в синагогу, слушает проповеди раввинов и учителей, изучает Тору самостоятельно, — но всего этого мало. Учение не имеет предела, учиться нужно всегда. Даже если ты приглашаешь гостей, чтобы отметить праздник или просто пообедать вместе, — пусть гости твои будут людьми, от которых можно научиться мудрости. Поговорка «с кем поведешься, от того и наберешься» существует, наверное, у всех народов. Но у нас народную мудрость в данном случае подкрепляет авторитет учителей Закона.

«Пусть покроет тебя пыль от ног их» — это очень интересная мысль. Точнее, сразу три мысли. Первая прочитывается легко: «пыль от ног» мудрецов, собравшихся в твоём доме, может покрыть тебя, если ты сидишь у их ног, то есть внимаешь их словам со всей причитающейся скромностью. Коль скоро ты встал на путь учения, надо быть готовым учиться ото всех, даже от тех людей, которые, как тебе представляется, не настолько умны и образованны, как ты сам. Только скромность, «сидение у ног учителя», поможет тебе с уважением отнестись к чужим словам, и ты сможешь оценить эти слова по достоинству, усвоить плоды учения как следует.

Однако использованный здесь ивритский глагол, означающий «покрыться пылью», имеет еще одно значение: «бороться». А мудрецы Талмуда называют изучение Торы «борьбой за Тору». Что это значит? Когда ты учишься, недостаточно просто слушать и принимать, даже если с тобой говорят самые мудрые учителя. Подлинное учение — это активное усвоение материала: надо задавать вопросы, отстаивать свое понимание, не оставлять вопрос, пока все сложности не будут разъяснены.

И еще одна — возможно, самая главная мысль этой мишны. Если ты находишься рядом с теми, кто способен научить, ты вольно или невольно пропитываешься не только их мудростью, но и их личными качествами — как бы «покрываешься их пылью». Это происходит даже в том случае, когда ваша встреча проходит не в синагоге, а за обеденным столом и беседуете вы не о тайнах мироздания, а о вещах самых простых.

Наконец, третья часть мишны: «Впитывай с жадностью их слова». Здесь в ивритском оригинале используется слово, означающее «жажду». Человек может пережить многие лишения, например, длительное время переживать голод. Но лиши человека воды хотя бы на несколько дней, и он погибнет. Жажда — самое сильное чувство нашего физического тела; утоление жажды — самая насущная потребность. И наши мудрецы недаром приравнивают учение к утолению жажды! Тем самым они дают понять: учение точно так же необходимо нашей душе, как вода необходима телу. Без учения — постоянного, непрерывного, при любых обстоятельствах — человеческая душа просто не может существовать.

У человека не всегда есть физическая возможность учиться. И вот, «чтобы не умереть от жажды», мишна рекомендует нам хотя бы находиться рядом с теми, кто учится, — тогда часть их мудрости распространится и на вас. Недаром в нашем народе состоятельные люди всегда стремятся выдавать дочерей не за самых богатых, а за самых ученых. Это — следование духу «Пиркей Авот»: вы выполняете «поучения отцов», тогда и дети будут «бней товим», «детьми лучших родителей», и вся семья наполнится знаниями, мудростью и Торой.

Есть известная история о двух хасидах из Одессы, посетивших одного из первых любавичских цадиков. Ребе каждому из них задал вопрос: как обстоят дела у одесских евреев. Один хасид рассказал, что все прекрасно, много мудрецов, все учат Тору, удовольствие жить в этом городе. Другой — что раввинов мало, большинство евреев не соблюдает Закон, многие стремятся к ассимиляции... Первому хасиду Ребе сделал крупный денежный подарок и дал множество благословений; второй получил лишь несколько рублей и ни одного благословения. Вернувшись домой, он, конечно, поднял шум: как это так, он сказал

правду, а Ребе отметил другого хасида, нарисовавшего ему картинку благостную, но далекую от реальности. Пошел жалобщик к раввину, а тот ему говорит: «Ты думаешь, наш Ребе сам не знает, как обстоят дела в Одессе? Он хотел узнать, в какой Одессе живет каждый из вас...»

ВОСПОМИНАНИЯ РЕБЕЦН

Óàí à Óí àáðíí

Í òí àí èæ àí è á Í à: àéí á¹ 11 (235), 12 (236);¹ 1 (237),¹ 2 (238),¹ 3 (239),¹ 4 (240)

[14 èèñéáá 5709 ááá]

Í áí ááá - Í áí äé Óí àáðíí. 1940-á ááá

ÑÁÁÜÁÁ Á ÁÈÀÒÁÐÈÍ ÎÑËÁÁÁ – ÁÁÇ ÆÁÍ ÈÕÀ È ÍÁÁÁÑÒÛ

Сделала перерыв — некоторое время не писала...

Сегодня 14 кислева 5709 года, годовщина свадьбы нашего сына Менахема-Мендла и его супруги Муси, да продлятся их дни, омейн! Сегодня я снова вспоминаю, каким великим человеком был мой благословенной памяти муж.

...Свадьба эта состоялась в ноябре 1928 года, когда в СССР велась очень сильная антирелигиозная пропаганда, хотя еще были открыты некоторые синагоги и существовали еврейские общины. С политической оппозицией обошлись строже: все партии, кроме коммунистической, к тому времени уже прекратили свое существование.

Нас, как было тогда принято, «уплотнили», отобрав половину квартиры и оставив нам только три комнаты. В остальных поселились новые соседи.

Жених и невеста не были с нами, но мы решили устроить дома веселье в день их свадьбы[1]. Снять зал — такого понятия в то время не существовало, гости собирались у нас дома. Нашим соседом тогда был один еврей-инженер, который не выносил религиозного образа жизни нашей семьи, особенно ему не нравилось скопление людей, которые собирались у нас послушать хсидус или поучаствовать в праздничных фарбрэнгенах. Чтобы не сталкиваться с ними, он полностью изолировал свою часть квартиры. Однако когда он от кого-то услышал, что мы собираемся устроить большой фарбрэнген по случаю свадьбы сына, то разобрал разделявшую нас перегородку, вынес из дома всю мебель и предоставил в наше распоряжение свою часть квартиры (большей площади, чем наша, и с большим залом) на столько времени, сколько нам будет нужно.

Мы разослали приглашения[2], и чуть ли не все евреи города, которые всегда относились к мужу с глубоким уважением, постарались найти возможность попасть к нам, чтобы выразить свои чувства. Это оказало на всех настолько сильное духовное воздействие, что постепенно характер праздника изменился, превратившись из частного семейного торжества в настоящую религиозную демонстрацию.

Кроме семьи и екатеринославских евреев, приехало немало гостей и из других городов. Кроме того, мы получили несколько сот телеграмм[3]. На торжества, которые мы устраивали дома, пришла делегация от центральной еврейской общины области, а кроме того, представители от всех синагог[4] (каждая синагога также считалась самостоятельной общиной). Многие из них пришли с женами.

И все это происходило, не стоит забывать, во времена, когда людям не позволялось иметь никаких связей с религиозными деятелями («служителями культа»[5], как их тогда называли). За такой «грех» легко можно было, скажем, лишиться работы. Однако многие решили не считаться с этим — к нам пришли видные врачи, юристы, люди, занимавшие важные посты в исполкоме и горсовете... Они просидели у нас всю ночь![6]

וְאֵלֵינוּ יָבִיאוּ אֵת הַשְּׂמֵחָה

Казалось, что в тот день телеграф работал только для наших поздравлений! Нам удалось даже добиться разрешения получать в течение двух дней телеграммы на святом языке[7], который в то время уже практически находился под запретом. Мы, естественно, не только получали, но и сами писали на святом языке[8]. Было дано распоряжение не подвергать цензуре все телеграммы Шнеерсонов, касающиеся свадьбы. И это, повторюсь, в то время, когда раввин не мог спокойно ходить по улицам — настолько косо на него многие смотрели. Что же говорить о фарбренгене для такого количества людей!

וְאֵלֵינוּ יָבִיאוּ אֵת הַשְּׂמֵחָה

При всем том в нашем доме в тот вечер царил вовсе не такая атмосфера, как следовало бы в день свадьбы старшего сына. Мы тосковали о нем, понимая, что повидаться в ближайшее время нам не доведется (на это мы даже не надеялись)[9]. Такие страдания мы тогда испытывали — как общественные, так и личные... Радовало только одно: мы думали, что вряд ли соберется более тридцати гостей (таково уж было состояние еврейства в те дни), а на самом деле собралось около трехсот человек!

Мой муж танцевал с тестем[10] и со своим братом[11] (увы, оба они уже находятся в мире Истины). Этот танец раввинов продолжался довольно долго, и все это время собравшиеся стояли, не в силах сдержать слезы, — такая была радость...

Наутро, когда стало уже совсем светло, люди стали расходиться — кто домой, а кто и прямо на работу. Устроив это празднество, мой муж как будто унес всех в совершенно иной мир — таково было его воздействие на гостей. Никто из них, уходя, даже не задумывался о том, чем ему, возможно, придется расплачиваться за участие в нашем фарбренгене. Помню, доктор Борух Моцкин и внук рабби Ицхока-Эльхонана (он был по специальности юристом) сказали мне, прощаясь у дверей, что в их жизни никогда не было ничего подобного и что они никогда не забудут эту ночь — наш фарбренген и ту духовную силу, которую продемонстрировали пришедшие на него люди. Люди соблюдающие — молодые и те, кто постарше, — и особенно хасиды испытывали те же чувства в еще большей мере.

Празднество в нашем доме стало еще одним доказательством того, что к моему мужу все относятся с большим уважением и что его авторитет у российских евреев является безоговорочным. К нему обращались по всем вопросам, так или иначе связанным с еврейством, и это продолжалось в течение еще десяти лет, со все большим и большим успехом и в таком масштабе, насколько только позволяли тогдашние условия жизни. Это продолжалось до 1939 года, до самого его ареста...

Один доктор из числа наших знакомых передал нам слова председателя горисполкома, которые мы вспоминали и обдумывали в течение довольно долгого времени: «Эта свадьба, — гневно заявил председатель, — прошла за границей, жених с невестой находятся далеко отсюда, но посмотрите, какой след оставила она в сердцах людей, благодаря усилиям раввина! Что за силы у него, что мы не можем ему ни в чем отказать, когда он обращается к нам, а ведь все его обращения — по религиозным вопросам! Не слишком ли много мы ему уже дали?.. То, что он устроил, — это уже не было празднество частного лица, не тот масштаб! Как мы могли допустить такое, когда обычно мы не разрешаем трем евреям собираться вместе для отправления религиозных обрядов?!»

Последние слова председателя исполкома напугали доктора, и когда он пересказал их нам, мы тоже надолго утратили покой.

* * *

304404 /57094144/

Конечно, мой муж должен был бы сам описать эти события — все то, что он пережил в те времена. У него бы получилось гораздо содержательнее, намного лучше были бы освещены все важные моменты, заслуживающие упоминания. Но он не хотел тратить ни минуты на эти «мелочи», как он их называл. Почти до самого своего смертного часа он очень много писал — когда было чем (ручка и чернила) и на чем (бумага). Он постоянно обдумывал какие-то аспекты каббалы и хасидизма, отдаваясь этому с полной самоотдачей. Поговорить на эти темы ему было не с кем, и все результаты своих размышлений ему приходилось поверять бумаге... К сожалению, я не знаю, сохранились ли его записи в тех местах, где я их оставила[12].

401D1E1AÑA0AÑÑUÉEÉÁ

Итак, я попытаюсь, насколько хватит сил, продолжить эти записки. Вот как мы праздновали второй Песах в Чилии.

К еврею, который был нашим гостем на праздник в прошлом году[13], приехала семья, так что в этом году он к нам уже не пришел. Однако за время, прошедшее между моими приездами, в Чилии появился ссыльный помещик из Румынии, в прошлом один из богатейших людей своего города. После прихода туда советской власти[14] его, как тогда говорили, «изолировали» — оторвали от семьи и сослали в среднеазиатскую глушь. Он был так издерган и претерпел такие страдания, что тяжело было распознать в нем человека, который не всегда влачил столь жалкое существование. Он был человек Б-гобоязненный и ученый, и, конечно, его очень заинтересовала возможность провести Песах кошерно. Он был у нас весь Песах, а в дальнейшем проводил вместе с мужем все субботы и праздники.

Я познакомилась с этим евреем в один из вечеров в продуктовом магазине, незадолго до его закрытия. С большими предосторожностями, стараясь, чтобы никто не обратил на меня внимания, я стояла там и упрашивала продать мне килограмм хлеба. Мне по каким-то причинам трудно было настоять на своем, другое дело — мой новый знакомый: воспользовавшись своим опытом энергичного руководства крупными предприятиями, он без особого труда добился, чтобы ему продали хлеб. А следом за ним свой килограмм хлеба получила и я.

В точности как и в прошлом году, пасхальную мацу-шмуру я снова привезла с собой. Нужно было позаботиться и о топливе для готовки — тоже не такая маленькая проблема в те времена. Большого труда стоило привести комнату в праздничный, насколько это было возможно, вид.

Все необходимое для пасхального седера у нас было приготовлено заранее. На моройр[15] (хотя наша жизнь и так была горька) мужу удалось раздобыть настоящий хрен у одного религиозного казаха, которому он рассказал, для чего нам необходима горькая зелень.

Тщательно занавесив окна, чтобы с улицы не было видно, что делается в комнате, муж вместе с гостем стали в полный голос произносить слова «Пасхальной агады», устроив по ходу чтения даже что-то вроде талмудической дискуссии — еврей из Румынии, как я уже писала, обладал глубокими познаниями в Торе.

Под окном стояло несколько нееврейских парней, которые со смехом передразнивали нас, как это у них было принято, но поскольку ночь седера — это лейл шимурум[16], мы не обращали на них никакого внимания.

Молились тоже в комнате, рядом с праздничным столом. Понятно, что никакого миньяна в Чилии не было, да что там миньян — даже сидур у нас был только один!

Конечно, в дни праздника не надо было стоять за хлебом, постоянно сталкиваясь с не слишком дружелюбным отношением соседей по очереди. Однако регулярные регистрации в НКВД никто не отменял, одна из них выпала как раз на праздничные дни, и муж сильно страдал из-за необходимости расписаться. Это, естественно, не добавляло праздничной радости.

Это был уже третий подряд Песах, проведенный мужем не на свободе: один раз на праздник он находился в тюрьме и два раза — в ссылке...

«Что же будем есть?..»[17]

После начала войны в Чиили и окрестностях стали появляться все новые и новые евреи — эвакуированные из городов европейской части СССР. Нередко мы встречали среди них своих знакомых, в чем не было ничего удивительного — в свое время наша семья была повсеместно известна.

С одной стороны, мы испытывали определенное облегчение от того, что вокруг нас теперь стало больше евреев и начало даже создаваться некое подобие общины. С другой стороны, положение в целом постоянно ухудшалось, особенно тяжелыми стали материальные условия жизни. Многие стремились нам помочь, но не очень хотелось прибегать к помощи людей, которые находились в таком же тяжелом положении, как мы сами. Поэтому всем желающим помочь мы говорили: они могут проявить свое уважительное отношение, если будут время от времени приходить к нам домой, просто чтобы посидеть вместе. И люди стали навещать нас. Иногда приходили целыми семьями, чаще — мужа с женами, порой даже обращались за советом по тем или иным вопросам. Все это начало походить на более-менее нормальную жизнь, хотя со временем все больше начинало сказываться влияние тех условий, в которых мы оказались, и все острее вставал вопрос: что будет дальше?..

Началось самое жаркое время года, и наше здоровье ухудшилось. От происходящего дома, в Днепропетровске, нас отрезало пламя войны. Лишь изредка доходили до нас письма беженцев, покинувших свои города и заброшенных в еще более отдаленные места, чем Чиили. Они напоминали нам о прошлых временах и о добрых друзьях, которых так не хватало в нашем нынешнем одиночестве.

Вопрос «Что же мы будем есть?» встал перед нами со всей остротой. Не очень приятно так много об этом говорить, но когда человек в течение долгого времени недоедает и страдает от голода, мысли о еде наполняют все его существование, силы тратятся только на то, чтобы не сломаться, и постоянно преследует страх перед завтрашним днем.

Ἐτὶ ἰ ἀτ ὀαδὲὲ δααἰἰ Ἐἰἰἰ-Ἐἰἰἰἰἰἰ Ὀἰἰἰἰἰἰἰἰἰ, ἰἰἰἰἰἰἰἰἰἰἰ ἰἰἰ ἰἰἰἰἰἰἰ ἰἰἰἰἰἰ ἰἰἰἰἰἰἰ

Ἰἰἰἰἰἰἰἰ ἰἰἰ ἰἰἰἰἰἰἰ ἰἰἰ

Мы все время искали, где бы раздобыть немного муки для лепешек из теста, которое делалось на дрожжах или на соде. Чтобы испечь эти лепешки, мы (обычно я, так как мне не хотелось отрывать мужа от работы) выходили из дому и собирали под палящими лучами солнца веточки кустарника или какую-нибудь траву, которая высохла настолько, что вспыхивала, как солома. Впрочем, и сгорали эти импровизированные «дрова» моментально, так что приходилось собирать еще и еще.

Днем, когда солнце припекало, выходить из дому не было никакой возможности, а по ночам, когда становилось прохладнее, не давали покоя укусы комаров, так что тоже нельзя было слишком задерживаться на улице. Набрал прутиков и веточек, я возвращалась в комнату, стараясь как можно быстрее закрыть за собой дверь, чтобы комары не успели залететь внутрь.

Еще мы пользовались таким средством от насекомых: разводили огонь и бросали туда травы, дающие густой дым. Это обеспечивало возможность посидеть вечером на свежем воздухе. Нельзя было разводить слишком большой огонь, чтобы не мешать соседям ярким светом, мы должны были довольствоваться лишь стружкой дыма, который был темнее ночи... По ночам часто дул сильный ветер, и не раз случалось, что его порывы швыряли клубы дыма прямо в лицо — ощущение не из приятных! Однако пользы от дыма было гораздо больше: он действительно отгонял комаров и большинство других насекомых, хотя некоторым удалось привыкнуть даже к дыму, так что они продолжали докучать нам. Мы часто со смехом спрашивали друг у друга советов, как вести себя с незваными «гостями».

Так проходили летние месяцы, когда мы старались делать все, чтобы не страдать от голода. Каждый раз удавалось раздобыть какие-то продукты — то крупу, из которой варили кашу, то муку, то

кукурузу. Когда появлялись деньги, становилось чуточку легче: в рацион добавлялись молоко и сливочное масло, эта еда насыщала и улучшала настроение.

Помню, как-то раз я зашла в один дом по делу и увидела на столе сырники и какао (хозяином дома был богатый еврей, который руководил конторой, занимавшейся распределением продуктов питания среди населения). Предложили и мне попробовать (у них в доме соблюдали кашрут), но я, хотя забыла уже вкус подобных деликатесов, удержала себя и ни к чему из стоявшего на столе не притронулась — из гордости и чувства собственного достоинства: чтобы они не считали, что дали милостыню оголодавшей женщине... Выйдя оттуда, я очень гордилась тем, что устояла в этом испытании.

Никому не пожелаю пережить подобное! В столь тяжелом положении человек может, не дай Бог, начать уподобляться животному, у которого инстинкт получения удовольствия от еды является основным в жизни. Большинство с честью переносили это испытание, но были и те, кто опустился очень низко. Эти люди ходили и выпрашивали хлеб и другие продукты, не думая ни о чем, кроме еды.

ÈÒÌ ÍÀÈÌËÁÒÀÐÌÁ?

Среди наших знакомых, оказавшихся в эвакуации, был один зажиточный еврей из Харькова. Он купил себе телегу с лошадьё и часто уезжал далеко от поселка рубить деревья, в основном саксаул, который хорошо горел и давал большое жаркое пламя. Этим он зарабатывал себе на жизнь. Нам он тоже как-то привез телегу дров, которые были сложены в построенном нами во дворе шалаше. В отношении отопления теперь стало полегче, хотя появилась новая проблема: нужно было наколоть дров. Мы, естественно, никогда этим не занимались, и нас выручил бывший румынский помещик. Он припомнил, как его прислуга в свое время колола дрова для него, и, попрактиковавшись, сумел освоить это занятие и наколоть привезенные нам дрова.

...Так мы старались справляться со всеми трудностями, но усталость накапливалась, а физические силы истощались.

Ì ÁÑËÖ ÒÈÏÐÁË

Наступили осенние праздники[18]. Как и годом ранее, в Ямим нораим[19] мы молились, запершись в комнате, скрываясь от посторонних взглядов. В тот год эвакуированные евреи сняли квартиру на окраине поселка, подальше от центра, и там устроили миньян. Свиток Торы нам прислали из Кзыл-Орды — областного центра. Собралось довольно много людей — мужчины и женщины, молодые и старые, представители всех социальных слоев, выходцы из разных уголков страны.

Как обычно, мой муж рассказал всем, как себя вести в праздники, и потом делился с приходящими к нему людьми соображениями насчет того, как лучше всего претворить сказанное в практическую сферу. Кто-то сказал: если он будет так открыто говорить о требованиях еврейского закона, это может повредить всему делу, но муж решил не обращать внимания на эти соображения. К счастью, праздники прошли спокойно.

ÁÌÑÒÈÁ ÈÌÌ ÈÈÌÓÐ

Вспоминается, как на предыдущий[20] Йом Кипур мы сидели втроем: мой муж, я и один ссыльный еврей, который проводил у нас все праздники. Молились по махзору, который я привезла из дома. Нет возможности передать те чувства, которые пробуждала в нас молитва!..

Во время молитвы мы увидели, что какой-то парень заглядывает в наше окно (хотя занавески вроде были плотно задернуты — именно для того, чтобы никто не мог ничего разглядеть). Мы испугались: может, НКВД послал его следить за нами? Гость наш, напуганный больше всех, не хотел, чтобы молодого человека пускали в дом, но муж, благословенной памяти, распахнул дверь и пригласил его войти.

Молодой человек оказался ссыльным из Литвы. Куда сослали его родителей, он не знал, его же самого призвали в «трудармию», и он оказался в Чили. В один из дней он ехал на своей повозке и заметил на улице моего мужа. Молодой человек решил, что должен выяснить, где живет этот еврей. Что-то в его лице подсказало парню — так он нам рассказывал, — что рядом с этим человеком можно будет простоять и

проплакать весь Йом Кипур... Встреча произошла за неделю до праздника, этого времени ему как раз хватило, чтобы выяснить наш адрес.

Молодой человек многие молитвы знал наизусть. До одиннадцати часов он работал, разъезжая по Чили на своей телеге. Просить, чтобы его освободили от работы в этот день, он побоялся, но после работы, в двенадцать часов, уже был у нас, успев по дороге переодеться в не столь затрапезную одежду.

Еще через полчаса к нам пришла еврейка, эвакуированная из Николаева. Она и ее муж жили в деревне, километрах в четырех от нас. От кого-то она узнала, что мы живем тут. Перед Йом Кипуром муж ее заявил: если Всевышний делает такое с евреями, то он молиться не намерен. Она же на это ответила, что, дескать, наоборот, собирается молиться больше, чем во все прошлые годы. К нам она дошла пешком, понятное дело, ничего не съев и не выпив! Вообще, удивительно, что ей удалось добраться до нашего дома — ведь спрашивать у первого встречного, где живет раввин, она не могла: чтобы прийти к раввину, к тому же ссыльному, следовало соблюдать все меры предосторожности.

Наблюдая за молящимися (каждый из них был со своими жизненными сложностями и со своей горечью на сердце), я не могла себе представить, какие еще обстоятельства могут вызвать в людях подобное состояние...

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵינוּ

יְיָ אֱלֹהֵינוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ

[1]. См. также «Ликутей Леви-Ицхок — Игрот кодеш», с. 203 и далее (письмо [рабби Менахему-Мендлу] от 6 кислева 5689 года): «Прими благословение из глубин сердца и души ко дню твоей свадьбы, приходящему к нам в добрый час <...> В эту субботу пусть вызовут тебя к Торе, так как в этой главе [“Вайеце”] написано про женитьбу Яакова <...> И находим мы, что отец и мать Яакова не были с ним в — материальном — месте его свадьбы, и не они устроили ему сватовство, но он сам отправился искать себе жену. И несмотря на это, женитьба его была удачной во всех отношениях <...> Не переживай из-за того, что мы, твои отец и мать, не находимся с тобой в месте твоей свадьбы — мы вместе с тобой душой и сердцем, и тут никакие расстояния не смогут стать нам препятствием. Мы вместе с тобой в самом прямом смысле и посылаем наше благословение тебе и твоей невесте, да благословит вас Всевышний <...> Итак, веселитесь и радуйтесь в день вашей свадьбы, приходящий к нам к добру, в хороший и удачный час, и да будет это веселье вечным. И твои родители, отец и мать, связанные с тобой своими душами в самом прямом смысле, увидят все это и станут веселиться и радоваться вместе с вами в этот большой праздник и день великой радости. И получим мы от вас огромное удовольствие и истинное наслаждение...»

[2]. См. также «Ликутей Леви-Ицхок — Игрот кодеш» (издания 5764 года или более позднее), с. 439 (письмо от 5 тевета 5689 года): «Приглашения мы смогли напечатать лишь незадолго до свадьбы, и не было времени разослать их знакомым в другие города (к тому же многих адресов мы вообще не знали). Даже здесь мы не разослали так уж много — из-за нехватки времени и других подобных причин. При всем том в день свадьбы наша квартира была полна народом — буквально от стены до стены (а если бы квартира была больше, то людей пришло бы вдвое, вчетверо больше)».

[3]. См. также текст, указанный в предыдущем прим. (с. 440): «По нашим подсчетам, количество телеграмм с поздравлениями тебе, присланных отсюда и из других городов, достигло нескольких сотен — причем некоторые из отправителей были нам даже незнакомы. До сего дня нам приходят письма с извинениями от людей из разных мест: они посылали вам телеграммы в день свадьбы, а нам не писали, так как думали, что мы поехали к тебе».

[4]. См. также далее в тексте, указанном в предыдущей сноске: «Здесь были габаи практически всех синагог и молельных домов города, а также главы общины и другие ее видные представители. Лица их выражали неподдельное веселье и большую радость».

[5]. Эти слова в рукописи ребецн написаны по-русски.

[6]. См. также далее в тексте, указанном в прим. 2: «Веселье — с игрой на музыкальных инструментах и танцами — продолжалось всю ночь, до рассвета».

[7]. См. также далее в тексте, указанном в прим. 2: «И даже почта в тот день была переполнена телеграммами — как на святом языке, так и на местном».

[8]. См. также далее в тексте, указанном в прим. 2: «Я хочу, чтобы из всего множества полученных вами телеграмм вы сохранили ту, что послал я. В ней 101 слово, и все они идут от сердца и из самой глубины моей души (посылаю тебе здесь ее копию, так как она написана на святом языке). Сохраните ее, и да продлятся ваши дни, и годы будут добрыми и приятными. И я надеюсь, что Всевышний, да будет Он благословен, исполнит все, что там написано, на добро вам во все ваши дни».

[9]. См. также в тексте, указанном в прим. 2, с. 276 (завершение письма, датированного кануном шабат а-гадоль 5692 года): «О том, когда мы сможем увидеть вас, дорогие дети, да продлятся ваши дни, нет у нас ни малейшего представления».

[10]. Раввин, гаон рабби Меир-Шломо а-Леви Яновский, благословенной памяти, отец ребецн Ханы. Был раввином и главой ешивы в еврейской земледельческой колонии Романовка, впоследствии — раввином Николаева. Из хасидов Ребе Маараша (входил в число близких к Ребе людей), в дальнейшем — хасид Ребе Рашаба. Ушел из жизни 23 элула 5697 года (?).

[11]. Раввин, гаон рабби Шмуэль Шнеерсон. Два его письма к Ребе Менахему-Мендлу и его супруге, написанных в то время, в которых рассказывается в том числе и о ходе праздника в Екатеринославе, были напечатаны в сборнике «Михтавей ахасуне» («Кегос», Израиль, 5759), с. 21 и далее.

[12]. В рукописном тексте записок ребецн уточнение: «его <р. Леви-Иццока> рукописи».

[13]. См.: Лехаим. 2012. № 3. Гл. «“Время нашей свободы” в чилийском голусе».

[14]. Имеется в виду присоединение к СССР румынских Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 года.

[15]. Горькая зелень, один из атрибутов пасхального седера. Обычно в качестве моройра используется хрен.

[16]. Дословно «ночь хранимых»: еврейский народ в это время находится под особой защитой Всевышнего.

[17]. В предыдущих главах «Воспоминаний» рассказывалось, в основном, о первом периоде ссылки рабби Леви-Иццока (до нападения Германии на СССР). Далее ребецн описывает события 1941–1944 годов, наиболее подробно остановившись на последнем годе жизни мужа (5704/1944-м).

[18]. Как упоминалось в прим. 17, ребецн переходит к рассказу о последнем годе жизни мужа. Речь здесь идет об осенних праздниках 5704 года (октябрь 1943 года).

[19]. Дни между Рош а-Шана и Йом Кипуром (1–10 тишрея).

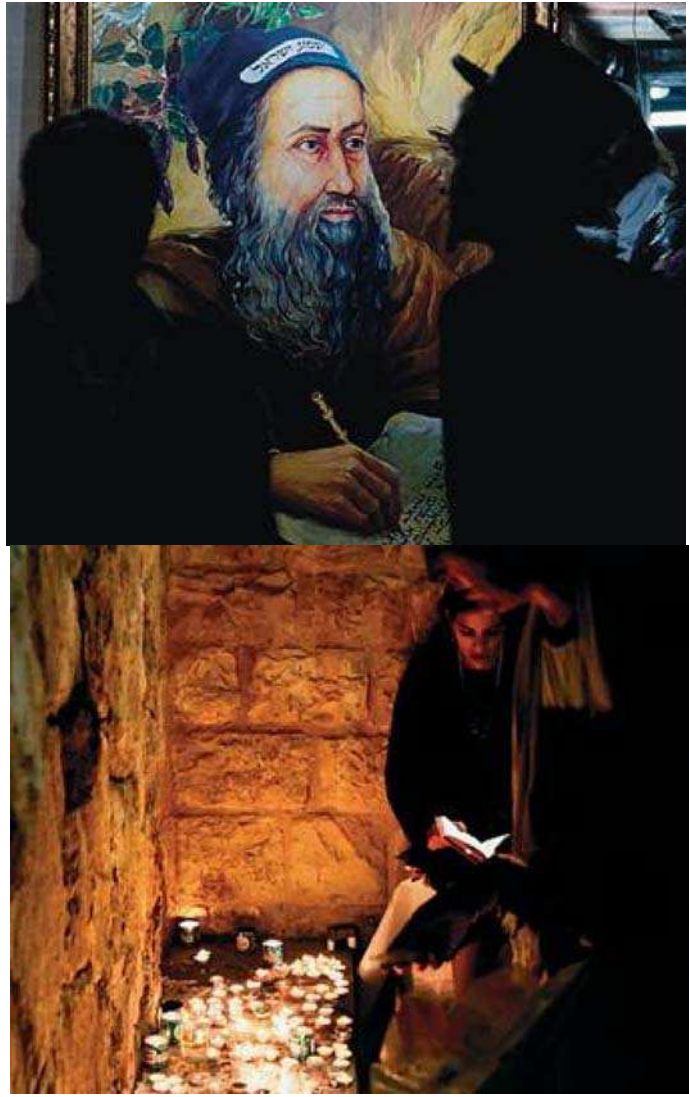
[20]. То есть 5703 года (сентябрь 1942-го).

ЛЕХАИМ МАЙ 2012 ИЯР 5772 – 5(241)

ЛАГ БА-ОМЕР: СИЛА РАШБИ

Йеуда Векслер

Νιδννεοά ό άαδγ: «Είττα άάραυεία εήι-εήύ Άάδαι ά»? Ι ίαεί δό-άοήγ, +οί άααά άάηύ ά άάά-άηοεάτε ήόή ήε Άάδαι ά άάαο ήήδάάεή γοεί άήθήή ά όοίεε. «Ά Εόοαεά ά Βαείττά?» — ε ήγού ήόάοά, ήείδά άήά, ίά ήέο-εοά Άήο άάύ ή άδδε Ι ίοά δάάέίο εήά άήεά εήάηοά, άά ε όί όήέή έάάήάδγ Δαοε, εήόήε ά ήάή έή ί άίόάδε ε Όήδά ήή-άδεεάαο, +οί ίάο άάέέεε ό-εοάέύ ήήί-άήγ ά άάύ ήάά άραάήεγ — 7 άάδά[1]. (Εήί-ήί, ίάεί άύά ό-εοή Ι γοεήεεά ήεί ί άίόάδεή Δαοε!) Ι ό ά άε άήε ή δαοεάοή ί άδύό άάέέεεό άάγύό άάήή ήήε — εάε ίάήήάεεά Όάί άά, όάε ε ί άάάήά Ι εοή ε Όάεί άά, — όί άήήάοά δαήδάεάί εά γ, ί ήε, άή ί ά γίόεέήήάεγ ε ίά ή δάή-ήεε! Εήεοά ήή ε, άήε άή όάε εήόάήή ή.

Άάύ ή άδδε δάάε Όεί ήή Άάδ-Εήόγ ήοί ά-άοήγ ά Ι άήήά εάε όήδεάήοά, ήήήγύή ί ίά ί δάάήή εέό

А вот когда ушел из нашего мира рабби Шимон, сын Йохая, — бен Йохай в Мишне и Талмуде, бар Йохай в устах народа, — скажут, вероятно, большинство опрошенных: в день Лаг ба-омер. Наверняка далеко не все объяснят, что это название означает, однако с уверенностью скажут: «Лаг ба-омер — день смерти Бар-Йохая».

Чем же рабби Шимон бен Йохай (сокращенно — Рашби) заслужил такое уникальное отношение — вплоть до того, что в песнях его именуют «адонену» («наш господин»), словно живого современника? И чем так замечателен Лаг ба-омер, что в еврейском календаре он отмечен как праздничный наравне с Ханукой или Пуримом, а народная традиция сделала его настоящим празднеством?

Рабби Шимон бен Йохай наиболее известен как автор книги Зоар, неизменно упоминаемой с эпитетом «святой», которая наряду с Танахом и Талмудом лежит в основе иудаизма. Содержание Зоара многообразно: здесь и рассказы о самом рабби Шимоне, его сыне Эльзаре и учениках, об удивительных событиях, случившихся с ними; сведения о мироздании и его сотворении; учение о душе человека и его

внутреннем мире; предсказания обстоятельств прихода Машиаха, его времени и даже Грядущего мира... Но главное, что объединяет калейдоскопическую пестроту, столь характерную для Зоара (и, кстати, также для Талмуда), — это раскрытие внутреннего, глубинного смысла Торы. Так же, как в Торе даже самые, казалось бы, простые рассказы содержат конкретные заповеди-указания, все, что приведено в Зоаре, является изложением, объяснением или иллюстрациями положений каббалы.

Хотя каббала — неотъемлемая часть Устной Торы, много веков она была уделом избранных. Ее разрешалось преподавать лишь самым одаренным, мудрым и благочестивым ученикам — и то не больше, чем двоим одновременно, а некоторые, наиболее глубокие знания — лишь одному, с глазу на глаз[2]. Этот закон неукоснительно исполнялся вплоть до разрушения Второго храма и начала рассеяния евреев, когда мудрецы Торы решили нарушить запрет и записывать Устную Тору ради того, чтобы предотвратить ее потерю в условиях изгнания. Как сказано[3]: «Иной раз отмена Торы — это и есть ее осуществление». Широко известен самоотверженный труд рабби Йеуды а-Наси, главы еврейского народа в III веке н. э., создателя Мишны, отобравшего самые важные из законов Устной Торы и придавшего им чеканную и вместе с тем максимально емкую формулировку. Однако Зоар был записан на добрых сто лет раньше, еще во II веке, ведь опасность безвозвратно утратить знания, которыми владели лишь немногие, была куда вероятней, чем забвение законов, в той или иной степени известных большинству народа.

Зоар в основном написан на арамейском языке, который в то время был у евреев разговорным, и исследователи полагают, что многие страницы этого труда — своего рода конспекты, которые вели ученики, записывая уроки рабби Шимона. В особенности это относится к тем фрагментам, которые очень трудны для понимания из-за лаконичности и отрывочности: весьма вероятно, что в них зафиксированы лишь самые важные сведения, а уже ранее известная их часть опущена.

И особо подчеркнем: тот факт, что речь идет уже об учениках (а не об ученике), — дотоле небывалое положение, означавшее, что каббала начала переходить в сферу Открытой Торы.

Процесс этот затянулся надолго, до XIII века, когда Зоар был открыт и начал распространяться — сначала в рукописных копиях, а потом и печатно. И лишь в XVI веке великий каббалист рабби Ицхак-Лурия Ашкенази (Аризаль), конгениальный рабби Шимону, продолжил и поднял на новую высоту дело открытия каббалы. Он получил свыше весть, что «ныне разрешается и даже является добрым делом распространение этой мудрости»[4], и каждый из его десяти учеников (стольких же, как у Рашби) стал источником нового света, осветившего весь еврейский (а отчасти и нееврейский) мир. Аризаль совершил великую работу, дав ключ к пониманию Зоара, — объяснил те места в нем, что казались темными, загадочными или противоречивыми, раскрыв внутреннее единство противоположностей, видевшихся дотоле несовместимыми... И вот тогда Зоар воистину превратился в главное средство изучения и распространения каббалы, то есть стал тем, к чему предназначил его рабби Шимон бен Йохай.

А отсюда — уже прямая дорога к хасидизму, вся суть которого — раскрытие глубинного смысла Торы и благодаря этому обновление еврейского мировоззрения. «Когда я открываю Зоар, я вижу весь мир», — не раз повторял основоположник хасидизма рабби Исраэль Бааль-Шем-Тов. Трудями его, его учеников и последователей откровения Зоара приобрели новый, еще более глубокий смысл, заново возродивший понимание Торы и ее заповедей и назначения для всего еврейского народа и каждого еврея в отдельности.

И все-таки в памяти народной величие Рашби в первую очередь связано с его отношением к народу Израиля. Ему принадлежит удивительное высказывание: «Все сыны Израиля — царские дети» (Мишна, Шабат, 14:4). Все — независимо от их познаний в Торе, богобоязненности и благочестия. Из книги Зоар видно, что рабби Шимон, для которого не было ничего загадочного или устрашающего даже в духовных мирах, заботился также о самых простых и незначительных сынах своего поколения — наставлял их, спасал от опасности — как духовной, так и просто физической.

(Заметим в скобках, что тем самым Рашби подтверждал положение: «Праведники подобны их Творцу» [Ялькут Шимони, Шмот, ремез 176; Шмуэль I, ремез 78], так как способность пребывать очень высоко и в то же время очень низко характерна для Всевышнего: «В высоте и святости Я пребываю — и с подавленным и униженным духом, чтобы оживить дух униженных и оживить сердце подавленных!»[5])

«Могу я избавить от Суда весь мир с того дня, когда я сотворен, и донныне», — говорил Рашби (Сукка, 45б). То есть даже тех, которые не следовали истинному пути, указанному Всевышним, не заботились о том, чтобы исполнять Его волю, бездумно нарушая предписания и запреты Торы, рабби Шимон был готов защищать, находить им оправдания и спасать от вполне заслуженного наказания.

Свидетельством того, на какую высокую ступень рабби Шимону удалось поднять своих современников, служит мидраш (Берешит раба, 35:2): на протяжении его жизни в небе не появлялась радуга. После окончания потопа Всевышний сделал радугу знаком, напоминая о Его обещании более никогда не наводить потопа на землю и не губить им никого из живущих на ней[6]. Поколение рабби Шимона не нуждалось в этом знаке, так как наказание ему не грозило.

«Достоин он, рабби Шимон, того, чтобы положиться на него в момент затруднения», — сказано в Талмуде (Брахот, 9а; Шабат, 45а, и еще во многих местах). Речь идет, конечно, о глубине его познаний, однако это высказывание получило более широкий смысл: во всех трудностях можно надеяться на помощь рабби Шимона.

Известен целый ряд причин, по которым Лаг ба-омер достоин быть днем радости и веселья. Одна из самых значительных — то, что именно на 33-й день от начала праздника Песах[7] перестали умирать ученики рабби Акивы, и в результате традиция Устной Торы была спасена от исчезновения (Йевамот, 62б; Ялкут Шимони, Коелет, ремез 989).

Согласно Талмуду, смерть учеников рабби Акивы была наказанием за то, что они «не вели себя уважительно один с другим» (Там же). То есть они не воплощали в жизнь то, чему должны были бы научиться у своего великого учителя, провозглашавшего, что заповедь «любить своего ближнего, как самого себя» — великое обобщение всей Торы[8]. А то, что они в Лаг ба-омер перестали умирать, стало знаком раскаяния и исправления тех, кто остался в живых. Однако рабби Шимон, также ученик рабби Акивы, но которого мор не коснулся, никогда не изменял первостепенному принципу своего учителя, и более того — исполнял его с полной самоотдачей вплоть до самопожертвования.

Известно, что в день смерти человека его добрые дела, его служение Всевышнему, вся Тора, которую он изучил в течение жизни и заповеди, которые исполнил, находясь на земле, собираются вместе и вызывают новый прилив Б-жественного Света[9]. Тем более это относится к праведнику и особенно к такому великому, как Рашби: его свет несет благо всем, кто продолжает следовать его путями. Поэтому факт, что кончина Рашби пришлось именно на Лаг ба-омер, имеет глубочайший смысл. Любовь рабби Шимона к сынам народа Израиля исправила грех умерших учеников рабби Акивы, проявлявших пренебрежение друг к другу. И это выразилось в том, что день его кончины — тот самый, когда они совершили тшуву и избавились от наказания.

Так что неудивительно, что Лаг ба-омер — день света и радости, день праздничного веселья: как выражаются каббалисты, «день его торжества». И есть потрясающее свидетельство о том, что в день Лаг ба-омер неуместна не только печаль, простекающая из каких-то волне земных причин, но даже та, чей источник — духовный и в высшей степени возвышенный[10].

Рабби Авраам а-Леви, один из лучших учеников Аризала, был погружен в глубочайшую скорбь о разрушенном Иерусалимском храме. Она была столь сильна, что побуждала его каждый день — даже в субботу и праздники, вопреки Шульхан аруху, добавлять в каждой из молитв «Утешь...», которое вообще-то произносят лишь раз в году, в день разрушения Храма. Однако, когда рабби Авраам, по своему обыкновению, молился так в Лаг ба-омер, он был тяжело наказан свыше.

Почему же рабби Авраам был наказан не за субботы и праздники, а только за Лаг ба-омер?! Как пишет Алтер Ребе, рабби Шнеур-Залман, в день кончины праведника «доброта Всевышнего <...> и несет помощь и спасение в среду земного мира»[11]. А по словам рабби Леви-Ицхака из Бердичева (Кдушат Леви, Вайеце), «со дня Лаг ба-омер начинает светить свет Дарования Торы» (день которого — двумя с половиной неделями позже). Вот сколь велика святость этого дня! Понятно, насколько противоречит ему любое проявление грусти и траура[12].

Но главное — что, согласно Алтер Ребе, душа рабби Шимона бен Йохая была одной из столь высоких душ, для коих как бы не существовало ни разрушения Храма, ни изгнания. Поэтому рабби Авраам а-Леви, будучи учеником Аризала и хорошо зная, кто такой рабби Шимон бен Йохай и почему день кончины праведника называется «днем его торжества», не должен был скорбеть, что находится в изгнании и что Храма не существует. Его молитва об утешении «скорбящих по Цийону и Иерусалиму» была в высшей степени неуместной. Этим он сам показал, насколько он чужд всему делу Рашби и как плохо усвоил то, чему учил его Аризаль — прямой последователь рабби Шимона...

Теперь понятно, почему из года в год на горе Мерон, где похоронен Рашби, на Лаг ба-омер собирается масса людей, и с каждым годом все больше. Мало того что, молясь у гробницы, они «полагаются

на рабби Шимона» в полной уверенности, что получают разрешение своих затруднений. Главное, что, принимая активное участие в торжестве рабби Шимона, забывают обо всем, несовместимом с радостью и весельем, и приобщаются к возвышенным сферам, которых не достигают ни катастрофа, ни разрушение и изгнание. Те, кто в Лаг ба-омер радуется радостью Рашби и разделяет его торжество, помнят о предсказании, полученном рабби Шимоном от Элияу-пророка: «С этим твоим сочинением (то есть Зоаром) сыны Израиля выйдут из изгнания в милосердии»[13].

[1]. См.: *Дварим*, 31:2.

[2]. См.: *Мишна, Хагига*, 2:1.

[3]. *Сефер хасидим*, 952, см.: *Менахот*, 99а-б.

[4]. См.: *Танья*. С. 142а (284).

[5]. *Йешаяу*, 57:15, и см. также комментарий Радака к: *Ошеа*, 14:9.

[6]. См.: *Берешит*, 9:9-17.

[7]. Слово «лаг», состоящее из двух еврейских букв «ламед» и «гимель», как раз и обозначает число 33: численное значение буквы «ламед» — 30, буквы «гимель» — 3.

[8]. См.: *Йерушалми, Недарим*, 30б; *Берешит раба*, 24:7.

[9]. См.: *Ликутей сихот*, 5752, Любавичского Ребе рабби Менахема-Мендла Шнеерсона, с. 161 и прим. 64 о том, что Лаг ба-омер — «день Дарования Учения о внутреннем содержании Торы».

[10]. См.: *При эц хаим, Шаар сфират а-омер*, гл. 7; *Ликутей сихот*, т. 37, с. 138.

[11]. *Танья*. С. 148а.

[12]. В отличие от субботы и праздника, когда в случае скорби по только что умершему близкому родственнику сохраняются некоторые элементы траура.

[13]. *Зоар*. Ч. 3. С. 124б. *Райа мезймна*.

ЛЕХАИМ МАЙ 2012 ИЯР 5772 – 5(241)

ИУДАИЗМ КАК ВЫБОР

Аёаётйй ад Уёйёёй

В отличие от раннего христианства, талмудический иудаизм не был полемической религией. Поэтому тем больший интерес представляют для нас те страницы Талмуда, где полемика с иноверцами все-таки присутствует.

Среди мудрецов, беседовавших с неевреями об иудаизме, следует назвать р. Йеошуа бен Хананью (II век н. э.). В Талмуде (Хулин, 59б-60а) приводится несколько его бесед с императором Адрианом, в которых рабби объяснял своему собеседнику основные принципы еврейской веры. К примеру, однажды Адриан пожелал увидеть Всевышнего. В ответ рабби предложил ему взглянуть на солнце. Император, естественно, не сумел этого сделать, и тогда р. Йеошуа сказал: «Если на солнце, которое является одним из тьмы тем служителей Г-сподних, глядеть невозможно, то мыслимо ли видеть самого Г-спода, осияющего Своим светом всю вселенную?»

«А-н-т-а-и-и-и».

Αδα: αἰεὶ τὰ αἰετὴν ἀνετὰ ἀν, ἰπποδράστῃ τὰ οὐδέοι γοεῖ Ἰαεῖνοεῖν, πῆλο ἀεὶ πὸ αἰ ἀναεῖται ἰ ἰπποδράστῃ ἂ ἰ-Π ἀεὶ ἰ. γ.

В какой-то момент Адриан решил, что для споров с р. Йеошуа его собственных знаний недостаточно, и он предложил рабби отправиться в Афины и подискутировать с тамошними мудрецами. Желание императора было законом, и р. Йеошуа отправился в город Сократа и Перикла. Беседа с афинскими мудрецами описана в трактате Бехорот (8б).

К сожалению, в рамках небольшой журнальной статьи невозможно подробно проанализировать эту беседу. Поэтому остановимся лишь на одном ее эпизоде:

Νεῦραεε ἀοεῖνεεῖ ἰ οὐδῶν: Ἀνεε :αεῖταεε ἀεε ἀδῶν ὁ ἂ ἀρεεῖ ε ἀρεεαῖ αὐε ἀπῖνεεῖαοῦ ἰοῖο ἀρεεῖνεεῖ [ἰ ἰπποδράστῃ ἀρεεῖνεε αὐε ἰ ἀρεεῖ ἀρεεῖ ἰπποδράστῃ] — ἀαῖο εε ἰ ἰ αἰ ὁ ἂ ἀρεεῖνεεῖ δαε?

Ἰοῖοεε ἂ Εἰρεεα: αεῖταεε ἰπποεε ἂ εἰν, ε ἰαδῶεε πὸ ἰεῖνεε ἀδῶ, :οῖ ἰ ἂ ἰεεδ ἰπποδῶν οῖταῖ ἰ ἰπποδράστῃ οὐδῶν ἰπποεε εὐεε-ἰεεῖαῖ ἰ ἰεεεε ε ἰ ἰ ἰεεε αἰ οἰπποδῶεε.

О чем же спорили р. Йеошуа и афиняне? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим диалог с литературной точки зрения. Первое, что бросается в глаза, — истории, рассказанные раввином и его собеседниками, несимметричны. В греческом рассказе два действующих лица — кредитор и его должник. Напротив, в истории о дровосеке герой всего один — сам дровосек, который только надеется, что кто-нибудь придет ему на помощь.

И еще один интересный момент. И в еврейском, и греческом рассказе есть герой, попавший в беду, — соответственно, дровосек и должник. Однако если первый попал в беду «своими силами», то о втором этого сказать нельзя. Из рассказа не следует, что он был беден и просил у кредитора денег. Напротив, со слов р. Йеошуа получается, что кредитор по собственной инициативе дал этому человеку денег в долг. И только потом его клиент должен был предпринимать какие-то действия, чтобы этот долг выплатить.

Теперь попробуем понять, с кем же беседовал р. Йео-шуа в Греции. Один из его оппонентов говорит: «Когда соль перестала быть соленой, кто сможет посолить ее?» Эти слова заставляют вспомнить знаменитое евангельское: «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям» (Мт., 5:13), сказанное Иисусом евреям во время Нагорной проповеди. А потому согласимся с теми исследователями, кто видит в беседе р. Йеошуа с афинскими мудрецами отголоски иудео-христианской полемики того времени.

Помня об этом, вновь вернемся к исходному диалогу р. Йеошуа и греческих мудрецов. На что похожа ситуация, описанная афинянами? На наш взгляд, на отношения между Всевышним и народом Израиля, в соответствии с тем, как они описаны в Танахе.

Есть много мидрашей, объясняющих, почему Всевышний избрал именно Авраама (и его потомков), а не кого-либо другого. Авраам путем философских размышлений пришел к мысли о Едином Творце и даже был готов пострадать за свои убеждения, и лишь потом Всевышний обратился к нему напрямую (Рамбам, Мишне Тора, Законы идолопоклонства, 1:3). Однако в Торе ничего этого нет: Всевышний сам обращается к Аврааму, а затем заключает с ним завет, обещав его потомкам земли десяти языческих народов: «Заключил Г-сподь завет с Авраамом, сказав: твоему потомству даю Я эту страну, от реки египетской до великой реки, реки Евфрат: Кенеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хеттеев, Ферезеев, Рефаимов, Аморреев, Хананеев, Гергесеев и Евусеев» (Берешит, 15:18-20).

Таким образом, согласно Торе, Завет между народом Израиля и Всевышним был заключен по Его инициативе, причем фактически «в долг». Однако долг этот, согласно Писанию, следовало отдавать служением, исполняя Его законы и предписания: «Если вы будете слушать заповеди Мои, которые заповедую вам сегодня, любить Г-спода, Б-га вашего, и служить Ему от всего сердца и от всей души, то дам вашей земле дождь в свое время, ранний и поздний; и ты соберешь твой хлеб и твое вино и твое масло; и дам траву на твоём поле для твоего скота, и будешь есть и насыщаться. Берегитесь, чтобы не обольстилось ваше сердце, и вы не уклонились и не стали служить иным богам и не поклонились им; и тогда воспламенится на вас гнев Г-спода, и заключит Он небо, и не будет дождя, и земля не принесет произведений своих, и вы скоро погибнете с доброй земли, которую Г-сподь дает вам» (Дварим, 11:13-17).

Можно привести множество библейских цитат, где утверждается, что если евреи не смогут «выплатить долг» Всевышнему, то они будут изгнаны со своей земли. Причем к моменту, когда состоялся разговор р. Йеошуа и афинских философов, это произошло уже даже не единожды, но дважды. Естественно, в этой ситуации не мог не возникнуть вопрос: даст ли Всевышний Своему народу «третью попытку» или Он окончательно признает еврейский народ «неплатежеспособным», а заключенный с ним договор — недействительным? Судя по всему, собеседники р. Йеошуа склонялись именно к этой точке зрения.

Стоит отметить, что этот вывод имел не только теоретические, но и практические следствия. В рамках Завета, «выплачивая долг Всевышнему», евреи должны были соблюдать множество установленных Им заповедей — делать обрезание, соблюдать субботу, не есть некошерного и т. д. Логично предположить, что если Завет более недействителен, то и смысла соблюдать эти заповеди больше нет. Или, говоря языком апостола Павла, Закон более недействителен.

Что же отвечает на это р. Йеошуа? «Человек пошел в лес и нарубил столько дров» — пошел сам, а не потому, что его кто-то послал, или потому, что он должен работать, чтобы «расплатиться с долгами».

Иными словами, р. Йеошуа предложил принципиально иную модель религиозного поведения. Мы соблюдаем заповеди не потому, что от нас это кто-то требует, не потому, что тем самым мы «выплачиваем долг», но потому, что это наш выбор!

Безусловно, р. Йеошуа понимал, что, принимая подобное решение, человек взваливает на себя трудную, едва ли не непосильную ношу: «нарубил столько дров, что не смог их поднять». Его греческие собеседники тоже так считали: «Сказали афинские мудрецы: если человек однажды сватался к женщине и не получил согласия на брак [из-за своего низкого происхождения] — стоит ли ему свататься к женщине еще более знатного рода». Однако р. Йеошуа был убежден, что избрал верный путь: «Взял Йеошуа палку, попробовал воткнуть в стену у основания — не вошла, попробовал воткнуть выше [где между камнями была щель] — вошла. Сказал р. Йео-шуа: кто знает, может, вторая женщина [более знатного происхождения] была ему предназначена?»

На чем же была построена уверенность р. Йеошуа? Если под рубкой дров подразумевается исполнение заповедей, то нетрудно догадаться, на чью помощь рассчитывал рабби.

В соответствии с христианской доктриной, после того, как евреи не признали «истинного Мессию», Всевышний расторг заключенный с ними завет и рассеял их по миру. Разумеется, р. Йеошуа в это не верил и не мог верить, но он чувствовал, что Изгнание означает «нарушение связи» между Творцом и Израилем и свидетельствует о том, что Б-г наказывает Свой народ. И в этой ситуации р. Йеошуа предложил обратный вариант: евреи должны «избрать» Всевышнего, приняв на себя соблюдение заповедей добровольно («пойти в лес рубить дрова»). Даже если этот выбор покажется непосильным («нарубил столько дров, что не смог их поднять»), они все равно должны наставать на своем («продолжил рубить»), свидетельствуя *urbi et orbi*, что «Г-сподь един, и Имя Его едино». И тогда, рано или поздно, Всевышний оценит этот выбор и придет им на помощь («придет и поможет ему поднять»).

Однако не напрасны ли эти ожидания? Христиане и евреи во все века по-разному отвечали на этот вопрос. Однако что касается той памятной дискуссии, то, судя по реакции императора, оппоненты р. Йеошуа остались без удовлетворения.

ЛЕХАИМ МАЙ 2012 ИЯР 5772 – 5(241)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УСТНОЙ ТОРЫ

Евгений Левин

Любой еврей, даже крайне мало сведущий в традиции, знает, что, кроме Письменной Торы, есть еще и Устная. Раввин Арье Каплан в своей книге «Основы еврейского мышления» пишет: «Устная Тора изначально предназначалась для словесной передачи от человека к человеку, из поколения в поколение. Учитель передавал ее ученику таким образом, что ученик мог задать вопросы по непонятным ему темам и избежать возможной двусмысленности. Письменный же текст, пусть даже самый совершенный и продуманный, таит в себе опасность неверного толкования».

Полемизируя с караимами, признававшими лишь Письменную Тору, средневековый поэт и философ Йеуда Галеви весьма убедительно продемонстрировал, что соблюдать заповеди, руководствуясь только текстом Писания, практически невозможно: «Я хотел бы, чтобы они [караимы] объяснили [без устной традиции, на основе только Письменной Торы], какое нутряное сало запрещено есть, ведь оно, как и разрешенное к употреблению, так же находится в кишечнике и на желудке животного... У них запрещается есть курдючное сало — как определить его границы?.. Я хотел бы, чтобы они определили границу, дальше которой человек не смеет удаляться в субботу от места, где он живет, — должен ли им считаться его дом, двор, владение, если у него несколько дворов, квартал, район, или город? Хотел бы я, чтобы они объяснили мне, какой минимум работы в субботу считается уже запрещенным... Пусть объяснят мне, откуда видно, что они обязаны молиться Б-гу? Как они устанавливают, в каких случаях заповедь исполняется, несмотря на то, что необходимое для этого действие запрещено другой заповедью?»

Однако, как заметил еще капитан Врунгель, всякая селедка — рыба, но не всякая рыба — селедка. Даже если заповеди Торы невозможно соблюдать без устной традиции — лучше всего это доказали сами караимы, которые, отвергнув Талмуд, довольно быстро создали свою собственную версию, — это вовсе не означает, что речь идет именно о традиции раввинистического иудаизма. Почему же мы должны следовать именно ей?

С точки зрения ортодоксального иудаизма устный закон имеет такое же Б-жественное происхождение, что и письменный: по словам мудрецов Талмуда, обе Торы, Устная и Письменная, были получены непосредственно от Всевышнего одним и тем же человеком, Моше. Что касается Письменной Торы (Пятикнижия), то здесь в еврейской традиции существует консенсус: практически все согласны, что вся Тора была записана Моше, и к моменту его смерти он оставил евреям весь текст, за исключением, возможно, нескольких последних стихов, описывающих его смерть (по мнению некоторых мудрецов Талмуда, этот отрывок дописал его преемник, Йеошуа бин Нун^[1]). С Устной Торой ситуация иная: на протяжении истории еврейской мысли было высказаны различные мнения относительно того, какие именно законы и толкования были получены Моше на Синае, а какие возникли гораздо позже.

Наиболее ясную позицию выразил испанский философ и историк Авраам ибн Дауд (1100–1180). В предисловии к своей «Книге предания» он писал: «Цель книги предания — представить неопровержимые доказательства, что все учение наших мудрецов, благословенной памяти, то есть все, что сказано в Мишне и Талмуде, было получено по цепочке непрерывной традиции. Каждый из великих мудрецов и праведников узнавал все, что знал, от великого мудреца и праведника предшествующего поколения; каждый глава школы или ешивы узнал все, что знал, от другого главы школы или ешивы... Никто из мудрецов Талмуда, а тем более Мишны никогда не учил ничему, что являлось бы его собственной выдумкой».

С точки зрения благочестия этот подход обладал несомненными преимуществами: если все предписания Устной Торы имеют Б-жественное происхождение, то вопрос, почему им нужно следовать, у религиозного еврея не возникает. Однако, если все законы и предписания были получены на Синае, почему же в талмудической литературе можно найти множество споров на самые разные темы, когда мудрецы придерживались диаметрально противоположных воззрений: то, что одни считали чистым, другие полагали нечистым, то, что один мудрец запрещал, другой разрешал и т. д.

Караимы указывали на подобные разногласия между мудрецами, видя в них доказательство небожественного происхождения Устной Торы. Однако Ибн-Дауд и его единомышленники предложили иное объяснение: «Все, что касается принципиальных вещей, они слышали от своих учителей, однако не всегда расспрашивали их о деталях закона, поскольку не учились достаточно прилежно». Иными словами, при передаче традиции какая-то ее часть оказывалась утраченной, какая-то — искаженной, часть — запомнилась разным ученикам по-разному, некоторые подробности и детали ускользнули от внимания, и их потом приходилось восстанавливать в ходе дискуссий... Это, естественно, и привело впоследствии к спорам и разногласиям.

Такое предположение, хотя и сохраняло идею Б-жественного происхождения Устной Торы, представляло колоссальную угрозу для авторитета устной традиции, поскольку немедленно заставляло вспомнить о «правиле тринадцатого удара» (если часы пробили тринадцать раз, из этого не следует, что сейчас 12, а один удар был лишним — это значит, что часы сломались, и сейчас может быть любое время). Если мудрецы что-то забыли, а что-то запомнили неправильно — кто может поручиться, что все остальное они запомнили и поняли правильно? Иными словами, гипотеза Ибн-Дауда настаивала на Б-жественном происхождении всей устной традиции, но в то же время позволяла заподозрить эту традицию в недостоверности!

Одним из первых, кто осознал эту опасность, был рабби Моше бен Маймон, Рамбам. Поэтому в своем комментарии к Мишне он резко обрушился на тех, кто считал, что мудрецы Талмуда могли что-то «недопонять» или «недослушать». Вместе с тем он предложил собственную теорию возникновения и развития Устной Торы. По его мнению, Моше получил на Синае лишь некоторые заповеди, не упомянутые в Торе. Кроме того, Б-г дал ему несколько правил, инструментов анализа текста, позволяющих устанавливать новые законы на основании зафиксированных письменных источников, то есть Танаха. Руководствуясь этими правилами, праведные мудрецы последующих поколений, вдохновляемые Свыше, вывели множество самых разных законов. (Если привести современную аналогию, Всевышний дал Моше «конституцию» и несколько правовых принципов, с помощью которых юристы и законодатели впоследствии принимали законные и подзаконные акты, воплощающие конституционные принципы в жизнь.)

Поскольку разные мудрецы (например, школы Гилеля и Шама) могли применять эти принципы по-разному и исходить из разных посылок, в результате, естественно, возникло множество споров и разногласий. Вместе с тем даже взаимоисключающие мнения мудрецов можно было справедливо назвать «словами Б-га живого» (Эрувин, 19б) — ведь все они действовали в рамках единой правовой системы, основы которой были заложены на Синае.

Подход Рамбама также хорошо объяснял, почему Талмуд нередко называет имена мудрецов, установивших тот или иной закон. К примеру, Гилель ввел прозбул^[2] (Мишна, Швиит, 10:3), его внук раббан Гамлиэль — ряд важных постановлений, касающихся бракоразводного права (Мишна, Гитин, 4:3). Кроме того, становится понятно, почему Талмуд допускает параллельное существование еврейских судов, по-разному толкующих Алаху (Йевамот, 14а). Наконец, мнение Рамбама как нельзя лучше соответствует описанию развития Устной Торы, приведенному в самом Талмуде: «Сказал р. Йоси: <...> раньше суд из семидесяти одного мудреца заседал в Храме, в Зале тесаных камней; и еще два суда, из двадцати трех членов, — один у входа на Храмовую гору, а другой — во дворе Храма. И в каждом городе Израиля тоже был суд из двадцати трех членов. Если возникал спор, то стороны обращались в суд своего города. Если у

суда была традиция по данному вопросу, суд сообщал, каков закон; если нет, то обращались в суд соседнего города. Если там имели традицию, то хорошо; если нет — передавали в суд у входа на Храмовую гору, и один из членов локального суда приводил аргументы сторон: “Вот что я утверждал, а вот что мои коллеги утверждали; вот мои доводы, а вот их доводы”. Если суд имел традицию — хорошо; если нет — передавали дело в суд, что во дворе Храма. Если там не имели традиции — передавали дело в Зал тесаных камней. Если этот суд имел традицию, ее сообщали; если же нет, то проводили голосование. И если большинство решало: “нечисто”, то, значит, таков закон; а если большинство решало: “чисто”, то, значит, таков» (Сангедрин, 88б).

Обратим внимание на разницу в полномочиях между судами низшей инстанции и Сангедрином, заседавшим в Храме. Первые, согласно Талмуду, имели право выносить решение в одном-единственном случае: если в их распоряжении была «традиция», то есть прецедентное судебное решение, принятое по такому же вопросу в прошлом. Если же никакие прецеденты не были известны, то судьи должны были передать дело наверх. Что же до суда, заседавшего в Зале тесаных камней, то тут ситуация была совершенно иной. При наличии прецедента он придерживался тех же правил, что и суды низшей инстанции. Однако заседавшие в нем судьи имели право большинством голосов решать также и новые проблемы, никогда не обсуждавшиеся их предшественниками. Если местные суды могли применять лишь уже существующие законы, то верховный Синедрион был не только судебным, но и законодательным органом! Иными словами, в каждом поколении мудрецы, заседавшие в Зале тесаных камней, издавали новые законы, неизвестные их предшественникам.

Еще одна модель развития Устной Торы была предложена рабби Моше бен Нахманом, Рамбаном, и его учениками, каталонскими раввинами Йом-Товом бар Авраамом Асевили (Ритва) и Нисимом Геронди (Ран). В соответствии с их подходом, Устная Тора является безусловно освященной Свыше, поскольку Всевышний делегировал мудрецам право устанавливать Закон[3].

Поясняя этот принцип, Ритва, в частности, писал: «Сказано в Талмуде: слова тех и других [учеников Гилеля и Шамая] — слова Б-га живого. Раввины Франции задавали вопрос, как слова тех и других могут быть справедливы, когда одни разрешают, а другие запрещают?! И отвечали: сказано в другом месте, что когда Моше получал Тору, то в отношении каждого закона Всевышний привел ему 49 причин разрешить и 49 причин запретить. Когда же Моше спросил его, каков закон, Тот ответил, что это будут решать мудрецы Израиля».

Концепция Ритвы/Рана позволяет объяснить одну из самых известных талмудических историй — о том, как мудрецы переспорили самого Всевышнего: «Печь, которая разрезана (по слоям) и переложена песком, — принимает ли она [ритуальную] нечистоту? Р. Элиэзер считает ее чистой, а мудрецы — нечистой... [Исчерпав все аргументы], сказал р. Элиэзер:

— Если я прав, то пусть само Небо подтвердит мою правоту!

Раздался бат коль (Голос с Неба):

— Зачем противитесь вы словам Элиэзера? Ведь в вопросах закона он всегда прав!

Встал тогда р. Йеошуа и процитировал:

— Не на небе она (Тора) [Дварим, 30:12].

Что же это означает? Р. Ирмеяу сказал: “Тора была дарована нам на горе Синай. И после ее дарования мы уже не принимаем во внимание Голос с неба потому, что в Торе сказано: по большинству склоняться [Шмот, 23:2]”. Р. Натан встретил пророка Элияу. Он спросил его: “Что Всевышний делает в этот час? Сказал Элияу: “Он смеялся и говорил: „Мои дети победили Меня, победили!“» (Бава мециа, 59б).

Три вышеназванных подхода нагляднее всего можно проиллюстрировать при помощи популярного образа «небесного Шульхан аруха», который изучает сам Всевышний (образ Творца, изучающего Тору, появляется уже в Талмуде). По мнению Ибн-Дауда, этот кодекс был написан с самого начала, от первой до последней страницы, — просто в копии, доставшейся людям, отдельные фрагменты были испорчены или утрачены. Согласно Рамбану, Б-г «собственноручно» заполнил часть страниц, предоставив людям возможность далее руководствоваться их собственной логикой. Наконец, по мнению представителей «каталонской школы», практически весь текст «небесного Шульхан аруха» был вписан человеческой рукой согласно плану и принципам, переданным с Небес.

Впрочем, стоит отметить, что все эти рассуждения носили сугубо академический характер. На практике представители всех трех школ считали безусловно обязательным соблюдение всех предписаний Устной Торы, независимо от того, был ли тот или иной закон дан непосредственно на Синае или же установлен мудрецами последующих поколений.

[1]. *Сефер а-кузари, 3:35.*

[2]. *См., напр.: Роберт Броди. Гаоны Вавилонии и формирование средневековой еврейской культуры. Москва, 2006. С. 106–116.*

[3]. *Бава батра, 15а.*

Αἰνῆ ἰὶ εἶαί ἐβ ὀάάάἰ ἐεἶά

Зуше Грос (Прус)

Я, Зуше Грос (Прус), родился в 1937 году в Ленинграде в религиозной семье. Мой дед со стороны матери, Шмуэль Миндель, был машиахом[1] и шохетом[2] еще при предыдущем Любавичском Ребе Йосефе-Ицхаке, Раяце. Собственно, Ребе его и назначил на пост машиаха. Дедушка сперва был просто шохетом и бодеком, то есть тем, кто проверяет, насколько ножи шохетов соответствуют правилам алахи. А Ребе сделал его ответственным за всю шхиту — производство кошерного мяса в Ленинграде. Когда Ребе приезжал в Ленинград и останавливался на квартире у реб Шмуэля Немойтина[3] и его жены Иды, дедушка всегда встречался с ним и докладывал о своей работе.

Σοά Ἀδῆαἰ ἀαἰ ὕ Ἀεἶα Νοἰἰτᾶ αἰῦ

צווא לדין (תענית) א ללמדנות עברתא דמועיל דא

С Немойтиными моя семья очень дружила. Это были необыкновенные люди. Когда сын реб Шмуэля реб Фоля (Рефозль) отбывал ссылку в Казахстане, мой отец, Шмуэль-Лейб, поехал его проведать. Реб Фоля рассказал, как он соблюдает кашрут даже в ссылке, где и обычной-то еды было немного. Он показал отцу свой халеф — шохетский нож, который держал у себя под подушкой. Показал и говорит: «У нас тут плохие условия, и я себе позволяю есть мясо от своей шхиты. Но ты в другой ситуации, поэтому не полагайся на мое умение». Вот какие это были люди, вот как они относились к шхите и ко всем нашим законам.

В семидесятых-восемидесятых годах прошлого века реб Фоля стал учителем нового поколения шохетов не только Ленинграда, но и всего СССР. Это были почти полностью ассимилировавшиеся советские евреи, которые возвращались к вере отцов. Первым учеником реб Фоли стал Изя Коган, ныне раввин синагоги на Большой Бронной, а уже через него к реб Фоле попали на учебу добрых полтора десятка новых шохетов. Научившись и сдав реб Фоле экзамен, они разъезжались в разные концы Союза. К сожалению, реб Рефозль скончался несколько лет тому назад в Иерусалиме.

Семья отца была хабадской. Жизнь у него была очень тяжелой: мать умерла, когда ему исполнилось полгода, а отец — когда ему едва минуло три года. Но хасиды не бросили круглого сироту на произвол судьбы, его поддерживали разные семьи, а потом он воспитывался в хабадских ешивах Полоцка, Жлобина, Невеля. Когда он женился на моей матери, Штерне-Соре, они поселились в квартире деда. Отец работал в швейной артели, мать воспитывала меня и моего брата Берла, который сегодня живет с семьей в Кфар-Хабаде. Когда я родился, мне, естественно, сделали брит — обрезание. В доме у нас соблюдались все еврейские законы — кашрут, суббота, праздники. Впервые я нарушил эти законы после того, как меня вместе с другими ленинградскими детьми вывезли на «большую землю». Мне повезло — не пришлось испытать ужасов блокады. Я попал в детский дом в Ярославле, и там ни о каком еврействе речь уже не шла. Помню, как в поезде, едва мы отъехали от Ленинграда, «доброжелатели» тут же сняли с меня ермолку и выбросили. На мое счастье, несколько месяцев спустя отец с матерью сумели выбраться из осажденного

Ленинграда. После долгих приключений они попали в Ташкент, где была сильная хабадская община, и поселились в районе Карасу. Отец приехал в Ярославль и забрал нас из детского дома.

Но наши беды на этом не закончились. Мама вскоре скончалась, а отца в 1943 году арестовали. Ему вменили в вину «экономические преступления», хотя это был только предлог. Власти закрывали глаза на существование хабадской общины, но слишком уж активной ее деятельности не хотели. И упрятали отца на семь лет в тюрьму.

Мы вновь остались одни. Спасла нас тетя Рива, дочь Шмуэля Минделя. Она специально приехала с Урала и помогла нам пережить первый период после ареста отца. Постепенно все наладилось, старшего брата отправили в Самарканд, где он учился в подпольной ешиве. Одним из его учителей был легендарный реб Йона Каган (Полтавер). А меня поддерживала местная община. Сперва я учился в хедере, потом в ешиве.

Ои оуеи І еі аіеі - аіа Цоа Адиіа м нo ідиіу і ао аде, еі о ідиіе аіе і асі а-аі Диіа Дайоаі і а аіеа і нoу о іоа а е і ао ааа

а Еіа еі аіаі

Я хорошо помню наш подпольный хедер на улице Коллективной. Улица выглядела так, будто находилась не в столице республики, а в далеком ауле, — узкая, пыльная, застроенная глиняными домишками, похожими, скорей, на кибитки. В одной из таких кибиток и размещался хедер. Поначалу в нем учились шестеро детей, потом их число дошло до семнадцати. В советскую школу я, конечно, не ходил. У нас были очень знающие, добрые и мудрые мелаеды — Довид Лабковский, Гирш-Цви Либерман — брат секретаря Ребе Раяца, Хаим-Меир Горелик. Особо мне запомнились Залман-Лейб Эстулин и Исроэль Левин (Невелер)[4].

Реб Залман-Лейб был не просто большим знатоком Торы, но и человеком, который не шел ни на какие компромиссы, когда дело касалось соблюдения заповедей. Он воевал, под Сталинградом получил тяжелое ранение и ходил на костылях, но даже на фронте и в госпитале соблюдал заповеди, в том числе кашрут. Реб Исроэль Левин (Невелер), хасид еще Ребе Рашаба[5], был просто кладезем еврейских пословиц, поговорок и большим эрудитом. Он знал превеликое множество рассказов о жизни хасидов и Любавичских. Ребе был в центре всех фарбрэнгенов[6]. В хедере изучали Хумаш, комментарий Раши, Мишну и Гемару. Преподавание велось на идише.

Мы придерживались еврейского образа жизни, тщательно соблюдая все законы. Регулярно ходили в микву на улице Чекарной — ее тайно построила и содержала община. Учились много, дисциплина была строгой. Но каждый день нам все же выделяли несколько часов для игр. В хедере давали завтрак и обед. Не могу сказать, что наедались мы досыта, но ведь и время было тяжелое — даже в «хлебном городе» Ташкенте люди умирали с голоду. А в хедере, благодаря общине, всегда была еда. Конечно, кошерная.

Все работающие хасиды добровольно вносили деньги в общую кассу. Руководство общины тратило их на помощь особо нуждающимся, платило зарплаты меламедам в хедере, преподавателям в ешивах, обеспечивало учащихся едой. Возглавляли общину раввины Нисан Неменов[7], руководитель ешивы Йона Каган (Йона Полтавер), известный своей праведностью хасид Перец Мочкин — один из духовных наставников моего отца — и Шлойме-Хаим Кессельман, ставший впоследствии руководителем ешивы в Кфар-Хабаде.

Хасидская община имела четкую структуру. Ее руководителей никто не избирал, они не имели никаких средств принуждения, но их слово было законом для всех. Не только потому, что все их очень уважали, но и по той причине, что делали они свою работу бескорыстно и с огромным риском.

Ведь мы жили при советской власти! И у нее под самым носом существовала большая подпольная организация — со своими законами, лидерами, общинными учреждениями. Если бы органы пронюхали об этом, руководство общины оказалось бы за решеткой. И на немалый срок. Наши лидеры прекрасно осознавали всю меру опасности, но помогали евреям оставаться евреями.

Впрочем, сейчас я понимаю, что власти догадывались о том, что происходит. Узбеки не были настроены антисемитски, да и, пока шла война, властям было, по-видимому, просто не до нас. Но когда война закончилась, власти перестали смотреть на нашу деятельность сквозь пальцы. Однако мне снова повезло — к тому времени я уже уехал из Ташкента.

דאָס איז אַזוי אַרבעט אַ צוואַ אָדער (אַזוי): «Néce è ó Ántá o í áí ó ánti índóái »

В 1947 году моя теть Рива сумела «отбить» в Ленинграде две комнаты в квартире моего деда. Как это было принято после войны, в нее заселили других людей. Все имущество родителей и деда пропало, но мы были рады даже этим двум комнатам. Я вернулся в Ленинград и, поскольку мне уже было десять лет, пошел в четвертый класс обычной школы. Поначалу было очень трудно, я ведь не умел читать и писать по-русски. Пришлось много заниматься, но я наверстал упущенное и даже стал отличником. Изучение Торы я не забросил — ко мне домой приходил меламед, не помню, к сожалению, как его звали, и вместе с ним вплоть до 1949 года я штудировал Талмуд. В самые страшные годы сталинщины любавичские хасиды заботились о том, чтобы я продолжал свое еврейское образование.

В Ленинграде я соблюдал еврейские законы, поэтому в школе возникали проблемы. По субботам я приходил на уроки, но ничего не писал. Придумывал разные предлоги — то бинтовал руку, мол, обжег палец, то еще что-то. Так приходилось выкручиваться всем религиозным евреям, мы находили всевозможные ходы-выходы, чтобы соблюдать заповеди. В школе мы вели одну жизнь, а дома — иную. Я был совершенно оторван от советского образа жизни, и это приводило к разным казусам.

Как-то в школе нам задали выучить наизусть и прочитать вслух стихотворение. До сих пор помню несколько его строчек. Но я ведь не знал, с какой интонацией, в каком ритме следует читать стихи. И я продекламировал их на мотив, с которым читают Талмуд. Учительница, на мое счастье, не поняла ничего, но была настолько шокирована, что вызвала в школу тетю и посоветовала ей немедленно пойти со мной к врачу. «Вашего мальчика надо лечить, — сказала она, — у него явные проблемы с дыханием и с речью».

А сколько проблем мне доставлял талес котн!^[8] Я всегда носил его под рубашкой и очень боялся, что кто-нибудь заметит кисточки цицис. Особенно трудно было это скрыть на уроках физкультуры. Однажды нас повели в рентгеновский кабинет, где пришлось снять рубашку. Я стащил ее вместе с талес котном, врач все же увидел цицис и, конечно, спросил, что это такое. Я сказал, что у меня порвалась майка, а бабушка не успела зашить. После войны все жили скудно, носили кто что мог, и врач поверил. Пронесло.

Классной руководительницей у нас была еврейка. Как-то она вызвала меня и говорит: «Я проверила все твои прогулы за последнее время и нашла в них странную закономерность. Вот, например, тебя не было два дня подряд. Потом десять дней ты посещал занятия без единого пропуска. И снова не явился. Я заглянула в календарь — два дня это был праздник Рош а-Шоно, а через десять дней — Йом Кипур. Ты что, соблюдаешь еврейские праздники?»

Да, она меня «вычислила». Пришлось вновь прикинуться — «я не я, и хата не моя»: «Какой Рош а-Шоно, какой Йом Кипур? Это случайное совпадение, я просто часто болею». Сумел я ее убедить, вновь пронесло.

В 1950 году отец освободился из тюрьмы и вызвал меня в Ташкент. В 1951 году он женился на Бейле, дочери известного хасида из города Невеля Хаима Березина по прозвищу Дер-кацев. От второй жены у него родились два моих брата, которые живут сейчас в Америке.

В Ташкенте мы продолжали вести еврейскую религиозную жизнь. После отсидки у отца была репутация неблагонадежного, и вскоре он почувствовал пристальное внимание органов. Опасаясь, что ему вновь «пришьют дело», отец решил сменить фамилию и скрыться. Так наша фамилия Прус стала Грус — мы убрали одну палочку в букве «П». А Гросом я стал уже в Израиле, где «вав» без огласовки можно прочитать и как «у», и как «о». «Грус» — что-то непонятное, а слово «Грос» — «большой» — известно всем.

Отец изменил фамилию, и мы потихоньку, чтобы никто не узнал, уехали в Ригу. Там была небольшая, но очень дружная хабадская община. До сих пор я помню каждого из моих рижских братьев и поддерживаю связь с теми, кто еще жив, хотя судьба разбросала нас по всему миру: Исроэль Певзнер, Шлойме Фейгин, Мордехай-Арон Фридман, Ноте Баркан, Исроэль Брод, Залман Левин, Гиршель Клебанов, Шимон Гутман, Шолом-Бер Фридман, Нохум Бесер и Аврум Годин, бывший секретарь депутата латвийского сейма Мордехая Дубина, благодаря усилиям которого Ребе Раяцу разрешили выезд в Латвию в 1928 году^[9].

В Риге хабадская община функционировала точно так же, как в Ташкенте. Слух о нашей общине каким-то образом дошел до Ребе, и он послал своего «секретаря по особым поручениям», раввина Нисона Минделя, посмотреть, как мы живем. Его миссия держалась в секрете, лишь спустя много лет мы узнали, что Миндель был посланником Ребе. Он приехал в 1957 году с официальной целью навестить двух своих сестер. Миндель не носил бороду, и мы дивились: вот они какие, современные религиозные американские евреи...

Когда мы узнали, что из Нью-Йорка приехал религиозный еврей, то решили обязательно встретиться с ним. Но как? Подойти в синагоге опасно, вполне возможно, что за ним следят. А если слежки и нет, вдруг кто-нибудь проговорится... Помог случай.

Скоба Абрахам и другие участники похорон, 1965 год

Раввин Миндель попросил в синагоге найти семью, которая могла бы готовить ему кошерную еду. Это была совершенно замечательная возможность, и мой отец не преминул ею воспользоваться. Его жена приготовила пакет с едой. Миндель забрал его в синагоге, и когда он вышел на улицу, по этому пакету отец и определил, что это он. Едва раввин Миндель отошел немного от синагоги и свернул на улицу Ленина, возле него остановилась машина. Из нее выскочили два человека и втолкнули его в машину. Вся операция заняла считанные секунды, Миндель решил, что его схватили люди КГБ. А это были мой отец и Ноте Баркан, который после крушения советской власти стал главным раввином независимой Латвии.

Когда в 1967 году мы с отцом и братом приехали к Ребе в Нью-Йорк, мы встретились и с Нисоном Минделем. Он обнял и расцеловал нас, а потом начал кричать на отца — уж очень сильно его тогда напугали с этим заталкиванием в машину...

В Риге я окончил школу, хотя меня несколько раз из нее выгоняли. Я ведь не приходил по субботам, не вступил ни в пионеры, ни в комсомол, ссылаясь на то, что все еще морально не готов. Получив аттестат зрелости, я подал документы в медицинский институт, сдал вступительные экзамены. Но мне сказали: «Молодой человек, Зуша Шмуїлович, сколько лет отсидел ваш отец и за что? В нашем институте для вас нет места». Пришлось уехать в Ленинград. Я хорошо сдал вступительные экзамены, и меня зачислили в Электротехнический институт имени Бонч-Бруевича.

Там я уже не мог пропускать лекции по субботам, за прогулы сразу бы отчислили. Я приходил на лекции и слушал, ничего не записывая. На это никто не обращал внимания, а я, конечно, тщательно скрывал, что соблюдаю заповеди. Если бы это стало известно, на следующий день меня уже не было бы в институте.

Помню, как-то между занятиями подошел один мой знакомый студент, еврей, и протянул конверт. «Возьми, попробуй, — сказал он, — сейчас Песах». В конверте лежал кусок мацы. Я сделал вид, что ничего не понимаю: «Есть замечательное печенье “Мария”, зачем мне твоя маца?» Студент махнул рукой: «Э, да ты совсем ослепел» — и ушел.

Были случаи и посерьезней. Каждый раз спасал меня доктор Мендл Кубланов. Он был из хасидской семьи, в 1947–1948 годах я питался у них в доме. Кубланов выписывал мне бюллетени по болезни, которая всегда «настигала» меня по субботам и праздникам. Но пользоваться этой возможностью слишком часто было опасно, приходилось придумывать каждый раз что-то новое. Было трудно, но я так ни разу и не попался.

Окончив институт, я вернулся в Ригу. Жили мы тяжело, трудно, но еврейской жизнью. Слушали передачи израильского радио. Их глушили, но в Риге был ВЭФ — завод, выпускавший радиоприемники. Нам удалось найти инженера, он настроил радио так, чтобы оно принимало «зарубежные голоса» на волнах, которые не глушили. Поэтому мы были в курсе того, что происходит в Израиле.

И тут мне привалило счастье — я фиктивно женился на девушке, семья которой имела право на возвращение в Польшу. Лишь совсем недавно я узнал, до чего же мне повезло. В 90-х годах прошлого века раввину Баркану удалось раздобыть в архиве КГБ мое дело. Собственно, не только мое, а всех, кто оформил брак с польскими гражданами. В нем были сведения обо всей моей жизни: где родился, в каких школах учился, какой институт закончил. Даже указывалось, когда, где и как я изменил фамилию. Мы-то думали, что это страшная тайна, а КГБ все знал в точности. И там написано было черным по белому: я намерен воспользоваться браком, чтобы вывезти из СССР всю семью.

В деле имелся список из 148 фамилий — всех, кто вступил в брак таким образом. Поверх списка красовалась резолюция председателя Совета министров Латвийской ССР Лациса министру внутренних дел: «Разобраться и доложить». Органы засекли: евреи заключают браки с польскими гражданами и уезжают. Что случилось с другими людьми из этого списка, я не знаю. Вполне возможно, что их так и не выпустили. Но мне в очередной раз повезло — я беспрепятственно прошел все пограничные проверки и уехал.

Жил я в городке Валбжих, работал директором столовой «Джойнта». Там я уже не скрывал, что соблюдаю заповеди. Хотя Польша и принадлежала к соцлагерю, меня никто не допрашивал и я не ощущал никаких препятствий со стороны властей. Я написал Ребе письмо с вопросом, что мне делать дальше, и получил от него ответ с указанием ехать в Эрец Исраэль.

В Польше я пробыл год и в 1958 году репатрировался в Израиль. Поступил в хабадскую ешиву в Лоде, проучился столько, сколько указал Ребе. После этого я начал работать учителем математики в Беэр-Шеве, стал директором школы в Тверии, а затем много лет был директором тель-авивского колледжа «Тора у-млаха». По указанию Ребе я продолжил изучать и светские дисциплины, закончив Бар-Иланский университет по специальности «управление учебными заведениями». Как и у всякого репатрианта, были трудности, но моя жизнь в Израиле сложилась, слава Б-гу, удачно. Я женился, родились замечательные дети, потом внуки. Я участвовал во всех войнах — и в Шестидневной, и в Войне Судного дня, и даже в 1-й ливанской. Не отсиживался в тылу, воевал в боевых частях, но меня ни разу даже не поцарапало.

Хотя в СССР я и жил в подполье, под чужим именем, в постоянном страхе, но не подвергся арестам и в тюрьму не угодил, эта доля меня, к счастью, миновала. И я благодарен Всевышнему за то, что, несмотря на все проблемы, а их было предостаточно, я сумел с помощью святых людей, окружавших меня, остаться евреем даже в условиях Советского Союза, за то, что попал в Израиль и передал нашу хасидскую традицию своим детям.

[1]. Машгиах — «наблюдатель», наблюдает за всем процессом кошерного забоя скота.

[2]. Шохет — кошерный резник.

[3]. Самуил Евсеевич Немойтин (1879–1937) жил в Ленинграде, работал вязальщиком-трикотажником на дому. В 1937 году был арестован как «активный хасид-антисоветчик и сионист, поддерживающий связь с заграничными сионистскими кругами», расстрелян на Левашовской пустоши, в 1957 году реабилитирован.

[4]. Шмуэль-Исроэль Давыдович Левин (1886–1949) в 1925 году организовал нелегальную ешиву в Невеле и преподавал там, в 1931-м открыл тайный молельный дом в Торопине, в 1933-м — в Климовичах. С 1935-го жил в Егорьевске Московской области, работал кустарем-трикотажником на дому. Организовал здесь нелегальный молельный дом, преподавал в нелегальном хедере, возглавил подпольную ешиву. В 1938 году арестован как «руководитель контрреволюционной организации еврейских клерикалов-хасидов в Егорьевске», ведущий «пропаганду палестинизма». Отказался от показаний, освобожден. Во время войны эвакуировался в Ташкент, потом вернулся, был раввином в Хоральной синагоге. В 1946 году выехал во Львов, где нелегально перешел границу. Был привлечен заочно к следствию по делу «нелегальной антисоветской еврейской националистической организации».

[5]. Пятый Любавичский Ребе, р. Шолом-Дов-Бер (1860–1920).

[6]. Фарбренген — хасидское застолье. Старые хасиды говорили: «На занятиях в ешиве учат хасидизм, а на фарбренгенах — как быть хасидом».

[7]. Нисан Неменов преподавал в нелегальной ешиве в Ленинграде, в начале 1930-х отправлен в лагерь, откуда в 1939-м освобожден. Жил в Егорьевске Московской области, возглавил там хасидскую общину. В эвакуации жил в Ташкенте и в Самарканде, где организовал подпольные хедеры и ешивы. В 1946-м прибыл во Львов и нелегально выехал за границу. В 1947-м был привлечен заочно к следствию по делу «нелегальной антисоветской еврейской националистической организации».

[8]. Талит катан, «малый талит», нательная рубашка четырехугольной формы с цицит по краям.

[9]. Мордехай Залманович Дубин (1889–1956) — депутат латвийского сейма от партии «Агудат Исраэль». Будучи в дружеских отношениях с президентом К. Ульманисом, содействовал смягчению антисемитской атмосферы в стране. Принимал активное участие в общественно-религиозной жизни еврейства, был председателем секции религиозных евреев. С его помощью Ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсон получил разрешение на выезд из СССР в Латвию. В 1940 году с установлением советской власти был арестован как «руководитель реакционной клерикальной еврейской партии “Агудат Исраэль”». Выслан в Куйбышевскую область. С начала 1945 года, после освобождения из ссылки, жил в Москве. Среди хасидов пользовался непререкаемым авторитетом. В 1948-м арестован как «участник антисоветской националистической организации», заключен на 10 лет в Бутырскую тюрьму, в 1951-м признан душевнобольным, отправлен «на принудительное лечение в соединении с изоляцией» в Тульскую психиатрическую больницу, где в 1956-м скончался. Его останки позднее были перенесены на еврейское кладбище в Малаховке.

È ÈÑÒÌ ÌÈÈ Ò×ÀÑÒÈÈ ÌÌÑÑÈÈÑÈÈ ÒÁÁÀÀÁÁ ÁÁÌÈÌÁ 1812 ÁÌÁÁ

ÁÁÌÈÌÁ ÈÌ ÈÒÈÌ

Ñàèðàòòù çàìáíèòíã ááíèèðà è òèèáíòòíà ñýðà Ì íçáñà Ì ñíòàòèíðà, áíáèèíèèè áðà- è ìðèáí òàèèòò Ýèýçáð Èááè, ìòòàòòòòòòò à 1838 áñàò ìí Çàì èá Èçðàèèý, áñòòòòòò è áááááááá Òááðííá ìí-òáíííã ñòáðòà ðáááè Ì ìòá Ì áèççèííã. Áíííí èááñýòèèáíèè ñòáðèè, ìáèí èç ñíííáòáèè è áñòííèè ìáíèèí Òááááá, ìðèèçáèè áèáíèíá áíá-àòèáíèá ìá áíèèòíðà Èááè. Ááá áíáòòòòò ìáíáèèááíííí è ìðááðáíáíèýì è áèíááòèý ìá òèèááááááááááá á ìðèáí-ííá ðáí èè. Òáèí èá òáòáí — çíàòíè òáèí òáè-áíèè èèòááòòòò è ááòíð ì-èíáíèý «Òèðáò Ì ìòá» («Ì áíííí Ì ìèííý», Òèèíá 1888), èíí ì áíòáðèáá è 613 çàìíáííýì, Ì áèççèííí áíèè òáèèáá ì áíèèèíí, ðáççèððáèíý á ñááðáí áíííè ìáòèá è èèòááòòòò è á ñááðáííòáá áááááè ááðííáèíèè è ÿçíèáí è. Á Áèèííí ìí áíèè èáçíá-ááí áááèíèèèè ìáíèèí è ìáíèè èç áèèááèèèè ò-áíèèíá Áèèáíèíáá áíííá, à ìííèá ááá ñááòòò ñòáè ááááí è ìðèááðáèáíòáí ñíííáííèèáíèèáá Òááááá ðáááè Òíáòá-Çáèí áíá èç Èýá È ìáèííáò, à 1812-1814 áñáá, áááò-è ñáèðáòííí áááòíí ðííèèèèèèè ðáççááèè, Ì áèççèííí ñáèèèèèè ñ Ì áííèáíííí ìáíòíèèè, òòí òíò áíááðýè áí òíáíð ñáèðáòííð èíðááíííááí òèð[1].

«Боевая биография» рабби Моше Майзельса окутана легендами. Одна из них рассказывает о том, как в пору установления коротких отношений с Наполеоном рабби Моше разгуливал с переодетым императором Бонапартом по улицам Вильно, другая — о том, как однажды, когда рабби Моше, находясь в штабе французской армии, мирно беседовал с офицерами, внезапно распахнулись двери, ворвался Бонапарт и, положив ему на грудь свою ладонь, произнес: «Ты русский шпион!»; рабби Моше выдержал испытание на этом простейшем, но весьма чувствительном «детекторе лжи», тем самым сохранив свою жизнь и доверие французского императора.

В письме к доктору Леви, написанном после их встречи, Майзельс поделился самыми яркими воспоминаниями 25-летней давности: «В начале войны с Бонапартом я был призван к царю, который в то время проживал в Вильно, и получил указание по мере возможности сблизиться с Бонапартом настолько, чтобы приобрести его доверие и получить возможность видеть и узнавать все его секреты с тем, чтобы передавать их царю. Не имея места для подробного рассказа, скажу вкратце, что во время войны пригласил меня Бонапарт и передал мне послание, чтобы я доставил его в Данциг, где были окружены его войска, и просил доставить ему ответ. И я сделал это, только этот ответ читал также наш царь. И повторил я это дважды...»[2]

О содействии рабби Моше Майзельса другому российскому разведчику, Нафтали-Герцу Шульману, в его тайной миссии 1813 года мы узнаем из краткой записки боевого генерала В. И. Гарпе, сохранившейся среди бумаг Шульмана[3]. Призванные к секретной службе в пользу российской армии, оба разведчика оставили ее по окончании военных действий. Однако этот эпизод биографии выдвинул хасида Майзельса и маскила Шульмана на арену российской истории, повлиял на их дальнейшие судьбы и спустя много лет оставался для них одним из самых животрепещущих воспоминаний.

Подобно Майзельсу и Шульману сотни евреев были призваны войной 1812 года на помощь российской армии. Одни выполняли разовые поручения боевых командиров в качестве лазутчиков, проводников или нарочных, для других секретная служба при военачальниках, в разведке или воинской полиции, растянулась на месяцы или годы, для некоторых она стала главным делом жизни и продолжалась десятилетия.

Эта, по определению императора, «служба еврейского народа» закрепились не только в индивидуальных воспоминаниях участников событий, но также в коллективной памяти и историографии русского еврейства. Об этом свидетельствует, например, апелляция к еврейским военным заслугам в «Проекте о благоустройстве народа еврейского» (1829): «Победа над неприятелем бывает не всегда одними орудиями, а иногда более чрез точнейшие сведения о нем, расположении и намерении оного, в чем уже евреи довольно оказали в 1812 году свое усердие»[4].

Согласно свидетельству доктора Макса Лилиенталя, император Александр I, «выражая признательность» евреям за их секретную службу в 1812 году, нашел для нее точный и зримый образ, назвав евреев «бдительным оком правительства»[5]. Эта оценка императора, проиллюстрированная многочисленными фактами, собранными в монографии «Отечественная война 1812 года и русские евреи»[6] Саула Моисеевича Гинзбурга, утвердилась в еврейской историографии.

В русской исторической литературе, посвященной войне 1812 года, факт массового участия евреев в военной разведке впервые получил отражение в статье историка К. А. Военского 1906 года «Наполеон и борисовские евреи в 1812 году» о драматическом эпизоде из эпопеи отступления французской армии. Находясь в окружении под Борисовом, Наполеон использовал известную всем преданность российских евреев русской армии. Он намеренно дезинформировал борисовских евреев, передав им якобы секретные сведения о месте готовящейся переправы через Березину. Евреи, как и рассчитывал Наполеон, доставили эти сведения адмиралу Чичагову, который, положившись на них, стянул войска к месту готовящейся переправы. А Бонапарт, устроив переправу в другом месте, вывел большую часть своей армии из окружения. «Когда Чичагов убедился в военной хитрости Наполеона, он велел немедленно повесить трех несчастных борисовских евреев, <...> которые, рискуя жизнью, пробрались на квартиру адмирала, чтобы сообщить полученные ими сведения»[7]. Военский делает из этого эпизода вывод о том, что о массовом участии евреев в военной разведке на стороне российской армии были прекрасно осведомлены как русские, так и французские военачальники.

Накануне столетнего юбилея победы пусть одиноко, но весьма убедительно прозвучал вывод заведующего Лефортовским архивом (Московским отделением Общего архива Главного штаба) полковника Н. П. Поликарпова, к которому он пришел на основании анализа многочисленных архивных документов: «Главную роль в производстве тайных разведок играли местные евреи»[8].

Подобную точку зрения высказал и современный специалист по истории российской военной разведки В. М. Безотосный: «Большую часть агентуры русской контрразведки в западных областях Российской империи составляли евреи, преимущественно мелкие торговцы и ремесленники»[9]. Эта ремарка помещена не в основной текст статьи, а в примечания, что весьма характерно для представления российской исторической наукой темы участия евреев в войне 1812 года.

Напомним, что конфронтация 1805–1812 годов с наполеоновской Францией послужила для России серьезным стимулом к формированию органов безопасности. Необходимость противостоять французскому военному шпионажу и пропаганде вызвала к жизни первые центральные учреждения так называемой «высшей полиции» Александровской эпохи: Комитет высшей полиции (1805) и Комитет охранения общей безопасности (1807). С образованием в 1811 году Министерства полиции функции «высшей полиции» были переданы его Особенной канцелярии[10]. В ее ведении были общий надзор и тайный сыск, а также организация контрразведки и сбор сведений военно-политического характера за рубежом. Высший эшелон органов безопасности опирался в своей работе на местные полицейские структуры, подчиненные губернаторам.

В 1810 году началось формирование и военной разведки. Это было одно из тех неотложных мероприятий, которые успел реализовать накануне войны новый военный министр — прославленный боевой генерал М. Б. Барклай де Толли. Секретная экспедиция (1810 год), а затем Особенная канцелярия при военном министре (1812 год) стали высшим органом разведки внутри империи и за ее пределами[11], они опирались на командиров воинских частей, дислоцированных в приграничных областях. В апреле 1812 года функции организации разведки приняла на себя Высшая воинская полиция, которую возглавил Я. И. де Санглен, бывший директор Особенной канцелярии министра полиции[12]. Подчинив Высшей воинской

полицейские органы, Санглен в какой-то мере централизовал управление разведкой накануне французской интервенции.

*Γὰ ἀνάγκην ἴσθι ἀτὰ 13(25) ἐβρίϋ 1812 πᾶσα
Ἀδαρδα Ὀδεῖν εἰτὰ Ἀεεῖζαεῖν ἃ ὀτὶ Οἰαῖν-ἄρ-Ὀτῶν 1830-ἃ πᾶν*

В период 1811 — начала 1812 года обе ветви высшей полиции — гражданская и военная — параллельно занимались вопросами контрразведки и тактической разведки. При этом обе они опирались на агентуру из жителей пограничных областей, главным образом евреев. Если для целей стратегической разведки использовали крупных купцов, ведущих зарубежный торг, то для целей тактической разведки и контрразведки зачастую использовались добровольцы из числа прикордонных мелких торговцев. В приграничных районах, присоединенных от Польши, евреи, в массе своей, оказались едва ли не самым лояльным российской власти элементом населения, к тому же многие из них выказали готовность и способности к выполнению секретных заданий. Занятые в мирное время прикордонной торговлей, в том числе мелкой контрабандой, местные евреи отличались прекрасным знанием местности, обилием связей по обе стороны границы, знанием языков, невысокой требовательностью к условиям жизни.

Действия российской разведки особенно активизировались весной 1812 года: в эти предвоенные месяцы еврей-лазутчики из приграничных городов и местечек регулярно засылались в соседние Пруссию и Герцогство Варшавское. Назовем некоторых из них: купец и член городского управления из Белостока Гирш Гальперн (Альперн) — постоянный агент российской разведки с января 1811 года; Захариас Нафтелович из Ковно — прикордонный торговец, переезжавший границу на собственной фуре; Давид Валах из Белостока — один из самых активных лазутчиков, «весьма расторопный, пронырливый и скрытный», согласно характеристике правителя Белостокской области С. А. Щербинина; Смерка Шеффер — тайный агент при генерале Л. Л. Беннингсене; Зельман из Устилуга — агент штаб-ротмистра Шанценбаха, сотрудника разведки на севере Волыни; Гирш Гордон из Вильно и Мовша Давидович из Средника — российские лазутчики в Герцогстве Варшавском; Лейба Медведев из Вильно и Янкель Иоселевич — агенты российской разведки в Пруссии[13].

Для засылки разведчиков за границу организаторы разведки снабжали их специальными купонами. Половина купона оставалась на соответствующей таможенной заставе, через которую агенту надлежало вернуться. Согласно распоряжению императора, таможи беспрепятственно пропускали в обе стороны евреев-торговцев, являвшихся с этими купонами.

Описания примет разведчиков на таможенных купонах — это все, чем мы можем воспользоваться сегодня, чтобы представить себе черты наших героев, ведь до изобретения фотографии оставалось еще несколько десятилетий, а писать их портреты было некому, да и незачем.

Многие разведчики засылались в Герцогство Варшавское через Юрбургскую таможеню. Оставшаяся на таможенной заставе половина купона от 20 марта 1812 года зафиксировала приметы одного из них:

«Имя — еврей из Вильямполя Юдель Самойлович.

Рост — двух аршин, четырех вершков.

Лицо — немного ряб.

Нос — тонок и продолговат.

Волосы — черные»[14].

Другой купон Юрбургской таможни от 8 апреля 1812 года сохранил черты неоднократно выполнявшего секретные поручения за рубежом российского разведчика Меера Марковского, награжденного впоследствии серебряной медалью[15]:

«Имя — Юрбургский житель еврей Мейер Марковский.

Рост — два аршина, три вершка с третью.

Лицо — овальное.

Глаза — темно-карие.

Нос — средний, ровный.

Волосы — на голове черные, на бакенбардах русые, бороду бреет»[16].

По предписанию генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута 12 мая 1812 года через Ковенскую таможеню был послан за границу секретный агент Юдель Беркович. На таможенной заставе также осталась половина купона:

«Имя: еврей из Янова Юдель Беркович

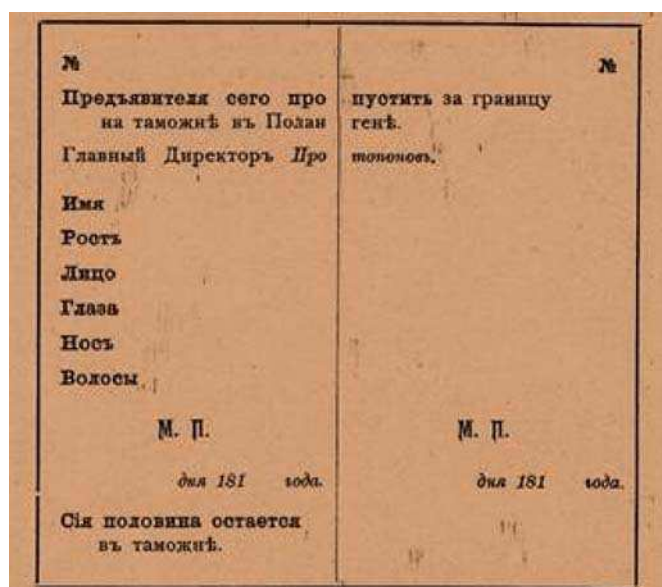
Рост: 2 аршина и 4 вершков.

Лицо: белое и гладкое.

Глаза: серые

Нос: продолговатый с горбиною.

Волосы: черные»[17].

Если предыдущие очерки этого цикла касались привлечения евреев организаторами разведки посредством общинных управлений[18] или использования крупных коммерсантов, ведущих заграничный торг, для сбора сведений военно-политического характера[19], то ниже будет представлена иная модель установления сотрудничества евреев с органами безопасности. Речь пойдет о тех, кто стремился к секретной службе и, став тайным агентом в военные годы, не оставил эту службу по окончании войны. Помимо общей стратегии поведения этих агентов-добровольцев можно отметить нечто общее в их характерах — своеобразное сочетание живого ума, склонного к хитрости, и безрассудной смелости, переходящей в авантюризм. Эту группу сотрудников военной полиции характеризует также общность социального положения — утрата связей с общиной, а порой и с семьей. Служба в качестве секретных агентов в армии открывала для них перспективу существования вне общины, обеспечивала их средствами для жизни, восстанавливала или даже существенно повышала их социальный статус. Для некоторых из них служба в разведке или тайной полиции проложила путь к интеграции в русское общество. Впрочем, как в предыдущих, так и в этом очерке я уклоняюсь от попыток изобразить обобщенный портрет еврей-разведчика, а предлагаю обратиться к конкретным биографиям «бойцов невидимого фронта».

Вот, например, что рассказал о себе начинающий секретный агент российской разведки Берка (Бер) Нейман:

«От роду 23 года, веры старой еврейской, родом Литовско-Виленской губернии в городе Ковне, оттуда малолетним еще переведен родным моим отцом в Пруссию, от Ковны за 14 верст, в местечко Сапежишки, в котором, проживая при отце до законного возраста, был женат на еврейской дочери и имел свой собственный дом, а назад тому год с женою своею сделал разводную и жил один. Сначала был я купцом, но несчастным случаем в имевшемся у меня имуществе в наличном товаре получил великий убыток, сделался не в состоянии быть оным, пропитал себя от мелочной торговли»[20].

В сентябре 1811 года несостоявшийся муж и разорившийся купец Нейман получил предложение от «перекреста» Титова, бывшего агентом литовского гражданского губернатора, привезти за соответствующую плату «с Варшавской стороны бумаг, <...> какое там обывателям от присутственных мест есть приказание, и что велено им заготовить, <...> о российских дезертирах, как с ними от тамошнего правительства поступают». В ближайшую ночь Нейман пересек границу и на завтра доставил необходимые бумаги Титову в Ковно. На выполнение нового задания — собрать сведения «о сборах фуража и прочих предписаний к обывателям» — у Неймана ушло несколько дней. Не передавая собранные сведения Титову, не оплатившему предыдущее поручение, Нейман добился приема у литовского гражданского губернатора А. С. Лавинского, которому и отдал доставленные из-за границы бумаги. После этой встречи новоявленному разведчику была «отведена квартира в Вильне, за которую, как и за харчи, платил вышепрописанный Титов по приказанию господина губернатора». Однако начальство не позволило ему расслабиться на казенных харчах, и уже 11 октября Нейман был снова отправлен губернатором за подобными сведениями «и нет ли еще чего нового о движении войск оных, о намерении их». Получив через Титова 50 рублей ассигнациями, Нейман снова отправился за границу и «достал из 3-х поветов разные секретные бумаги, касающиеся до намерений Герцогства Варшавского». Как и в предыдущих своих вылазках, он пересек пограничный Неман на лодке и 31 октября вернулся в Ковно. По распоряжению губернатора Нейман оставался на жительстве в Вильно, в предоставленной ему казенной квартире, ожидая обещанного ему щедрого вознаграждения.

Некоторое время спустя, 12 февраля 1812 года, когда губернатор находился в С.-Петербурге, Неймана вызвал через своего агента-еврея Маркуса Сменделевича командир 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенант К. Ф. Багговут, руководивший военной разведкой в крае. Он опять поручил Нейману «съездить в Герцогство Варшавское за новыми сведениями». Получив от Багговута подорожную до Ковно и таможенный билет (купон), Нейман отправился выполнять его поручение. Однако, узнав от своей ковенской родни, что он находится под подозрением и за его поимку назначено вознаграждение, Нейман отправился за границу в обход таможенных застав, перейдя Неман по льду. Необходимые сведения он собрал в Мариупольском повете Герцогства Варшавского и, вернувшись в Ковно, отослал их с нарочным на имя Маркуса Сменделевича для генерал-лейтенанта Багговута. Аналогичное поручение военачальника Нейман выполнил также 2 марта, снова перейдя Неман по льду.

Через несколько дней находившийся в Ковно сотрудник русской военной разведки подполковник маркиз М.-Л. де Лезер вызвал Неймана через своего агента-еврея и поручил ему «с той стороны достать известия, сколько там взято рекрут и лошадей с обывателей». На полученные от маркиза деньги Нейман нанял своего агента, который доставил ему рапорт о военных повинностях польских крестьян, который и был передан де Лезеру. Стремясь заслужить поощрение генерал-лейтенанта Багговута, в ночь с 11 на 12 марта Нейман снова перешел по льду Неман, и собранные в Герцогстве Варшавском бумаги «отослал по эстафете к Багговуту, адресуя на еврея Сменделевича», аналогичную вылазку он повторил и 14 марта.

3 апреля 1812 года, во время визита в Ковно военного министра, маркиз де Лезер, по-видимому, доложил ему об отважном молодом человеке, активно подвизающемся на секретной службе, и в тот же день Нейман получил через маркиза вознаграждение в пять червонцев. Он не стал почивать на лаврах и уже в ночь с 5 на 6 апреля, переплыв Неман в рыбацкой лодке, «был в Мариуполе, где достал немалое количество бумаг, и с оными 8-го числа вечером тайно переехал с рыбаками на лодке; 9-го числа был у графа де Лезера, которому отдал все те бумаги, от него получил 11-ть червонцев».

С таким вот усердием начинающий агент российской разведки Берка Нейман выполнял секретные поручения как гражданского, так и военного начальства с осени 1811 до весны 1812 года. Эта бравая служба чуть было не завершилась еще накануне военных действий его арестом по подозрению в шпионаже. Тот факт, что Нейман остался «в строю», вероятно, следует поставить в заслугу военному министру, к которому поступили бумаги арестованного. Думается, что бесстрашный генерал Барклай де Толли, не найдя в его действиях преступного умысла, по достоинству оценил усердие и отвагу начинающего тайного агента и оставил его в армейской разведке.

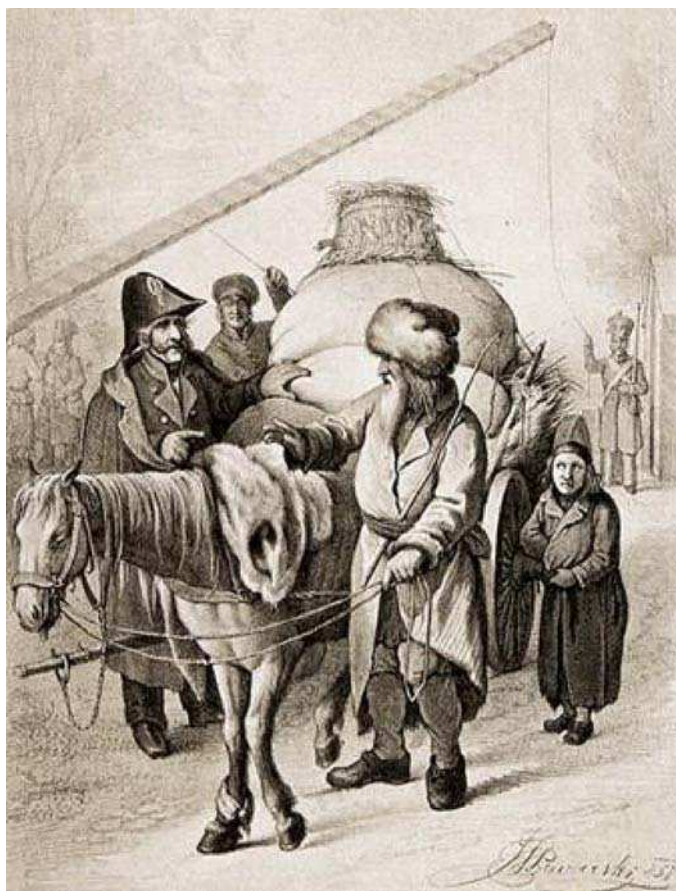
Судя по аттестатам и наградам, Нейман вполне оправдал доверие главнокомандующего. В 1812 году он нес службу при Высшей воинской полиции под началом барона П. Ф. Розена, сменившего в сентябре ее первого директора де Санглена, одновременно Нейман выполнял секретные поручения фельдмаршала М. И. Кутузова и начальника Главного штаба П. М. Волконского. За эту службу он удостоился награды от фельдмаршала: 20 февраля 1813 года Нейману была «всемиловитейше пожалована серебряная медаль на Анненской ленте»[21]. В 1814 году он продолжал находиться на службе воинской полиции. В 1815–1819 годах Нейман состоял при оккупационном корпусе графа М. С. Воронцова во Франции. Вернувшись в 1819 году вместе с корпусом в Могилев, где располагалась Главная квартира 1-й армии, Нейман получил от начальника штаба 1-й армии генерал-адъютанта А. А. Дибича «повеление находиться там для надзора по разным делам». В период трехлетней службы под началом Дибича Нейман был «всемиловитейше пожалован золотой медалью с надписью “За усердие” на Александровской ленте», вскоре после чего Берка Нейман, величаемый в армейских аттестатах Борисом, прошел обряд крещения в евангелической церкви Вильно «с наименованием по крещении Эдуардом». Этот шаг позволил ему приблизиться к заветной цели: 27 сентября 1821 года Нейман был произведен в чиновники 14-го класса по воинской полиции. С получением этого нижнего чина в табели о рангах, который соответствовал прапорщику в армии и коллежскому регистратору на гражданской службе, Нейман переходил в дворянское сословие, со всеми присущими дворянам привилегиями. Перед ним открывалась широкая перспектива государственной службы. Однако через год Нейман подал прошение об оставке от службы в военной полиции, о чем свидетельствует аттестат, выданный ему генерал-полицмейстером 1-й армии генерал-майором И. Н. Скобелевым.

По-видимому, ежедневная рутина что военной, что гражданской службы не привлекала свежее испеченного полицейского чиновника, склонного к опасным авантюрам, в то же время, как показывает его дальнейшая деятельность, он уже не был способен заниматься чем-либо, кроме тайного сыска. Если же верить самому Нейману, его отставка была обусловлена поручением, данным ему генералом Скобелевым: он направлялся в Киев «для забратия сведений о тайных собраниях масонских, в участии в коих подозревались также многие воинские чины»[22]. (Напомним, что 13 августа 1822 года специальным

рескриптом Александра I были запрещены масонские ложи и прочие тайные общества.) Так или иначе, Эдуард Нейман предпочел спокойному продвижению по служебной лестнице поприще тайного агента на «фрилансе» — служебные рапорты, которые он подавал начальству в течение десяти лет, отныне превращались в самодельные доносы.

Отметим, что в Российской империи первой половины XIX столетия, при неразвитости так называемого «общественного мнения» и каналов «гласности», «доносительство» стало в системе государственного управления средством обратной связи между обществом и администрацией. Понятия «донос» и «доносчик» оказались включенными в законодательные акты в качестве официальных инструментов раскрытия преступлений; были установлены формы доносов и оплата этого вида услуг. Такое официальное отношение к доносу стимулировало развитие доносительства и умножало число доносчиков.

Формально расставшись со службой в армейской полиции, Нейман по-прежнему ощущал себя на страже законности и порядка, вменив себе в «обязанность <...> везде, где бы ни находился, по усмотрению ущерба или обмана казны доносить о том без замедления»[23]. И вскоре, как из рога изобилия, посыпались в высшие полицейские инстанции доносы Неймана: о контрабанде в Бердичеве и ее сокрытии за счет доходов «коробочного сбора»; о евреях Бердичева, отрезающих себе пальцы во избежание воинской повинности; доносы на подрядчиков Адельсона, Перетца, Мееровича, на поставщика армии Фейгина, на польских офицеров — участников мятежа 1831 года и на многих других. Неймана не останавливало даже то, что за недоказанность доносов он подвергался арестам и содержанию в тюрьме. А когда стало очевидно, что доносы не приносят того дохода, на который рассчитывал Нейман, этот страж законности вынужден был сам пойти на преступление, обещавшее раз и навсегда обеспечить его будущее. Воспользовавшись своим давним знакомством с подрядчиками Мееровичами, он, по договоренности с виленским купцом первой гильдии Абрамом-Меером Мееровичем, сыном и наследником поставщика армии Натана Мееровича, совершил подлог и вписал в старую маклерскую книгу, хранившуюся в городском магистрате С.-Петербурга, долговое обязательство по ложному контракту, якобы заключенному в 1812 году при Главной квартире действующей армии между армейскими поставщиками Натаном Мееровичем и Ицхаком Адельсоном[24]. Согласно этой записи, наследники Ицхака Адельсона должны были вернуть Абраму-Мееру крупную сумму. В результате раскрытия подлога Эдуард Нейман оказался в сибирской ссылке. Так завершился этот авантюрный роман, написанный самой жизнью секретного агента.

Ві ОвеепІ еадітее. Адаі аао іо ес і іа Аді аа — і ді аа : ааі; ді аа о ес. Ае ае і о аеа І аді аі аау а Аа аа аа

При всей уникальности биографии Неймана, она представляется вполне типичной для определенной группы евреев-разведчиков, нашедших в секретной службе оптимальный способ реализации своих способностей.

Подобный сюжет разворачивается в боевой биографии другого российского разведчика — Ушера Жолквера. В отличие от Неймана, усердие Жолквера в годы войны не было отмечено медалью, однако «родина не забыла своего героя», точнее, вспомнила о нем почти через 200 лет. В 2002 году журнал «Родина» опубликовал статью российского историка Петра Черкасова с убедительным названием: «Ушер Жолквер — неизвестный герой». Портрет начальника Главного штаба барона И. И. Дибича, иллюстрировавший статью, не оставлял у читателей сомнений в принадлежности еврея-разведчика к славной когорте героев войны 1812 года[25].

Мещанин и домовладелец из города Дубно на Волыни Ушер Жолквер стал в годы Наполеоновских войн секретным агентом при российских военачальниках и организаторах разведки, его послужной список отчасти реконструируется по их характеристикам[26].

Так руководитель российской разведки в Белостокской области, полковник свиты его императорского величества Л. А. Турский, осуществлявший «наблюдение политически секретных интересов как внутри империи, так и вне оной», свидетельствует о том, что Жолквер «был неоднократно, а наипаче в 1811 и 1812 годах употребляемым в посылках за границу, так и во внутрь, в немаловажных препоручениях, кои исполнял верно и аккуратно, подвергая себя часто большим опасностям, а кольми паче, будучи пойманным от неприятеля, и что он, Ушер, кроме меня был от других многих генералов командующих употребляем по сему предмету, исполнял все в пользу Отечества с немалым усердием и рачительностью, почему, будучи отвлекаем от своего хозяйства, понес как в имении, так и в здравии своем немалый убыток и лишился от пожара собственного дома, а сверх того вовсе ограблен был от неприятеля».

Несколько боевых командиров, при которых Жолквер состоял в качестве секретного агента, в их числе генерал от инфантерии граф А. Ф. Ланжерон, довольствовались однообразными характеристиками: «Во время нахождения его при мне по казенным немаловажным надобностям вел себя честно и добропорядочно, и препорученные ему от меня доверенности выполнял исправно».

Отличившийся в битвах под Смоленском и Красным подполковник артиллерии и будущий декабрист А. В. Ентальцев в аттестате, выданном Жолкверу, писал: «Во время нахождения его при мне в течение двух лет исполнял разные поручения с усердием и деятельностью и вел себя честно и добропорядочно».

Оставшись по окончании военных действий без постоянной службы и обделенный наградами, бывший секретный агент подал 27 сентября 1823 года прошение на имя императора, подписав его на иврите полным своим именем: Ушер-Вольф, сын покойного Моше, Жолквер. В этом прошении были уточнены некоторые подробности его боевой биографии: «В 1812 году, находясь за границей для секретных сведений о движении неприятеля, был я взят оным в плен, и в таком разе принужден был для прикрытия падшего подозрения имевшееся у меня от покойного князя Багратиона, главнокомандующего армиею секретное повеление истребить. После освобождения из плена и лишившись всего имущества, состоявшего в вещах и деньгах по крайней мере на десять тысяч рублей ассигнациями, делал я равно мерные войску Вашего императорского величества услуги. Быв отвлечен от домашних занятий (кроме лишения предсказанного в плену имущества) по несчастию наконец к вящему и совершенному разорению сгорел собственный мой дом в городе Дубне находившийся, из которого я с семейством имел по крайней мере дневное пропитание»[27]. Послание Жолквера, переданное в Тульчине в походную канцелярию императора, завершалось несколькими просьбами: о награждении его за услуги, оказанные им в войне 1812 года, о снабжении его паспортом для свободного проживания в разных городах империи, а также о предоставлении ему «на краткое время аудиенции для открытия неких обстоятельств»[28]. Последняя просьба свидетельствует о том, что, оставшись вне службы в воинской полиции, секретный агент фактически продолжал свое служение законности и порядку.

Предполагая, что дубновского мещанина проще всего застать в его родном городе, начальник Главного штаба генерал-лейтенант Дибич распорядился о доставлении Жолквера к нему во время проезда через Дубно императора. Однако этому свиданию не суждено было состояться. В это время Жолквер находился уже в пограничном местечке Атаки, участвуя в организованной заместником Бессарабской

области графом М. С. Воронцовым операции по открытию контрабандных промыслов с соседней Османской империей.

По-видимому, успехи Жолквера в раскрытии контрабандной торговли вкупе с прошлыми его заслугами произвели сильное впечатление на центральную администрацию. По распоряжению Дибича он был доставлен в столицу, где удостоился приемов у начальника Главного штаба и у министра финансов Е. Ф. Канкрин. По распоряжению высоких сановников Жолквер направился в Одессу, где поступил в распоряжение начальника Одесского таможенного округа князя П. П. Трубецкого. Находясь здесь в течение 1825–1826 годов, Жолквер, согласно аттестату, полученному от Трубецкого, «исполнял все препоручения <...> с отличным усердием, открывал и доводил до сведения <...> все противозаконные поступки»[29]. Впоследствии секретный агент был направлен в Подольскую губернию, где «в продолжение 1831–32 годов имел поручения по некоторым до службы относящимся обстоятельствам и исполнил оные с усердием»[30].

Через двадцать лет службы секретным агентом военной, а затем гражданской полиции Жолквер оказался неспособным заняться каким-либо иным мирным промыслом. Свое кредо он изложил в «Записке» на имя киевского генерал-губернатора В. В. Левашева: «Со времени упражнения моего в сих делах, то есть с 1811 года, я всегда доводил до сведения, о чем только узнавал и предоставлял способ к открытию... Раз навсегда посвятив свои услуги начальству для пользы Государя, не могу умолчать обо всех известных мне злоупотреблениях ко вреду государства относящихся, употребляю все средства с немалыми собственными издержками к узнанию в сущности закрытых пред начальством вредных обстоятельств, но при всем том избегая гласного звания доносчика и доказчика»[31]. Впрочем, эти объяснения с начальством — очевидный признак заката карьеры секретного агента. Словно архетип авантюрного романа с трагическим концом, из биографии в биографию повторяется драма секретного агента. Рано или поздно тайна его профессии становится секретом Полишинеля, и с этих пор прилагаемые им усилия к обнаружению преступлений не приносят результатов. Пытаясь доказать начальству и себе самому свою значимость, он вынужден «раздувать» проступки, «изобретать» преступления. В марте 1833 года бывший патрон секретного агента генерал-губернатор Левашев характеризует его следующим образом: «Жолквер был мною употребляем по секретной части иногда с успехом, но в последнем времени заметил я, что доносы его имеют вредную односторонность <...>, начали оказываться многие из них ложными, я прекратил давать им веру»[32].

За очередной не подтвердившийся донос о злоупотреблениях командира киевского артиллерийского гарнизона Жолквер был подвергнут судебному преследованию. Дубновский магистрат осудил его, «но принял в уважение, что Жолквер не имел другого намерения, кроме усердия при доведении казавшегося ему для казны вреда», оставил его на свободе, «подтвердив, однако, чтобы он впредь воздержался делать несправедливые доносы»[33]. Однако ни аресты, ни преследования не в силах были остановить Жолквера, его доносы продолжали поступать к главе Третьего отделения А. Х. Бен-кен-дор-фу. Последний из них лег в основу заведенного Высшей полицией в 1836 году дела «О злоупотреблениях владельцев Бердичева — князей Радзивиллов», в котором оказался замешан один из самых видных евреев Бердичева — винный откупщик Роман Рубинштейн, дед известных русских композиторов[34].

Любопытно, что начиная с эпохи Наполеоновских войн органы безопасности оказались единственными российскими учреждениями, которые охотно привлекали к своей деятельности евреев. Опыт использования евреев на секретной службе в военные годы пригодился, в частности, при образовании в 1826 году центрального органа высшей полиции — Третьего отделения собственной канцелярии его императорского величества[35]. Среди тайных агентов Третьего отделения оказались и евреи, как правило отколовшиеся от еврейских общин, а среди них — и те, кто прошел соответствующую школу в армии. Служба евреев в органах безопасности в мирное время оставалась маргинальным явлением, несравнимым по масштабам с их участием в войне 1812 года. Однако, несмотря на незначительное число евреев, задействованных в работе тайной полиции и сыска, их появление по делам службы в губернских городах и в столицах обращало на себя внимание, стимулируя рост подозрительности по отношению к ним. Кодекс дворянской чести, все более определявший этические нормы российского общества, относился к шпионажу и сыску как занятиям презренным. Соответственно и образ евреев как «бдительного ока правительства» изменил свою коннотацию в восприятии его российским обществом. Стереотип отношения к евреям, утверждавшийся в общественном сознании 1820-х годов, с предельной лаконичностью выразил Александр Сергеевич Пушкин, отметив в дневниковых записях 1827 года «неразлучность понятий жида и шпиона»[36]. Это замечание поэта, пусть и не высказанное публично, свидетельствует о том, что зародившаяся было в войне 1812 года тенденция к установлению взаимного доверия, в мирное время сменилась традиционной для российского общества подозрительностью и неприязнью в отношении к евреям.

[1]. Марк А. Письмо р. Моше Майзельса к р. Элизеру Леви (д-р Леви) // Маасеф Цион. 1930. Вып. 4. С. 39–43 (иврит).

[2]. Там же. С. 43.

[3]. Дело об установлении надзора за жителем г. Быхова Могилевской губ. Шульманом Г. А., 1814 г. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1165. Оп. 1. Д. 16. Л. 18. Более подробно о деятельности Н.-Г. Шульмана в годы русско-французских войн см.: Лукин В. «Служба народа еврейского и его кагалов». Евреи и Отечественная война 1812 года // Лехаим. 2007. № 11. С. 38–42.

[4]. Проект о благоустройстве расстроенного положения народа еврейского. ГАРФ. Ф. 109. САЗ. Д. 2312, [1829 г.]. Л. 30; опубл. в: Лукин В., Минкина О. «Вопль дочери иудейской» 26 лет спустя. Проект еврейской реформы 1829 г. и его автор // Архив еврейской истории. 2011. Т. 6. С. 308.

[5]. Оршанский И. Г. Русское законодательство о евреях. СПб., 1877. С. 302; первая публикация: Еврейская библиотека. 1872. № 2.

[6]. Гинзбург С. М. Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912.

[7]. Военский К. А. Наполеон и борисовские евреи в 1812 году // Военный сборник. 1906. № 9. С. 211–219.

[8]. Поликарпов Н. Очерки Отечественной войны // Новая жизнь. 1911. № 10. С. 154.

[9]. Безотосный В. М. (сост.). Документы русской военной контрразведки в 1812 г. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1992. С. 68.

[10]. О формировании органов безопасности в предвоенную эпоху см.: Севастьянов Ф. Развитие «высшей полиции» при Александре I // Жандармы России, серия «Архив». М., 2002. С. 201–248.

[11]. О формировании российской военной разведки накануне войны 1812 г. см.: Безотосный В. М. С. 50–68.

[12]. См: Записки Якова Ивановича де-Санглена 1776–1831 // Русская старина. 1883. Т. 37. С. 539–540.

[13]. См.: Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Отечественная война 1812 года. СПб., 1901–1909. Т. 2, 3, 7, 11, 12.

[14]. Там же. СПб., 1909. С. 239. Т. 11.

[15]. Книга о пожалованных вещах, 1811–1814 гг. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 43. Д. 969. Л. 313.

[16]. Материалы Военно-ученого архива... СПб., 1909. Т. 11. С. 239.

[17]. Материалы Военно-ученого архива... СПб., 1909. Т. 12. С. 203.

[18]. См.: Лукин В. Кагалы тайные и явные // Лехаим. 2012. № 2.

[19]. См.: Лукин В. «Полезные евреи» // Лехаим. 2012. № 3.

[20]. Здесь и далее см.: Об аресте Неймана. Центральный архив истории еврейского народа (ЦАИЕН). RU1630.5 (оригинал: Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 152. Оп. 1. Д. 246).

[21]. Книга о пожалованных вещах. РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 969. Л. 313. Здесь и далее см.: Нейман Эдуард доносит о злоупотреблениях по бердичевскому коробочному сбору. ЦАИЕН. НМ2/9481.2 (оригинал: Центральный государственный исторический архив Украины в Киеве [ЦГИАУК]. Ф. 444. Оп. 3. Д. 326. Л. 28 с об.

[22]. Там же. Л. 52 об.

[23]. Там же. Л. 53.

[24]. См.: О фальшивых документах, составленных Меером Мееровичем, Нейманом и др. ЦАИЕН. НМ2/9810.12 (оригинал: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1838 г. Д. 242).

[25]. Черкасов П. Ушер Жолквер — неизвестный герой // Родина. 2002. № 4–5. С. 60–64.

[26]. Здесь и далее см.: По отношению... Бенкендорфа о... Жолквере, 1835–38. ЦАИЕН. НМ2/9452.19 (оригинал: ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 785. Д. 123).

[27]. По предписанию начальника Главного штаба его величества о привезении сюда из Главного штаба 2-й армии еврея Ушера-Вольфа Мошковича Жолквера, 1824–1825. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 36. Оп. 1. Д. 1402. Лл. 17–18 (опубл.: Черкасов П. С. 61).

[28]. Там же.

[29]. Там же.

[30]. Там же.

[31]. По Записке из Бердичева от Ушера Жолквера, 1833 г. ЦАИЕН. НМ2/9452.12 (оригинал: ЦГИАУК. Ф. 422. Оп. 783. Д. 256).

[32]. По отношению генерал-адъютанта Бенкендорфа о дубенском мещанине, бердичевском жителе Ушере Вольфе Жолквере, 1833 г. ЦАИЕН. НМ2/9452.5 (оригинал: ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 783. Д. 40).

[33]. По отношению... Бенкендорфа о... Жолквере, 1835–38. Там же.

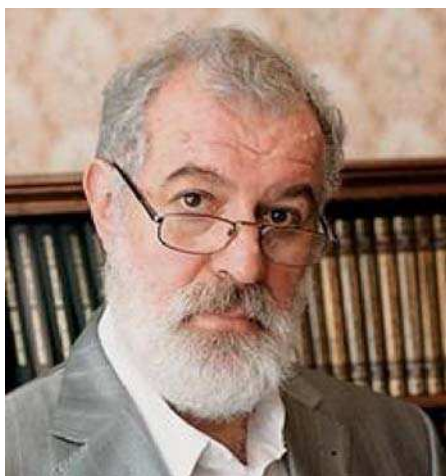
[34]. См.: ЦАИЕН. RU1136 (оригинал: ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1836. Д. 220).

[35]. Придя к власти в момент острейшего кризиса, Николай I начал реформирование государства с собственной канцелярии, превратив ее в высший орган управления. Третье отделение канцелярии осуществляло всеобъемлющий контроль за соблюдением законности в деятельности государственного аппарата и во всех областях жизни российского общества. Тайная агентура Третьего отделения формировалась из представителей всех общественных слоев, включая евреев.

[36]. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 т. Л., 1978. Т. 8: Дневники. С. 18. Пушкин сделал запись в дневнике 15 октября 1827 года о встрече с конвоируемым в Динабургскую крепость Кюхельбекером, которого он принял сперва за еврея.

Ἰ Ἀ Θ Ἰ Ἀ Ἐ Π Ἰ Ἐ Ἰ Ἀ

Ὁ θᾶ ἐς αἰετὶ ἐβαίτεᾶ Ἀεἰετῆ ἄθῆα: Ἰ ἀεὲ, ὁ-αὶ ἴε, εἰεὶ ἴδ, ἰ ἀκῆα-εἰ

«Более талантливого и витального человека я не встречал...» — написал о Лене профессор Рувин Фербер. Его внезапный уход во время праздника Пурим — а он был и постановщиком запомнившихся многим пуримшпилей, да и сам как бы воплощал идею праздника жизни, — стал последней загадкой этой блистательной, разносторонне одаренной личности, встреча с которой оставила неуничтожимый след в памяти многих, очень многих, для кого он был коллегой, другом, учителем.

Если и справедливо восточное утверждение, согласно которому «никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе — учитель», то все же Ленья был учителем не как «каждый человек», а как, честно говоря, мало кто в нашем мире, и это может подтвердить любой, кто когда-либо имел счастливую возможность слушать его академические лекции в университетах разных стран или на студенческих школах «Сэфера» или популярные лекции — в разных по составу аудиториях, а в последние годы его жизни эту возможность, особенно благодаря радио («Эхо Москвы») и телевидению (канал «Культура», проект «Academia»), получили многие.

Как учитель, просветитель Ленья бесспорно обладал харизмой, заражая аудиторию пониманием, что наука может быть нескудной. Интересуясь «каждым винтиком этого мира» — «историей людей, историей идей, историей домов и снящихся в них снов», — Ленья своей исследовательской траекторией как бы подтверждал слова Лоренса Стерна о том, что жажда знаний, как и жажда богатства, увеличивается по мере ее удовлетворения. Его интересовали самые разные темы: происхождение религий и театральное искусство, библеистика и история масонства, каббала и сакральная география (например, он занимался метафизикой Петербурга, разработал и осуществил специальный экскурсионный проект о религиозной жизни старой и нынешней Москвы, который назвал «Все храмы в этом мире святы, или Острова блаженства») и многое другое. Естественным продолжением, или отражением, этого многообразия интересов было многоязычие Лени и его переводческий талант.

Леонид Александрович очень много сделал для становления и развития иудаики на постсоветском пространстве: и работая в Международном центре университетского преподавания еврейской цивилизации Еврейского университета в Иерусалиме, и став одним из отцов-основателей и членом Академического совета Центра «Сэфер», и руководя академическими программами «Джойнта», и будучи проректором по иудаике Международного Соломонова университета в Киеве, и неутомимо занимаясь собственной лекционно-преподавательской деятельностью. Его стараниями и усилиями вышел сборник «Библейских исследований» (1997) — первая попытка представить на русском языке мировую библеистику, а недавним плодом его многолетнего труда стало фундаментальное издание — «Классические библейские комментарии: Книга Бытия» (2010), куда вошли переводы с древнееврейского, арамейского и средневекового иврита. Отражение его разнообразных талантов и интересов — пьеса о рабби Акиве «Скачущий на льве. Сцены из древней истории» (2011), ставшая теперь уже последним из изданного им.

Почему-то Ленья, которого принято было представлять как «доктора филологии и теологии», избрал девизом своего сайта строки стихотворения «универсального доктора», французского теолога и поэта XII века Алана Лилльского: «Omnis mundi creatura quasi liber et pictura, nobis est, et speculum» («Все

творения мира суть для нас как бы книга, картина и зеркало»). Эффект зеркала удвоен — оно присутствует и в самом названии сайта: luckymirror.ru.

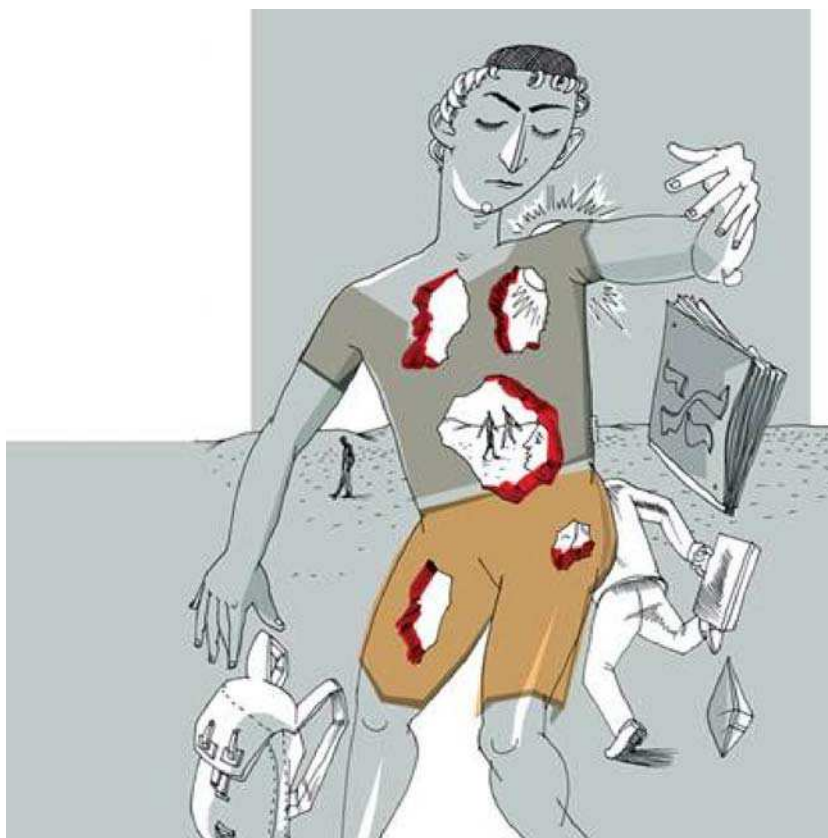
Λεεοιθευ Ι ι:αετaa

ЛЕХАИМ МАЙ 2012 ИЯР 5772 – 5(241)

ПОРА ПРОСЫПАТЬСЯ

Семен Довжик

Когда убивают людей, это всегда ужасно, а от убийства детей у ворот еврейской школы тихой Тулузы шок был у всех и, прежде всего, у местной общины. Как только стали понемногу оправляться от шока, тут же посыпались вопросы, и первый из них: почему на входе в школу не было охранника? Сразу же обвинили местные власти: мол, это они отменили школьную охрану. Когда немного разобрались, выяснилось обратное: оказывается, охранника у ворот школы оплачивала сама община. Точнее, родители школьников. От охранника в какой-то момент отказались — дорого. В Тулузе всего 30% еврейских детей ходят в еврейскую школу. Думали, как сэкономить, и решили сэкономить на охраннике. Типично для европейских евреев! Смотреть вокруг и отказываться верить тому, что видят твои глаза. Европейские евреи боятся себе в этом признаться, но в глубине души каждый из них знает: то, что произошло в Тулузе, может с большей или меньшей долей вероятности произойти сегодня в любом уголке Европы.

В первый день своей жизни в Лондоне я получил короткое и вместе с тем всеобъемлющее введение в жизнь еврейской общины Соединенного Королевства. «Мы сидим тихо и не высываемся, — объяснила мне моя новая коллега. — Их, мусульман, в десятки раз больше, так что нам лучше не лезть на рожон». Это ощущение не спишешь на мнительность пожилой еврейки. В любом месте с еврейским присутствием в Лондоне, будь то школа, лавка или благотворительная организация, висит наклейка с номером телефона, куда следует сообщать обо всех антисемитских инцидентах. И есть о чем сообщать. Катализатором новой, невиданной в последние десятилетия волны антисемитских инцидентов стала израильская военная операция в Газе зимой 2009 года. Антисемитские надписи, битые стекла и физическое насилие были направлены против местной еврейской общины. Страх, который английские евреи испытывали перед местной мусульманской общиной, не был случайным. Так Великобритания переняла сомнительный титул страны — лидера по количеству антисемитских акций. Переняла его у Франции, где евреи вот уже десять лет живут в обстановке страха и угроз физической расправы.

Евреи в Европе совсем не хотят конфликтов. Им привычнее и комфортнее пить кофе в парижских кафешках, почитать с утра лондонскую «Таймс». Жить спокойной и размеренной европейской жизнью. Вот только Европа уже другая, и это невозможно не заметить. Стоит лишь выйти из дверей железнодорожного вокзала в Брюсселе и направиться к центру города. Или проехать на автобусе по некоторым районам Южного, Восточного и даже Центрального Лондона. Европу проспали и пробуждаются лишь сейчас, пытаясь избавиться от осложнений мультикультурализма. Но пока Европа беспомощна. Правительства даже не в состоянии депортировать с собственной территории проповедников человеконенавистничества и насилия. Согни людей, родившихся и выросших в Европе, со своими европейскими паспортами путешествуют в Афганистан и Пакистан. Но не местные красоты привлекают их,

туда едут учиться ненавидеть и убивать. Ну а лучшего врага, чем местный еврей, сложно себе представить. Одним ударом можно посчитаться и за Газу, и за собственные неудачи в жизни.

Евреев же переполняют чувства. С одной стороны — страх, в котором мало кто готов признаться публично. С другой стороны — досада и раздражение из-за того, что приходится отдуваться за Израиль. Мы здесь живем тихо и никого не трогаем, а на наши головы сыплются все беды ближневосточного конфликта. С третьей — ощущение полнейшей беспомощности. «Без паники — у нас бы это не могло произойти», — написала лондонская «Джуиш кроникл» сразу же после теракта. Автор — исполнительный директор британской CST, замечательной инициативной местной еврейской общины, взявшей обеспечение безопасности в свои руки. Мол, мы тут в Великобритании не спим. У нас и добровольцев тысячи, и охранники в каждой еврейской школе. Все так, да только безоружный охранник, каким бы Рембо он ни был, не остановит вооруженного до зубов убийцу-фанатика. Да что там охранники — в Англии и стражи порядка по большей части вооружены лишь оставшимся с незапамятных времен несуразным полицейским шлемом. Так что, когда в августе прошлого года пошли погромы по английской столице, все, что им оставалось, — это расписаться в собственной беспомощности.

Как остановить следующего Мухаммеда Мера? Автоматчики вокруг всех школ и синагог, снайперы на крышах, бетонады и колючая проволока? Загнать себя в бункер и отстреливаться до последнего патрона? Не готовы на это евреи. Превыше всего здесь европейский комфорт и спокойствие. Тогда, если нет возможности защитить себя, может быть, в Израиль? И этот вариант приемлем. Сколько ни били французских евреев, исхода французского еврейства не произошло. Хотя недвижимость на черный день многие все же приобрели. Разочаровали в этом плане и британские евреи: цифры репатриации (лишь немного улеглась буря экономического кризиса) такие же скудные, как и раньше. И чего греха таить: хорошо, они найдут в себе силы отказаться от европейского комфорта, — так ведь евреев и в Израиле убивают.

Ὁδὴ ὁμολογῆσά ἰτέεὸς ἐπέσά ἰὸδὸν ἵπρὸ ἀπὸ τῆς ἀσπίδος ἐπέσά ἰ ἀδελφά ἰ ἰτέα ὁ ἀδελφὸς τῆς ἀδελφῆς

19 ἰ ἀδὸν 2012 ἰ ἰ ἰ

Остается надавить на власть и заставить ее не просто защищать евреев, но и начать выкорчевывать исламский экстремизм в зародыше. Момент для этого самый что ни на есть подходящий. Вот только «в товарищах согласия нет». Ни тебе единой европейской еврейской общины, ни еврейской солидарности. Структуры все множатся, но от этого больше шума, нежели конкретных результатов. Все выясняют, кто главнее. Да и с солидарностью непросто. Евреи в Европе вначале французы или англичане, а потом уже евреи. Поэтому и особого отношения властей требовать как-то странно. А властям гораздо удобнее рассматривать это убийство как теракт не против евреев, а против французских граждан. Мол, дело тут в ненависти к Западу, в неприятии западных ценностей. Все так, только убивать пришли все-таки в еврейскую школу.

Сказать, что ты еврей, и требовать к себе особого отношения государства — вроде как не европейски. Гораздо легче прятать кипу под бейсболкой или не читать еврейскую газету в вагоне метро, дабы не привлекать к себе лишнего внимания. И жить в страхе перед завтрашним днем. Главное, чтобы не обвинили в недостаточном либерализме или в недостаточной толерантности.

Европейские евреи всегда отличались удивительно крепким сном. Вот и сейчас предпочитают закрывать глаза на происходящее, не пробуждаясь от периодических звонков будильника в виде битых стекл и лиц, а теперь вот и автоматных выстрелов. Хотя давно пора бы проснуться.

ЛЕХАИМ МАЙ 2012 ИЯР 5772 – 5(241)

ÁÁÁÁÍ ÈÉ ÑÀÒÀÍ ÎÃÑÈÈÈ:

«Ó ÁÂÐÁËÑÈÎÉ ÎÁÙÈÍ ÛÃÎ ÒÐÀÍ ÕÈÈ ÁÓÃÓÙÃÃÎ ÎÃÒ»

Ααααα αααα Ι εεεε Υααυυοοαεί

Ι ΕΟΑΕΕ ΥΑΑΕΥΟΟΑΕΙ То, что случилось в Тулузе, — это случайность или закономерность?

ΑΑΑΑΙ ΕΕ ΝΑΟΑΙ Ι ΑΝΕΕΕ Безусловно, закономерность, и более того — эта закономерность, к сожалению, будет тиражироваться. Все, что происходит сегодня в области борьбы с радикальным исламом и исламистскими террористическими группировками в Европе, — это провал. Поток исламистской пропаганды в Интернете превратился в настоящую субкультуру террора, рассчитанную до мелочей. Какая-то ее часть работает на детей дошкольного или младшего школьного возраста, какая-то — на подростков или на студентов университетов. Отдельно на мужчин и отдельно на женщин — как и положено в хорошем маркетинге. Пропаганда идет на всех европейских языках, в «Аль-Каиде» работает мощное переводческое бюро. Используются мультфильмы и музыка, фильмы игровые и документальные или квазидокументальные. Могут ли европейцы что-то этому противопоставить? Нет. Слова о том, что мультикультурализм себя исчерпал, свидетельствуют о поправении электората, не более того. Политики Европы понимают, что лимит терпения их собственного населения кончается. Леволлиберальные теории, воплотившись на практике, привели к формированию исламистских гетто, населенных сомалийцами, суданцами, пакистанцами, в Мальмё, Брюсселе, Париже, Марселе, Франкфурте, Берлине, Мюнхене, Лондоне и многих других городах Европы. А в эпоху глобализации жителю такого гетто ничего не стоит отправиться в Афганистан или Ирак, да хоть и к сомалийским пиратам, пройти курс молодого бойца, а потом вернуться обратно.

*Οααου ε εαυοεε, ι δελατι ι υα ε ποαι αι αααερεε οερευ «Ι οαδ α-Οι οα» α Ουερα, αα αυεε ααεου ααεε.
23 ι ααα 2012 ααα*

В этой ситуации теракт в Тулузе был абсолютно неизбежен. Разгильдяйство спецслужб, двойные стандарты, полнейшая неспособность французской правоохранительной системы адекватно реагировать на происходящее... Вся эта карикатура на демократию вылилась в обсуждение того, что французский гражданин (речь о тулузском террористе) должен быть похоронен во Франции, что батюшка этого человека, вырастивший из него убийцу, имеет какие-то права в отношении государства, что спецназ обязан был захватывать Мера живым, что застреливший его спецназовец должен теперь отвечать перед законом...

Другое дело, что, вероятно, действительно нужно было брать террориста живым и подвергать допросам со средствами интенсивного воздействия для раскрытия всех его связей. Возникают вопросы, в том числе у российских спецслужбистов, почему операция по захвату была настолько провальной — провальной демонстративно. У французов есть великолепные контртеррористические подразделения и технологии, уж если кого-то необходимо убить, то на это не тратится столько времени и не останавливается жизнь половины города.

Ι Υ Так почему же все прошло так бездарно?

ΑΥ Весьма обоснованными кажутся подозрения, что вся эта история — результат неудачной вербовки. Мера пытались использовать как агента французских спецслужб, а в итоге он использовал их в своих целях. Провал двойного агента вызвал в верхах спецслужб шок и ступор. Явно был некоторый период

времени, когда высокое контртеррористическое начальство что-то решало. Решать оно могло только одно: допустить, чтобы этот человек заговорил, или нет. Понятно, что с точки зрения ведомственной лучше, чтобы этот провал был закрыт, — что и произошло.

Как выясняется, единственный ответ, который Европа сегодня может дать радикальному исламу, в том числе террористическому, на своей территории, — это Брейвик. То есть стоит выбор между новым фашизмом или крайне правым национализмом самого мрачного толка — и исламизмом. Такая Европа долго не проживет, она будет разорвана, как курочка за лапки. Есть, конечно, некоторая слабая надежда, что возникнут и победят на выборах, страна за страной, какие-то правые силы либерально-консервативного типа. В конце концов, существовали же в европейской культуре такие фигуры, как Редьярд Киплинг или Зеэв Жаботинский. Но пока мы видим в этой нише исключительно популистов вроде Марин Ле Пен или Герта Вилдерса в Голландии, людей безусловно искренних в своем стремлении бороться с радикальным исламом. Проблема в том, что они не понимают, что единственный способ погасить костер — это найти союзников внутри этнических общин, которые будут этим заниматься под гарантии вступления в европейское общество. Нужно что-то вроде договора Бен-Гуриона с друзскими лидерами, по результатам которого друзы воюют сегодня в израильской армии и недовольны только тем, что им не дают развернуть на израильской территории более серьезную борьбу с исламистами и террористами.

Пока ничего подобного нет. И если нынешние правые партии перейдут к решительным действиям — итог будет грустным. Пострадает, скорее всего, огромное количество невинных людей. Не исключено, что придется вспомнить, что у Европы есть опыт не только либерализма. В конце концов, концлагеря — это британское изобретение, как и расовая теория.

Если 5–10% населения являются «чужаками», отнюдь не желающими интегрироваться, — это проблема. Когда каждый год в Великобритании, Германии, Бельгии в ислам переходят не сотни, как в 1990-х, а десятки тысяч человек — это проблема. Во Франции сейчас число практикующих католиков меньше, чем число практикующих мусульман. Причем около 10% новообращенных переходят как раз в наиболее радикальные формы ислама. Растет число смешанных браков, которые зачастую кончаются тем, что вся семья отправляется на джихад в какую-нибудь горячую точку, где муж гибнет в теракте, а жена — бельгийка, француженка, немка — вместе с детьми остается в лагере исламистов и участвует в террористической деятельности, а потом возвращается в Европу, чтобы организовывать или финансировать террор. В России, кстати, ситуация не слишком отличается: не случайно одним из самых опасных, хитрых и профессиональных террористов Северного Кавказа долгое время был Саид Бурятский, изначально, «по рождению», так сказать, не имевший к исламу никакого отношения.

И Почему Европа оказывается так падка на проповедь радикального ислама?

ЕС Сегодняшний ислам — это динамичная религия, дающая выход накопившейся энергии. Это религия, которая на самом деле религия, она заставляет тебя служить, зовёт и ведёт. Христианство как агрессивная и активная сила кончилось, в нем нет больше войн за веру, Крестовых походов, миссионеров, готовых идти на костер. Вот и переходят европейцы в ислам. Благодаря глобализации у людей появилась возможность открыть дверь в те времена, где торгуют рабами, где живут по средневековым законам шариата. Некоторых привлекает возможность перенестись в XI–XII века. Романтика.

И А почему провалился проект интеграции иммигрантов? Если не Шекспир и Гёте, то Диснейленд и «Макдональдс» могли бы, кажется, привлечь симпатии беженцев из стран третьего мира.

А Левая Европа, которой нужно было задушить консерваторов, пошла на преступление против европейской цивилизации, а заодно и против представителей тех этнических групп, которых она же в Европу и привезла. Иммигранты с Ближнего и Среднего Востока и из Африки были отданы на откуп радикалам. Их никто не превращал в европейцев. Если не заставлять людей учить немецкий, английский, фламандский, русский, если говорить им: «Живите как хотите, мы вам дадим много денег и так» — чего ради они должны напрягаться и менять себя? Вот они и остались люмпенами, добежавшими до европейской кормушки.

Выходцы из тех же самых стран предыдущих поколений, спасавшиеся от погромной толпы в бывших колониях, где чиновников, торговцев, людей свободных профессий, сотрудничавших с колонизаторами, начали попросту убивать, — те бежали в Европу, чтобы стать европейцами. Они учили языки, получали высшее образование, терпели расизм, дискриминацию, презрение и ненависть тех же бывших колонизаторов — достаточно вспомнить отношение алжирских французов, так называемых «черноногих», к алжирским арабам. Но они старались, они пытались пробиться.

А если вам платят просто за то, что вы живете в той или иной стране, то вы создаете замкнутые этнические анклавы и в конце концов превращаете старые европейские города в тот Магриб или Африканский Рог, откуда вы приехали. И вот уже в Брюсселе горит шиитская мечеть вместе с имамом, подожженная суннитами. И вот в центре Лондона таксист не сажает слепого с собакой-поводырем, потому что это харам, нечистое животное. А в школах нельзя ставить рождественские елочки, дабы не оскорбить чувства детей-мусульман, и из программы надо выбросить сказку про трех поросят.

И Саркози шел на свои первые президентские выборы в качестве «цивилизованного Ле Пена». Почему так изменилась его политика, ведь это электорально выгодная ниша, у европейского избирателя есть отчетливый запрос на «бремя белых»?

А Обещал — не значит женился. А как же взаимодействие с Катаром, в том числе финансовое? Избиратель за тебя голосует один раз в несколько лет. А денежные интересы — они постоянные. С Катаром Франция ведет переговоры по военной базе, Катар покупает у Франции технологии и вооружения. А из Алжира, скажем, во Францию идет газ. Вот арабский хвост и вертит европейской собакой. Это смертельный для Запада альянс, но глупые, наивные люди в очередной раз считают, что они могут выиграть от договора с дьяволом.

И А есть какая-то логика в том, что такой теракт, как в Тулузе, случился именно во Франции? В чем специфика французской ситуации?

А Специфика в географической близости Франции к странам исторического происхождения радикальных исламистов. Как следствие, огромная община магрибинцев и очень сильные исламистские ячейки. Ведь салафитские группировки в Алжире проиграли гражданскую войну, но отнюдь не сложили оружие.

Кроме того, Франция — страна исключительно левая, и это делает ее особенно уязвимой. В Великобритании и спецслужбы, и волонтеры худо-бедно еще действуют. В Германии еврейские объекты находятся под серьезнейшим контролем, а большинство иммигрантов составляют турки, у которых ссора с Израилем недавняя. В Скандинавии евреев почти нет, в Испании тоже нет крупных еврейских общин. Где еще в Европе разворачивать антиеврейский террор, как не во Франции?

И Тот факт, что французские арабы в большинстве своем выходцы из Алжира, значим для обсуждаемой ситуации?

А Алжирцы всегда проявляли исключительную жестокость в войнах. Беспрецедентно жестоким было восстание Абд аль-Кадира в XIX веке. Антиколониальная война против Франции в XX веке тоже была невыносимо жестокой. Итог семи лет гражданской войны, с 1992-го по 1999-й: 200 тысяч погибших, миллионы перемещенных лиц.

И Что такое еврейская Тулуза?

А Евреи в Тулузе живут испокон века. Они находились там и до времен Филиппа Красивого, изгнавшего евреев из Франции, и после того. Дело в том, что евреи пришли на юг Франции вместе с римскими папами и жили под прикрытием папского двора, находившегося довольно длительный период по соседству в Авиньоне. Это были по преимуществу сефарды, и гражданские права они получили задолго до ашкеназских евреев, живших в Центральной и Северной Франции.

Разумеется, эмиграция еврейских общин из Туниса, Марокко, Алжира увеличила еврейское население не только в Париже, но и на Лазурном Берегу и в Лангедоке — знакомый климат, левантский уклад. Но и арабы, уезжавшие из Магриба во Францию, тоже предпочитали селиться на юге страны. Североафриканские евреи и арабы снова оказались на одной территории. Только арабов, разумеется, гораздо больше.

И А в Алжире между ними был конфликт?

А Интеграция евреев и окружающих их арабов была ничуть не меньше, чем в других странах исламского мира. Но со второй половины XIX века евреи — как, кстати, и берберы — тесно сотрудничали с французской колониальной администрацией. Именно евреи наряду с незначительным числом арабов первыми в Алжире получили французское гражданство — за участие в войнах, за поддержку французского

Сотни людей собрались на городской площади Тулузы почтить память семи жертв,
которые были застрелены Мухаммедом Мера, объявившим себя боевиком «Аль-Каиды».
23 марта 2012 года

ÀĒĀĔÑĀĪ ĀD ĀDĒĪ ĀĀDĀ:

— Французское еврейство в большинстве своем североафриканского происхождения, однако еврейские общины во Франции существуют как одна большая: между сефардами и ашкенази нет той дистанции в отношениях, которая наблюдается в Израиле. Выходцы из Магриба составляют костяк французской общины, которая складывалась в 1960-х, когда евреи начали массово приезжать во Францию, потому представляется вполне уместным назвать их межобщинными братьями, органично связанными меж собою. В то же время у евреев во Франции нет мест компактного проживания, такое утвердившееся понятие, как «еврейский квартал», существующее в Лондоне или в Нью-Йорке, во Франции не «работает». Тут евреи в кипе фланируют в самых разных местах. Есть районы, в которых много евреев и много кошерных ресторанов, как, например, 19-й округ Парижа. Квартал Марсе, считавшийся еврейским перед второй мировой войной, сейчас просто «район де-люкс». В Париже примерно около 200 кошерных ресторанов — больше, чем в Тель-Авиве. Французские евреи органично вплетены во французскую жизнь, занимают в обществе ведущие позиции. Во Франции широко представлены все «еврейские профессии»: врачи, адвокаты, финансисты... Немало евреев входит и в элиту французского общества. Тут можно упомянуть и недавно оскандалившегося Доминика Строс-Кана, бывшего главы МВФ, Жака Аттали, который был советником Ширака, нобелевского лауреата по физике за 1997 год Клода Коэн-Таннуджи. Париж способствует этому вхождению в жизнь. Здесь можно регулярно наблюдать рекламу израильских фильмов (необязательно на палестинскую тему), в «Галери Лафайет» — всегда полка с израильским вином. Многие книги об иудаизме во Франции и вообще на еврейскую тему, написанные на французском языке, были переведены на русский и опубликованы в России благодаря поддержке французского посольства в Москве. Так что имидж Франции как «антисемитской и антиизраильской страны» не соответствует действительности.

**Ἐἰσαγωγή εἰς τὴν ἱστορίαν τοῦ εὐραϊκοῦ ἐθνικοῦ ἐξιστοῦ ἐν τῇ ἀνατολικῇ ἀσίᾳ τῆς Ἀνατολικῆς
1920 ἢ Ἐἰσαγωγή Ὁρτομανίας**

Французские власти опасаются того, что называют «импортом ближневосточного конфликта во Францию», — то есть непосредственного проявления израильско-арабского конфликта на французской территории. Другое дело, что явление это уже существует и трудно представить, как можно его остановить. Существует ли антиизраильская атмосфера во Франции? С одной стороны, да, с другой — нет. Парадоксально, но факт. Я бы не сказал, что французский политический истеблишмент, говоря о тулузских событиях, проявляет недопустимое в данном случае лукавство: факты не перевираются, соблюдается политическая корректность, осторожность в высказываниях. Саркози, выразивший пожелание, чтобы его соотечественники этот акт терроризма не связывали с исламом и с выходцами из среды эмигрантов, поступил так, как поступил бы на его месте любой политик. Следует отметить, что французские власти действовали оперативно — убийца был найден в течение суток. Есть один прокол: Мухаммед Мера был знаком им и даже зарегистрирован в картотеке французской спецслужбы DCRI ввиду того, что дважды ездил в Афганистан и Пакистан, но допрошен был лишь слегка, хотя, ясное дело, что ездил он в страны, отнюдь не являющиеся местами массового туризма. Я не думаю, что со стороны политиков были какие-то попытки нивелировать эту тему или вовсе замолчать ее. Не забывайте, что двое убитых Мухаммедом Мера французских солдат были арабами. Все куда сложнее... Во Франции, как во многих других европейских странах, есть районы, которые не контролируются полицией, — самая подходящая почва для террористических ячеек. После теракта Саркози предложил ввести законопроект, по которому можно было бы арестовать тех, кто посещает джихадистские сайты. Но это популистское предложение. Во-первых, оно само по себе нелегитимно (я тоже, по роду профессии, хожу на джихадистские сайты, и что с того?), если кто-то активно занимается пропагандой или перепиской на таких форумах, то тогда — да, имеет смысл, но это и сейчас осуществляется спецслужбами; во-вторых, законопроект Саркози заранее невыполним: ни у какой службы безопасности нет финансовых и технических средств, чтобы следить за каждым, кто только «заходит» на подобные сайты. К тому же убийца не оставлял после себя следов в Интернете, не участвовал в террористических форумах. Есть теракты, которые трудно предотвратить.

Ἰαεὲς αἰτῶν οἰστανεὺν εἰσαγωγή τοῦ εὐραϊκοῦ ἐθνικοῦ ἐξιστοῦ ἐν τῇ ἀνατολικῇ ἀσίᾳ τῆς Ἀνατολικῆς Ἀραβίας 1939 ἢ ἢ

Согласно опросам, которые были проведены во Франции в 2008 году, только 14% французских мусульман видят себя прежде всего французами, 22% относят себя к мусульманам и 60% (большинство из которых выходцы из Магриба) считают себя одновременно и французами, и мусульманами. Но даже если тысяча человек думает, как Усама бин Ладен, это уже опасно для всего населения Франции.

Как жить евреям во Франции? Не думаю, что они нуждаются в советах. Наверное, как жили, так и следует жить. Было бы неверным предположить, что еврейское самосознание зависит от таких вот террористических актов. Антисемитские инциденты не могут серьезно повлиять на ход еврейской жизни, где бы она ни протекала.

Ἰ ἘΘΑΕἸ × ΕΑΙ ΙΑ:

— Французские евреи — самая крупная в Европе еврейская община и вторая по численности в диаспоре после США. Оценки колеблются, но в целом большинство аналитиков сходятся на цифре 700–800 тысяч,

что достаточно много для скромного по численности еврейского народа. Судьба евреев Франции складывалась драматично. Впервые на французской территории евреи замечены в период Римской империи, если не раньше, порядка двух тысяч лет тому назад. На севере Франции, то есть к северу от Луары, располагалась еврейская община, называвшаяся Царфат, так же, как звучит слово «Франция» на современном иврите. Это была отдельная еврейская этническая группа, говорившая на еврейском варианте французского языка. Наиболее выдающимся представителем той группы был Раши, величайший средневековый еврейский экзегет. Впоследствии, в результате многочисленных гонений, закончившихся тотальным изгнанием евреев из Франции в XIV веке, группа Царфат прекратила свое существование, став предковой по отношению к ашкеназам.

Я иногда задаю своим студентам шуточный вопрос: «Как вы думаете, на каком языке говорили родители первого человека, заговорившего на идише?» Правильный ответ: на царфатском языке. На юге Франции, на Средиземноморском побережье — в Провансе и Лангедоке, — жила другая еврейская этническая группа — провансальские евреи, по-еврейски они назывались латинским словом «провинция», откуда и происходит, собственно говоря, само слово «Прованс». Эта группа просуществовала недолго и как этническая общность практически исчезла где-то на пороге Новейшего времени. К моменту начала второй мировой войны Франция в основном была населена ашкеназами и их потомками. Хотя, бесспорно, какое-то количество других эдот, или еврейских общин, там жили тоже. Холокост прокатился по Франции так же, как и по всей Европе, хотя был в целом чуть менее разрушителен, чем в Восточной Европе, на территории Польши и СССР.

יִתְאַוֶּיֶת אִתְּךָ-יְאֹדְעֵי לְנוֹאֲדֵי לְאֶלְיָהוּ עֲקִירֵי, יְאֹדְוֵי יִי וְדִאִי אֵתֵר יְאֹדְוֵי לְאֶלְיָהוּ 1942 אִי

После войны мы видим обескровленное, резко упавшее в численности, однако продолжавшее существовать французское еврейство. Последний и знаменательный исторический момент, связанный с французским еврейством, случился в 1960–1970-х годах. После окончания войны в Алжире в 1960 году алжирские евреи практически все выехали во Францию. В результате сегодняшняя крупная община представляет собой достаточно гармоничное сочетание сефардской общины Алжира и остатков ашкеназского французского еврейства. Следует сказать, что в южной части Франции — в Марселе, Тулузе,

Нище — безусловно преобладают алжирские евреи. На сегодняшний день во Франции существуют единые общинные организации, самые крупные среди них — синагогальное объединение под названием «Центральная консистория», во главе которой последние десятилетия стоят раввины — выходцы из Северной Африки, и существует светская представительная организация, называемаяя CRIF (Представительный совет еврейских организаций Франции).

Было бы неверно утверждать, что сейчас во Франции наметилась эпоха «угасания» еврейских общин. Вообще, вопрос об «угасании» ряда общин Европы является частью более широкого вопроса о современном положении евреев и, в частности, антиизраильских и антиссионистских настроений во Франции и в Западной Европе в целом. Французское еврейство по-прежнему достаточно активно. Я буквально несколько дней назад вернулся с заседания исполкома Всемирного еврейского конгресса, членом которого являюсь. Мы регулярно собираемся и обсуждаем происходящее в мире, само собой разумеется, говорили и о Франции. Буквально несколько дней тому назад глава CRIF Роже Кукерман, также присутствовавший на этом заседании, призвал своих единоверцев не покидать Францию, сославшись на то, что в стране происходит битва с радикальным исламизмом, в которой евреи играют одну из важнейших ролей. Массовой эмиграции нет, тем не менее определенный подъем алии из Франции наблюдается в последнее время, и это фиксируется статистикой Еврейского агентства. Но, еще раз повторюсь, говорить об исходе евреев из Франции, наверное, преждевременно.

Можно его ожидать, но это другой вопрос, связанный с причиной изменения отношений «левой» и либерально настроенной французской интеллигенции с Государством Израиль. Если Израиль 40 или 45 лет тому назад был любимой «лялькой» «прогрессивной» европейской интеллигенции, то сегодня мы видим совершенно обратную картину. Это сложный вопрос, нельзя его обсуждать в рамках одной Франции. Он касается гораздо более широкого анализа взаимоотношений Израиля и Европы. Если в двух словах, то моя собственная оценка заключается в том, что за последние 45 лет, по крайней мере после Шести-дневной войны 1967 года, тенденции развития современного западного общества, с одной стороны, и израильского и российского — с другой, были противоположны, что привело к активному идеологическому противостоянию, плоды которого мы пожинаем по сей день.

Антисемитизм во Франции стар, как и само еврейское присутствие в этой стране. В некоторой степени Франция, как и Россия, страна классического антисемитизма. В последнее время антисемитизм во Франции стал заметным явлением, но не настолько, насколько, скажем, в Скандинавских странах и в странах Бенилюкса. Так что тут не приходится говорить о какой-то новой вспышке антисемитизма, скорее, это продолжение всегда имевшего место быть старого. Сегодняшний антисемитизм в Европе в основном носит маску «антиссионизма» и «антиизраилизма». Чему, несомненно, способствует существенный демографический рост мусульманской общины в странах Европы — Франция, Бенилюкс, Скандинавия... Они как бы являются подстрекателями антиизраильских настроений. В трагическом происшествии в Тулузе мы видим тоже проявление этого комплекса антиизраильских, по сути антисемитских, настроений и эмоций. Мухаммед Мера объяснял свой террористический акт мстью «за наших палестинских братишек и сестреноч».

Ассассинау еаеа, і де і ассассинау ассассіеі ааау, а і аа, поаіі ассассіеі еаао аеа і адеаа 1960-а аау

Никакого «очередного кровавого навета» я, будучи во Франции, не замечал. Сорок пять лет назад лево-настроенная интеллигенция была тотально произраильской, вместе с тем крайне правые партии, типа лепеновской, безусловно были антисемитскими, как и фигура самого основателя партии Ле Пена, как и фигуры его идео-логических предшественников — руководителей вишистской Франции... Традиционно евреи Европы всегда были частью левонастроенной интеллигенции. Тут хорошо бы проанализировать причину этой перемены. Она достаточно интересна, и я готов говорить о ней, если мы откроем специальную дискуссию.

Израильское общество «правеет», что называется, год от года, если применить этот термин в более широком его обозначении. Свидетельством тому является электоральное поведение израильтян. В Израиле безусловно есть свои «левые», наибольший их процент в интеллигентской среде, но в целом Израиль заметно «правеет». Это является в определенной степени реакцией израильтян, всего общества и еврейского государства, на тупик в мирном процессе на Ближнем Востоке, но и на смену симпатий к Израилю в западном мире от левых к правым. Еврейской диаспоре такая переориентировка дается трудно, потому что подавляющее большинство евреев Европы и Америки по-прежнему остаются сторонниками центристских или левых партий. Кстати, это хорошо видно по США, где «коренные» евреи-американцы по-прежнему остаются сторонниками Демократической партии, в отличие от приезжих русских евреев, которые массово голосуют за республиканцев. Ситуация не столь проста и очевидна, как кажется. Она требует определенной дискуссии в еврейском народе, что происходит отчасти, но больно уж робко и стыдливо, я бы сказал. Призываю «Лехаим» обратить на это внимание.

XX века. Общегражданское кровопускание как метод навязывания политической воли сопровождало французов без малого 70 лет до окончательного установления республики, возглавляемой избранным президентом. Политическое устройство общества пришло к должному, по мнению радикалов старой закваски, виду, причем пришло повсеместно. Власть за годы трансформации кидала Францию из монархии в республику, снова в монархию и даже в империю, переходила к консерваторам, республиканцам, заигрывала с социализмом и прочими экстремальными форматами существования по мере возникновения внешних войн и экономических кризисов, из которых выбираются не красивыми словесами о свободе и равенстве, а тяжелой работой.

К началу XX века в Европе не осталось «виноватых», а с неба так и не посыпалось золото дукатов и серебро пиастров. Замешкавшиеся в историческом движении государства становились полигонами испытания бескомпромиссных марксистских и социалистических идей, не прижившихся на родине их создателей. И ничего в этом удивительного нет: за сотню лет всяческие идеологические штучки могут поднадоеть французскому обывателю, да и новое поколение воспринимает свободу не как борьбу, а как данность. Левая идеология независимых индивидов в инертном обществе требует крови для коренных перемен. Что ж, крови так крови. Первая мировая. Свыше 20 миллионов принесено на алтарь свободы и равенства. Вторая мировая. Свыше 70 миллионов. Это наиболее знаковые трагические события XX века на пути к братству.

Очевидно, что общие итоги «левых» движений перевалили за сотню миллионов жертв уже к середине прошлого века, и нынешние «воинственные правые» на их фоне выглядят слепыми котятками. По той же причине, по которой академические «левые» вычеркивают себя из истории XX века в период с тридцатых по шестидесятые, современное западное определение слова «партия» вычеркивает идеологию как фундамент своей политической деятельности. Видимо, стесняясь назвать авторитарные формы левых диктатур Германии и СССР своими уродливыми, но все же родственниками. Мол, вся беда была в идеологии и только в ней, а мы — за мир во всем мире. И разве наша вина, что мы («левые») лучше знаем, что вам всем нужно и каким шагом вы любите ходить. Не «бойся тех, кто знает, как надо» и «даров ахейских» не отвергайте.

Кажется, какое-то представление о прекрасном «левом» и вечно плохом, но невидимом уже не первую сотню лет «правом» начинает вырисовываться в моей голове: и те и другие по закону политического жанра определенно не против устроить бойню. Одним нравится начинать политическую карьеру, сгоняя массы на баррикады внутри собственных государственных границ: в красных трусах — партия «левых». В «правом» же углу политического ринга — человек-невидимка. Что такое нынешний «правый», признаться, я так и не понял: до сих пор сами «правые» остаются темной лошадкой. В ряде европейских парламентов, вторя голосам улиц, начинает сквозить ветерок «ультраантилевых».

Оба вида партий, в незамысловатой и устаревшей биполярной модели, приходят на волнах политических и экономических кризисов. Они предпочитают занимать крайние радикальные позиции, электризуя общество и разделяя его на положительные и отрицательные «элементы». Военные кампании перестали быть делом полумифического «правого» сектора «военщины». Сами европейские «правые» сегодня — это скорее разновидность «левого» фанатичного движения идеалистов-клерикалов, а не консерваторов. Кто-то извне старательно вдалбливает, что «левое» и «либерализм» — тождественные или сопутствующие друг другу понятия. Кто-то навязывает, что, голосуя за них, ты голосуешь за права человека. Но никаких идеологических гарантий ни от левых, ни от правых не ждите. Политика — дело пластичное, как никогда прежде. Неужели «бешеные “левые”» с их монополией на права человека и будущее — все еще работающая политическая платформа? С переменным успехом они занимаются политическим «этим» 200 лет! Но кого можно крушить и не сокрушить за столь длительное время? Классы? Сословия? «Левые» — относительно чего? Относительно зулусов? Диктатур Ближнего и не Ближнего Востока? Неужели рука поднялась на вчерашних бесправных сограждан, состоявшихся в «левую» пору?

Анархисты и прочие «лимоновцы» заклеены как политические юродивые, однако 2010 год показал перспективность «ультраправой» политики в весьма сонных Нидерландах. Ле Пен во Франции мелькает после каждого нового «мультикультурного диалога» со своим рекламным: «А мы предупреждали». С кем борются нынешние левые и кого еще не окропила кровь Франции XVIII века?

«И вечно неизменное в непрестанной перемене» обещаний, что именно за этим очередным поворотом истории нас ждет блаженство совершенного общества будущего. Мятежные думы Великой французской революции вошли в общечеловеческие декларации, закрепив нормы естественного права человека. Казалось, что опробованы все бескрайние и крайние формы левого «бешенства». Однако то «здесь», то «там» горстки безумцев, уверенных в своей правоте, готовы пролить кровь на алтарь своих идей.

Ἐπιτάφει Οἰῆ ἐδ

В православной газете «Татьянин день» появилась статья И. Шамира. Факт сам по себе примечательный, поскольку автор известен своим, мягко говоря, специфическим отношением к евреям, Израилю и симпатиями к тем, кто воюет с еврейским государством. Сам факт его появления в том или ином СМИ уже заставляет задуматься о мотивах редакторов... Отчего? Сейчас увидите цитату из газеты «Татьянин день» и поймете. «Хуже того — когда еврейская традиция становится вместо православной, как будто, не дай Б-г, уже пришли времена Антихриста, он же еврейский Машиах. В эти дни вся Русь празднует праздник Пурим и отрицает Святое воскресенье — и это не в карнавальную Масленицу, а в Великий пост, и не просто воскресенье, а воскресенье св. Григория Паламы превратили в будний рабочий день, чтобы рабочие люди в церковь не пошли», — пишет Шамир на страницах православного издания. Это он о переносе выходного дня на 8 марта — Женский день. Собственно, ничего удивительного в появлении такой статьи в газете, считающей своим небесным покровителем расстрелянного большевиками протоиерея Иоанна Восторгова. Того самого, что сетовал на градоначальников, не сумевших направить революцию 1917 года в русло «веселенького жидовско-торгового погрома». Оно бы и не стоило внимания, если бы это была одна из маргинальных околоправославных газет. Но «Татьянин день» — издание непростое. Это газета домового храма Московского государственного университета. В этом храме служит руководство пресс-службы патриарха Кирилла. А настоятель этого храма протоиерей Максим Козлов спустя несколько дней после публикации статьи Шамира был назначен Священным Синодом РПЦ первым заместителем председателя Учебного комитета — церковного ведомства, управляющего высшими церковными учебными заведениями и, кроме прочего, участвующего в распределении выпускников. Связывать новую высокую должность Максима Козлова с публикацией Шамира я бы не стал: это было бы слишком примитивно. Но не думаю, что те, кто его назначал, не знали о его взглядах. Он их не скрывал, сочувственно отозвался о беспорядках, устроенных националистами на Манежной площади. Что же до евреев, то на сайте того же «Татьянина дня» есть раздел «Вопросы настоятелю», и там он прямо называет иудаизм «антихристианской религией». Конечно, Козлов, филолог по первому образованию, легко докажет, что приставка «анти» всего лишь означает «противоположность». И ничего «такого» в его высказывании нет...

Именно так — обратившись к словарю Даля — недавно поступил глава думского комитета по труду и социальному развитию Андрей Исаев. Он в социальной сети «Твиттер» написал «Ряды оппозиции жидеют». И объяснил, что ничего «такого» в виду не имел, просто «ряды оппозиции становятся более жидкими, “лесок жидеет” (словарь Даля)». Кстати, Андрей Исаев — не просто известный политик, он человек православный, близок к православному журналу «Фома». Руководит этим журналом Владимир Легойда — глава синодального информационного отдела РПЦ, проще говоря, церковный министр пропаганды. А его первый заместитель по журналу Владимир Гурболиков называет Исаева «педагогом, мыслителем, историком». Ну такой вот мыслитель. Ясно, что он помыслить не мог, что его фразу поймут как двусмысленную шутку, с душком-с...

Еще один православный деятель, руководитель клуба православных журналистов и сайта «Религия и СМИ» Александр Щипков, в пылу дискуссии о хулиганской акции панк-девиц в православном храме, восторженно привел высказывание некоего священника: «Копцев, нахулиганивший в синагоге, получил за это чудовищный срок». Тут следует заметить, что Копцев не пляски в синагоге устроил, он пришел туда резать людей, восемь человек тогда были госпитализированы, четверо в реанимации. И срок свой он получил не за мелкое хулиганство, а за покушение на убийство двух и более лиц.

историческими и литературными источниками не только из общего интереса, но и с неперменным намерением понять, что такое неалахическое еврейство и есть ли оно в природе.

Тогда этим вопросом было занято большинство еврейских интеллектуалов Палестины, Европы и остального мира. Почему? А потому, что традиционно еврейское во многом не совпадает с традиционно демократическим. И тот, кто хотел примирить еврейское и демократическое в структуре еврейского государства или в собственных отношениях с окружающим миром, был вынужден искать иное определение еврейского или демократического, нежели было принято.

Так, скажем, Владимир Жаботинский в самые последние дни своей жизни был занят вопросом алахического социализма, в основном добротной десятиной и юбилейным годом. В этот год, который по традиции наступал каждые 50 лет, традиционно полагалось освобождать должников от долговых обязательств и перераспределять земельные наделы. Библейский социализм вряд ли имел место в исторической практике, но предположение Жаботинского о том, что ответ лежит не в переопределении еврейства, а, скорее, в переформулировке понятия «демократия», оказался пророческим.

*Ἰὰ ἐσπεδαὸ ἀεὶ ἰὶ ὁ ἀπὸ ἐὰ ἀὶ ἀδὰ ῥὶ οἱ ἐὸ ἐὶ ἀεὶ ὁ ὅ ἀπὸ ὀρὰ ὀ ἀ ὀ ἀεὶ Ἀ ἀεὶ ἀ
1950 ἄ ἄ Ἰ ὄ ἀεὶ ἐπὲ ἀπὸ ὀ ὀ ἀεὶ Ἀ ἀεὶ ἀ*

Оставим в стороне библейский социализм и зададимся простым практическим вопросом: что делает еврея евреем, если он не ходит в синагогу и в микву, не пытается выполнить хотя бы часть заветов, более того, не соблюдает субботу и не помнит наизусть молитву «Шма»? И сразу отметим: ровно те же вопросы задавали себе веком и двумя ранее так называемые «апикойресы», в переводе — «эпикурейцы», а по смыслу — безбожники. Разница между прежними временами и нынешними состоит только в том, что прежде апикойресы были в основном людьми высокообразованными, а после Катастрофы безбожие стало массовым.

Заметим, что и сегодня еврейские интеллектуалы заняты тем же вопросом, поскольку большая часть предложенных решений была опробована и отвергнута.

Но сосредоточимся на проблемах государства евреев, связанных с решением этой неразрешимой проблемы. Дело в том, что в результате веяний времени демократия и алахические нормы расходятся на все большее расстояние, тогда как необходимость обеспечить именно еврейский характер государства становится политически все более насущной. Как, впрочем, и необходимость сохранять демократический характер государства, строящего свои отношения с внешним миром именно на этом признаке.

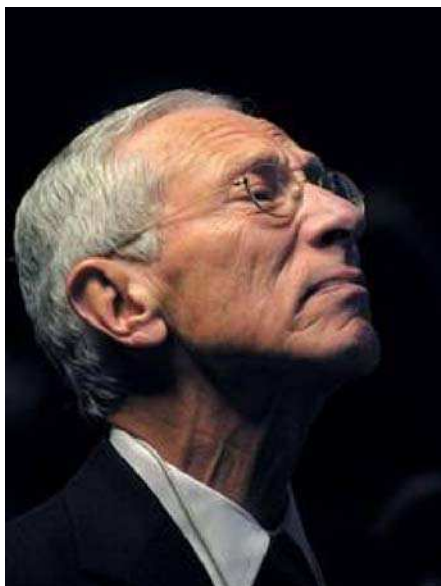
Приведем несколько примеров. Скажем, еврейский характер государства в большой степени закреплен приверженностью еврейскому календарю. Между тем демократический характер государства

предполагает привязку к международно принятому григорианскому календарю. В результате постоянно встает вопрос о возможностях совмещения деятельности израильской биржи со всеми прочими биржами мира, или вопрос создания иной, нежели существующая, парадигмы выходного дня, похожего на выходной в любой иной части света. С работающим транспортом и открытыми магазинами, театрами и музеями. И это далеко не единственное несоответствие между алахой и демократией.

Как, например, можно обосновать, используя демократические принципы, свободный въезд в Израиль неалахических евреев и вовсе неевреев, подпадающих под действие закона о возвращении, со строгим ограничением въезда таких же неевреев, на которых закон о возвращении не распространяется? Закон о возвращении вообще является законом не только дискриминационным, а потому антидемократическим, но заодно и антиалахическим.

По сути это закон, увековечивающий нацистские нюрнбергские постановления, определявшие, кого именно гестапо следует отлавливать на предмет последующего уничтожения по причине еврейства. Так, согласно алахе, еврей только по отцу, но не по матери евреем не считается. Не считается им и «внук еврея», иначе говоря, еврей только по деду. Но закон о возвращении позволяет и тем и другим «репатрироваться».

Почему? А потому, что нюрнбергские законы были еще свежи и живы в памяти отцов-основателей государства в момент его создания. И решение, согласно которому тот, кого нацисты считали евреем, предназначенным к уничтожению, всегда найдет в государстве евреев приют, тоже получило статус конституционного параграфа.

Нòйí èè Òèèáð

Проблемы с выдачей еврея, укrywшегося в Израиле от правосудия, возникают часто. И хотя формально человек, скрывший тот факт, что он совершил преступление до въезда, подлежит экстрадиции, Израиль предпочитает судить своих граждан сам. Преступление ведь нужно еще доказать. А преступник всегда может утверждать, что в чужой стране к нему отнесутся плохо, поскольку он еврей.

Практическая сиюминутность, казалось бы, теоретической дилеммы «ми ху йехуди?» («кого считать еврем?») проявляется постоянно. И хотя существует неписаное правило не поднимать этот неразрешимый вопрос без нужды, он всплывает вдруг из самых неожиданных ситуаций.

Скажем, в правительственную каденцию 1999–2001 годов, когда автор статьи являлась советником премьер-министра по интеграции, а Йоси Бейлин — левый радикал, один из инициаторов «мирного процесса Осло» и сторонник превращения «еврейского государства» в «государство всех его граждан», — был министром юстиции, между ними (нами) произошла достаточно резкая дискуссия. Повод был, казалось бы, сторонний. Йоси Бейлин считал, что следует постепенно отменить нелиберальный и дискриминационный закон о возвращении, а в качестве первого шага и потому сиюминутно запретить въезд по параграфу «внук еврея». И не почему-нибудь, а потому, что по этому параграфу в страну тек тогда не

ручей, а бурный поток эмигрантов из развалившегося СССР, не имевших к еврейству даже косвенного отношения.

Ī eōā Ēēī āāī oōōāīī

Правда, вопрос еврейства не был столь уж важным фактором для супергиперлиберального министра юстиции. Проблема состояла в том, что был он, этот поток, не супергипер и даже не просто либерально настроенным. Любить соседей-арабов, как самих себя, и голосовать за идеи Бейлина он, по всем опросам, не собирался. И, соответственно, снижал шансы министра юстиции на уничтожение определения «еврейский» относительно Государства Израиль. Моим же аргументом в этом споре был наивно-недоуменный вопрос, не начинает ли почтенный либерал с дурного конца, поскольку собирается сделать закон о возвращении не менее, а более дискриминационным, исключив из списка потенциальных граждан очередную категорию? На этом спор фактически закончился. Закон остался нетронутым.

Между тем автор данной статьи тоже не раз выступала в дискуссиях и газетных статьях против Закона о возвращении. Правда, на совсем иных основаниях. А именно потому, что его слепили из нюрнбергских законов наоборот и получалось, что именно нацисты определили за нас, что такое неалахическое еврейство. В своих статьях и выступлениях я предлагала заменить Закон о возвращении Законом о въезде, сделав его основным, то есть по сути конституционным. И включить в этот закон параграф, согласно которому человек, считавшийся евреем в стране отбытия, всегда сможет найти приют и защиту в еврейском государстве.

Но вернемся к спешному созданию государства и издержкам этого процесса. Тот, кто думает, что проблема состоит или состояла только в практическом несоответствии еврейской алахи принципам супергиперлиберальной демократии, ошибается. Демократия определялась тогда иначе, и только спешка не позволила решить многие вопросы, которые так и остались нерешенными. В частности, кнессет первого созыва так и не смог договориться относительно конституции. Одни считали, что она необходима, другие — что вовсе не нужна. Но даже те, кто хотел принять конституцию, не могли договориться относительно многих параграфов. И было решено постепенно принять основные законы, которые будут заменять параграфы конституции до тех пор, пока набор этих, уже согласованных кнессетом, законов не составит полный комплекс, который и будет принят в качестве конституции.

Так бы оно и тянулось века, если бы в начале 1990-х годов Верховным судом, да и всем юридическим направлением, не стал управлять выдающийся юрист, профессор юриспруденции Аарон Барак. Этот Барак (не путать с Эхудом Бараком, героем войн и политиком) не считается супергиперлибералом, поскольку при возникновении несоответствий между демократическими положениями и нуждами обороны заботился, скорее, о последних, считая, что демократия имеет право на самозащиту. Однако либералом он все же является. О проблемах нестыковки супергиперлиберальных или, скорее, анархических норм с государством как структурой нужно говорить отдельно. Возникают они чуть ли не каждый день и являются не менее насущными, чем скрещение демократического характера государства с его еврейским характером.

Однако Аарон Барак знаменит не столько судебными решениями по сложным и сущностным вопросам нашего существования, сколько тем, что сумел судебным путем заставить принять два дополнительных закона, определяющих и защищающих права человека, а заодно сделать их и все остальные основные законы нормативно конституционными, подчинив им остальные законодательные постановления. В самом примитивном изложении законодательная революция Барака, как ее стали называть, заключалась в том, что основные законы теперь нельзя изменить простым парламентским большинством, а главное — не может быть принят никакой закон, противоречащий основному.

С этой инициативой изменился не только процесс принятия государственных решений, изменился весь прежний баланс сил. Если раньше силовой вектор проходил через партии и кнессет, то сейчас в эту систему включился еще и Верховный суд (БАГАЦ). Как-то именитый член кнессета объяснял мне военные хитрости манипулирования властью. С его точки зрения, наилучшим средством является принятие закона, который будет «багиц», то есть непременно отменится БАГАЦем как несоответствующий одному из основных законов. «С одной стороны, — объяснял мне, желторотой, закаленный в парламентских войнах боец, — ты выполнил обещания, данные избирателю, с другой — не навредил государству».

Не знаю, насколько эта система принятия-непринятия решений распространена, но вот уже почти два десятилетия мы наблюдаем беспрестанную войну между Верховным судом и кнессетом. А в последние годы это противостояние усугубилось возникновением новых силовых линий. И — я вижу в этом доказательство немалой роли личности в истории — все началось с избрания сильных и амбициозных фигур на должности главы Госбанка и государственного контролера.

Глава Госбанка Израиля, Стэнли Фишер, всемирно известный финансист, призванный на должность Нетаньяху в бытность того министром финансов, строит свой вектор силы на авторитете. Что правда, то правда, приход Фишера обеспечил Израилю мягкую посадку на поле всемирного экономического кризиса, что было признано всеми экономическими авторитетами в мире. Об этом много писали и пишут журналы, посвященные экономике. Но нас интересует другое.

Стэнли Фишер ухитрился так выстроить свой имидж финансового гения, коим он, очевидно, является, что его слово, то есть слово учреждения, контролирующего всю финансовую систему страны, стало непререкаемым, напоминая силу основных законов. Ни копейки не может быть потрачено из госбюджета, если Фишер считает, что тратить эту копейку не имеет смысла.

Другой силовой вектор пытается выстроить государственный контролер Миха Линденштраус. До него заведение госконтроля было чем-то вроде фонового ворчания — подотчетные предприятия проверялись, отчеты, один другого суровее, составлялись, вручались, принимались и погружались во тьму долгих ящиков, которые когда-нибудь приоткрывались журналистами.

Не то теперь. Линденштраус использует СМИ, интригует, скандалит и в конечном счете умело превращает свое заведение в фактор силы. Можно спорить, правомочно ли все, что он делает, но нельзя оспорить тот факт, что институт госконтролера стал действенной функцией в системе сдержек и противовесов, заменившей вертикаль власти, построенную еще Бен-Гурионом.

Эта американская система управления государством при помощи скрещивающихся силовых линий, контролирующей деятельность друг друга, напоминает мне церковку на цепях, которой гордится Венеция. Фундамент церковки стоит на плавающем грунте, поэтому стены не скреплены намертво, а оставлены скользить одна против другой, сдерживаемые цепями. Вся эта система поскрипывает и колышется, но стоит, говорят, уже несколько столетий, хотя венецианская лагуна никак не успокаивается, и здания, сцепленные стенами намертво, трескаются и разрушаются.

В строительстве я ничего не понимаю, но американская система власти, на мой взгляд, обеспечивает единственный при либерализме баланс сил в государственной политике. Ничто не зависит от одного вектора силы, ни одно постановление не является окончательным, ни одна проблема не требует и не переносит ультимативного решения. Время и обстоятельства всегда могут вмешаться и сдвинуть то, что напоминало скалу, завалившую вход в пещеру. А главное — ничто не зависит от активности или пассивности той или иной силовой точки, поскольку хоть одна такая точка обязательно станет активно функционировать и «разбудит» остальные. Думаю, что к системе противовесов, сдержек и амбиций следует относиться как к необходимой приставке к демократии, которая, конечно, имеет много минусов, но лучшей системы управления государством человечество, по мнению Черчилля, пока еще не придумало.

ЛЕХАИМ МАЙ 2012 ИЯР 5772 – 5(241)

МИНЬЯН В АРЛИНГТОНЕ

Àëàëñàí àð Çàëë-àí êí

Окончив очередной семинар пораньше, остаток дня решил посвятить шопингу. Метро несло в Маршал-Центр — известную всему миру гигантскую паутину бутиков-супермаркетов...

Внезапно вырвавшись наружу, подземка устремилась вдоль невысокой кирпичной стены, за которой, насколько доступно глазу, тянулись однообразные мраморные обелиски. Ба, да это же Арлингтон, знаменитое кладбище «отдавших жизнь во славу Америки» — не к месту вспомнились вдруг голливудские боевики. Шопинг забылся...

Вашингтон баловал: февраль, а солнце апрельское. Станция называлась «Арлингтонское мемориальное кладбище». Центральный вход — как триумфальная арка. Что сказать? Так и надо хоронить, а главное — хранить традиции и охранять вечный покой героев. Чистота, на сотнях гектаров — аккуратно подстриженная вечнозеленая трава. Тишина, немногие посетители. Свежие цветы. Даже в квадрате, где покоятся участники еще первой мировой...

Внимание привлекла известная по фильмам церемония вдалеке. Прибавил шагу, но пока подошел, уже звучал прощальный салют и глава караула вручал мужчине лет шестидесяти покрывавший гроб свернутый по определенному протоколу звездно-полосатый флаг США — их вечно хранят в семьях как память о прославивших страну предках.

Красиво, совершенно не по-нашему развернувшись, мимо маршем прошли солдаты — почетную службу в военных командах подобного рода несут представители всех составляющих американский народ этносов, мужчины и женщины.

У свежей могилы остались лишь несколько самых близких и трое стариков-ветеранов в полувоенной форме. На пилотках надпись: «Ветераны Французского легиона». Кого ж это похоронили?!

Посторонний, я стоял чуть поодаль. Тут некоторые надели кипы и образовали круг. Евреи. Только принялись за кадиш, как раввин, вдруг прервавшись, беспомощно завертел головой. Присутствовавшие запаниковали: их было девять!

Неизменной тубетейкой — в последние годы этот сшитый на заказ азиатский головной убор стал частью моего имиджа — я не мог не привлечь их внимания. «Вы не еврей?» — с надеждой спросил раввин. Я кивнул. С чувством подняв глаза к небу («Не иначе вас послал Он!...»), раввин истово произнес благословение.

Потом — традиционно — молитва. Оказалось, все только что прибыли из Нью-Йорка, впопыхах не позаботившись о миньяне.

Переваривая случившееся, я долго, пока не закрылось кладбище, бродил среди обелисков, на которых, наряду с ритуальными знаками других вер, нередко встречался магеновид.

И сложилась мозаика...

Безо всяких надежд подав заявку, аналитический центр, где я директорствую, вдруг выиграл престижный грант Госдепа США на исследование региональной наркополитики.

Справившись с заданием, я должен был доложить результаты на международной конференции в феврале 2011-го в Вашингтоне. Виза, билеты, прекрасный отель и немалые суточные — все было. Но за неделю до вылета свалила болезнь, поездка не состоялась.

Прошло десять месяцев. Вдруг перед самым новым, 2012-м, годом — звонок научного руководителя профессора Луис Шелли: «Алекс, твой американский билет действителен, но истекает в конце февраля. Командировочных уже нет, жить будешь у меня. Люди по-прежнему хотят знать, что там у вас происходит. Проведем семинары. Есть интерес чиновников, аналитиков, агентства по наркотикам, ученых. Билет Бишкек — Москва и обратно берешь сам. Согласен?»

Американцы встречали заинтересованно, было много вопросов. Чего было мало, так это свободного времени. И тут — «арлингтонское» окно... Случайность, скажете?

А хоронили 92-летнего полковника, воздушного аса, летчика-истребителя, сражавшегося с фашизмом в небе над Францией и Великобританией, кавалера многих французских и американских боевых наград. Отца троих детей, деда и прадеда... Еврея-героя.

Ну как тут без миньяна? И послал Всевышний полковника с другого конца земли, чтоб отдать последний долг полковнику-соплеменнику...

ЛЕХАИМ МАЙ 2012 ИЯР 5772 – 5(241)

АЛЕКСАНДР ВОГМАН:

СЛУЖИТЕЛЬ КУЛЬТА КНИГИ

Аִלְיָאָהוּ אִלְיָאָהוּ עֵאֵלֵי עַבְדֵי דְיֵעֲאִיָּהוּ

*Àéàèñáíáð Áíá áí — íáèí èç ñàí ùò áíñòðáííáííúò ðáñòááðáòíðíá ñòáðíò ááðáèíèèò
éíèá ìðè:áí íá òíèùèí á Èçðáèèá íí è áÁáðííá è Áí áðèèá Èí áííí òð íáá — íá í:áðáííí çáñááí èè
Èáðñáèèí ñèíá òéóáá áéáèèíóèèíá — ý áíáðáíá áññùòáè í òíí, ÷òí á ðáñòááðáèè ááðáèíèèò éíèá
ñòáíáñòááð íñááý ÿèèá*

ÈÁÍÍÈÁ ÞÍÈÁÁÐÁ Как ты, не имея специального образования, стал высококлассным реставратором?

ÀÉÁÈÑÁÍÁÐ ÁÍÁÍ ÁÍ Рад был бы получить такое образование, но негде было. Не знаю, существует ли подобная проблема сегодня за границей или в России, но в то время в СССР не было специальных учебных заведений подобного рода. Вспоминаю, что первым толчком к освоению основ переплетного дела стала потребность привести свою домашнюю библиотеку в порядок. Конечно, то были простые книжки с примитивными коленкоровыми переплетами. И все это довольно долго продолжалось на том же любительском уровне, пока я случайно не познакомился с одним священником, пожелавшим привести в порядок церковную библиотеку. Он сразу поверил в меня как реставратора. Для него было важно сохранить библиотеку в старорусских традициях: ему хотелось возродить в советской глуши хотя бы какое-то подобие благочестия. Поскольку сам он был человеком широко образованным, к тому же не чуждым литературных занятий, то и к книгам у него отношение было соответствующее. Он настойчиво рекомендовал своих знакомых в Ленинграде, которые могли бы помочь мне войти в мир профессиональной реставрации. Я последовал его совету и поехал в Ленинград. Там находилась лаборатория Публичной библиотеки (бывшей Императорской, а ныне Российской национальной), которой заведовала Маргарита Георгиевна Бланк. На Литейном, помнится, было пятиэтажное здание, на первом этаже которого находились переплетные мастерские, а наверху — «профессура», то есть химики, люди, которые работали с особо ценными изданиями. Маргарита Георгиевна — человек уже достаточно титулованный, известный в своем мире — пыталась мне помочь: познакомила с мастерами у себя в лаборатории, в Эрмитаже, в Лаборатории консервации и реставрации документов. Мне давали возможность находиться там, смотреть, спрашивать.

ÈÐ Ну а где ты доставал специальное переплетное оборудование?

ÀÁ Оборудование и подручные средства, которыми я тогда пользовался, были примитивными. Как мне кажется, все реставрационное дело, включая несколько серьезных лабораторий при крупнейших библиотеках страны, было построено больше на энтузиазме людей, чем на «материально-технической базе», как это называлось у нас в Союзе. Мы не имели представления ни о японской бумаге, ни о многих современных способах работы. Уже здесь, в Израиле, я постепенно узнавал то, что было давно в ходу у реставраторов Западной Европы и Америки. Порой, впервые держа в руках какой-нибудь инструмент для переплетных работ, я не мог понять, что это такое и как это применять...

ÈÐ После ленинградских «университетов» ты полностью перешел на частные заработки переплетным делом?

АА Я числился где-то сторожем — обычный советский вариант, — а в свободное время делал то, что мне нравилось, отдаваясь этой работе. Как ты помнишь, надо было где-то числиться, чтобы не считаться тунеядцем.

ЕП А ты тогда уже думал о возможной репатриации в Израиль?

АА В первый раз я об этом подумал в 1971 году, мне было 15 лет. В Израиль уехала мамина сестра. В начале 1970-х Рига бурлила. Чего стоило одно «самолетное дело»! А реально задумался, когда мы поехали встретиться с тетей через 17 лет. Репатрировался в апреле 1990-го.

ЕП Как удалось найти работу в Иерусалиме, живя в Хайфе?

АВ Время от времени я приезжал в Иерусалим, пытаясь установить отношения с различными учреждениями, и однажды познакомился с заведующим реставрационным отделом израильского Национального института памяти жертв Катастрофы (Шоа) и героизма «Яд ва-Шем», находящегося в Иерусалиме. И там неожиданно мною заинтересовались. Помогли фотографии моих работ, а также рекомендательное письмо, которое Нафтали Лифшиц, известный хайфский адвокат и библиофил, написал на бланке своей конторы. Меня приняли на работу в это серьезное государственное учреждение. Здесь же мне довелось впервые освоить работу с документами, плакатами, письмами и дневниками. Книги попадались редко и только те, что были связаны с каким-нибудь историческим событием или известным лицом.

ЕП В чем характерные особенности востребованной еврейской книги?

АА Даже на предварительном этапе работы с обычной еврейской книгой, когда просто проверяешь ее цельность, ты встречаешься с вещами, которые нельзя заметить ни в каком другом месте. Например, для хасидских книг характерны волоски бороды, которые использовали как... закладки. А для пасхальных агадот — пятна вина и крошки мацы, которые забиваются в корешок книги. По таким «приметам» ты можешь лучше понять книгу и почувствовать, что книга эта разделяла человеческую судьбу. Потому и сложился особый пиетет перед книгой в еврейской традиции — ведь это отчасти живой свидетель нашей истории. К примеру, у меня на реставрации недавно была книга ничем вроде бы не примечательная — это махзор, изданный в Зольц-бахе в XVIII веке. Но, в отличие от обычных молитвенников, он напечатан не на тряпичной бумаге, а на пергаменте, — значит, это был редкий экземпляр, предназначенный для подарка. Причем на пергаменте большого размера, «ин фолио». А когда я начал просматривать листы, то увидел дырку, «прошившую» всю книгу. Оказалось, это след от пули. Я нашел между страниц кусочки расплющенного свинца и собрал их в спичечный коробок. Когда спросил у заказчика, что это за необычная, простреленная книга, то узнал, что перед войной его отец отдал первый том одному сыну, а второй — другому. И вот судьба книги оказалась такая же, как у человека, — быть расстрелянной.

ЕП Каков круг твоих клиентов, как они тебя находят?

АА Причина, по которой обращаются к реставратору, понятна: человек покупает книгу, поистрепанную за много лет, и хочет привести ее в порядок. Иногда все начинается с какой-то моей удачной работы. Кто-то у кого-то увидел хорошо отреставрированную книгу. Его интересует, кто это сделал. Ему отвечают: «Александр из Иерусалима». Как известно, книжный мир довольно тесен, а еврейский мир к тому же сам по себе очень замкнут. А людей, занимающихся специфическими темами внутри еврейской книги, вообще наперечет. И у них есть книги, которые они хотят привести в порядок. Хорошо известно, что в каждой еврейской семье имеется хотя бы небольшая библиотечка, и весьма часто в ней находятся старые, а порой и очень старые книги, которые порой достаются родственникам, не имеющим ни малейшего представления об их ценности. Однако, унаследовав какой-то фамильный молитвенник, они приносят его ко мне, желая привести книгу в порядок в память о родных. Наряду с ними есть, конечно, профессиональные коллекционеры и книготорговцы, хорошо представляющие стоимость книги.

ЕП Вернемся к понятию «этика реставрации еврейских книг». Что должны иметь в виду реставраторы, работая с еврейскими книгами?

АА В еврейской истории книга имеет особый статус. Нередко она выступает как мерило всей человеческой жизни. Не случайно в канун Судного дня все желают друг другу хорошей записи в Книге жизни. Каждый человек, пока жив, — незавершенная Книга жизни, такая же, как и обычная, нуждающаяся в реставрации... Евреи воспринимают книгу как свидетельство живого человека, а потому им важно помочь

книге выжить, чтобы передать ее другому поколению. При всех жестких критериях, которые предъявляет реставрация как профессия, очень важно всегда помнить: мы делаем книгу не только для конкретного заказчика, поскольку он — лишь одна из связующих нитей в судьбе этой книги. Поэтому мы не должны поддаваться сиюминутным просьбам заказчика, если они книге во вред. Важно понимать, что эти книги не будут ни поставлены в шкаф, ни спрятаны в сейф, а останутся на столе и к ним будут постоянно обращаться. Еврейская книга своим обликом не должна бросаться в глаза. Никаких ярких золотых надписей, лакированной кожи, разноцветных форзацев — это бижутерия, характерная для книги Нового времени. Я никогда не соглашаюсь нарушить этот неписанный этический закон.

ЭР Насколько заметны следы индивидуального подхода реставратора на той или иной «вылеченной» им книге?

АА Если тебе показывают чью-то книгу после реставрации, то ты более-менее точно можешь сказать, кто это сделал: узнаешь руку кого-то из коллег. Потому что у каждого есть свои приемы, которые могут быть спорными с профессиональной точки зрения, но они — свидетельство определенного подхода. Я думаю, что самый строгий судья моей работы и самый лучший советчик — это не оставляющее меня чувство трепета, которое каждый раз возникает перед новой книгой, доверенной мне ее владельцем.

ЭР Кажется, ты благодаря работе изнутри почувствовал, почему евреев называют народом Книги. Ведь это определение шире, чем обычная трактовка: народ Библии, Книги книг?

АА Книга — вектор и фактор нашего существования, и поэтому между евреями и книгой есть некое творческое напряжение. Ты не можешь отделить книгу от еврейской жизни, перенести ее на периферию жизненных ценностей. Самое характерное для еврея — его книжное начало, и я, по-видимому, один из служителей культа Книги...

ЛЕХАИМ МАЙ 2012 ИЯР 5772 – 5(241)

ОПОЗНАННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО: СЕКРЕТЫ КУМРАНСКОЙ ОБЩИНЫ

ΓΑ ΧΑΟΥΔΑ ΑΙ Ι ΔΙ ΝΑ Ι ΟΑΑ ΧΑΡΟ:

ΕΑΙ ΔΥ ΟΑΙ ΟΕΑΑΝΕΕΕ, ΕΑΙ Ι ΕΑ ΕΑΟΕΝ, Ι ΑΟΑΕΥΒ ΕΕΔΑΑΑΑ, ΔΙ Ι ΑΙ ΝΑΑΟΕΙΑ

Ααααο αααο Αοαταρε Ι αι ααα

Α 1947-1956 αααο α ιαει ιααοαο ε ιαυααο ιαι ιααεαο ιο Ι αοατα ι ιογ αυεα ιαιαοεαι α αεαειοαεα, ιιηογυαγ εγ ατεαα -αι 800 ιηεοεια ια αααεηηι, αοαι αειηι ε ααα-αηηι γυεαο, ααοεοαυ υο ΙΙ αηηι αι ι. γ. — Ι αηηι ι. γ. Ι ι αηηε αηηγοι ιηοε, αεαειοαεα ι δε ιααεαεα ιαι ιε εγ εοααεηεο ιηεο — αηηγι, ιιη ιααοει α γοεο ι αηοαο ιαυεια, ι δε ιηυαηο α ιααοφ ιι Ι αεα αι ι. γ. αι Ι αηεα ι. γ. Νοαε εοι ααι ηεο ιηεοεια αυεε δεηιηε αεαεαηεο ειεα υηοαα, αηεα αι ου ιαυειυ, ααεε-ιυα εεοααοοδηα ε αεεαηιηα ιορεαααηεγ. Υοι ιοεδηοεα ιηεαεεη ια-αει ιηαι ο ιαι ααεαι εη εηοι δε-αηηε ιαεε — εοι ααι ιαααηεφ. Ι ααααι α ιαοααοαηηι εγ αοαεηηοαα ΔΟΑΑ αηοεα ειεα «αααεε δεηιηε Ι αοατα ιογ» ιαι ια εγ αααυεο ιηαεαεηοια α ιαεαηοε εοι ααι ιαααηεγ ε αεαεαηοεε Εαογ Δηιαηηε-α Οαιοεαηηια. Ια ιηηιαα αιαεεα δεηιηηε Ι αοατα ιογ ιι α αηηοηιηε αεγ οεδηηε ααε-οι δεε οιοι α δεηιηο δεοαο εηοι δεφ αοαηε ιαυειυ, αηγαεγιο αα αεεαηιηα ε εααηεηε-αηεεα αηααηεγ, ιηεαηηγ, ιαηηεηηε ιηοδηι ε δεαηιηαααηι ε αυεε ι αηηεαι ηεα ιαηοδηαηεγ α Εοαα ια δεηαεα ηοαδηε ε ιηαηε γοι.

ΑΟΑΑΟ ΧΑΕΑΧ — ΑΟΑΑΟ Ι ΑΔΑΑΙΑ

ΕΑΙ ΔΥ ΟΑΙ ΟΕΑΑΝΕΕΕ

Εηοι δεε, ααααφ ηεε εαοααοηε αααηηηε εεαυοοηι ΝΙ ΑΑΟ, αεαεοι ο Οαι οαα αεαεαηοεεε, ααααεηοεεε ε εοαεεε οεηιηοηηια οαεεηοαοα ΝΙ ΑΑΟ

ΑΟΑΙ ΑΝΕΕ Ι ΑΙ ΑΑΙΑ Насколько ваша книга, посвященная Иосифу Давидовичу Амусину и Клавдии Борисовне Старковой, так сказать, «симметрична» трудам этих первопроходцев?

ΕΑΙ ΔΥ ΟΑΙ ΟΕΑΑΝΕΕΕ Отвечу просто: на момент выхода последней книги Амусина «Кумранская община» (1984) в официальной серии публикаций рукописей Мертвого моря «Открытия в Иудейской пустыне» («Discoveries in the Judaean Desert») вышло лишь семь томов, сейчас их издано сорок (серия завершена). Последняя книга Старковой вышла в 1996 году, но была подготовлена автором к печати... в 1967-м. То есть моя книга «Загадки рукописей Мертвого моря: история и учение общины Кумрана» (2012) учитывает весь корпус кумранских рукописей, и на его основе я пытаюсь реконструировать историю кумранской общины на фоне религиозно-политической истории Иудеи эпохи эллинизма и раннеримского периода, а также важнейшие религиозно-философские доктрины общинников. Именно реконструировать, ибо, во-первых, рукописи дошли до нас во фрагментарном состоянии, а во-вторых, они во многих случаях «зашифрованы», поскольку практически все исторические и религиозные деятели, группировки и тому подобное представлены в них под условными обозначениями и прозвищами.

AM Книгу Тантлевского ты бы отнес к научно-популярной литературе или это труд для узкого круга пользователей?

ЕАІГ ЕА ЕАӨЕН Вполне серьезная книга. Тут бы следовало отметить вот что. На рубеже 1960-х книги о Кумране были не только собственно научными или научно-популярными, но и едва ли не единственными, в которых шел разговор о религиозных и межконфессиональных проблемах, замалчивавшихся при советской власти. И не имело значения, научные или научно-популярные книги Иосифа Амузина или романы детективщика-археолога Генриха Штоля. Ведь у поздней советской интеллигенции была мода собирать то, что не очень разрешено: от книг издательства «Academia» и «Литературных памятников» до книг с переводами кумранских рукописей. Поэтому сейчас все встало на свои места, и книга Игоря Тантлевского о рукописях Мертвого моря заняла место в ряду трудов по истории Древнего Израиля или комментированных переводов еврейских мистических текстов.

АІ Открытие кумранских свитков, практически совпавшее с образованием Государства Израиль, было «знаком одобрения» Небес?

ЕЕ В момент открытия таинственных рукописей их рассматривали как доказательство земного существования Иисуса Христа и его общины. Разумеется, можно увидеть какой-то провиденциальный смысл в том, что довольно сложный и не сводимый к чему-то одному набор рукописей (кстати, включая и Храмовый свиток!) был первоначально сведен к материалам ессеической общины, к которой, по некоторым предположениям, мог принадлежать Иоанн Креститель. Отсюда и громадный сенсационный интерес к находкам в Иудейской пустыне. Постепенно, по мере выяснения характера этих текстов, и интерес стал постепенно угасать, переходя на страницы специальных журналов кумранских исследований. Но толпе до этого дела нет, как и до того, что наконец все тексты уже изданы.

АІ Со времени обнаружения рукописей Мертвого моря минуло более 50 лет, мы теперь не только больше знаем о находках — умудряемся забыть о них. Это обычный человеческий фактор — привыкать к чуду или иудеям это мало интересно, поскольку чудо касается в основном христиан?

ЕЕ Что значит «мало интересно»? Громадная часть Музея Израиля в специальном здании занята этой находкой. Тут и сосуды, в которых хранились свитки, и копии псалмов, которые несколько отличаются от общепринятых, и история находки. А вот в помощь тем, кому ненавистно само существование Израиля, они дают немного. Учитель праведности кумранской общины вполне традиционный для того времени эсхатолог, ожидающий в страшное кризисное время прихода Машиаха. Но основывается он на всем известных еврейских пророческих текстах. Другое дело, что и герой Евангелий принадлежит к этому типу людей. Но это уже не иудейская проблема, а проблема типологии еврейских эсхатологических ожиданий в одно и то же время в одном и том же очень небольшом регионе. Насколько же все это касается христианского мира, судить не мне. Меня волнует наука, а не ее прикладное измерение в межконфессиональных спорах.

АІ Как ты относишься к такому научному предположению, что найденные рукописи — всего-навсего отбракованные тексты, которые нельзя было уничтожать, поскольку традиция запрещала уничтожение текстов? Это обычная гениза для неиспользованных рукописей?

ЕЕТакого рода выводы всегда сомнительны. Кому-то кажется, что это Храмовая библиотека, спасенная во время разрушения Храма. Кому-то приходит в голову простую столовую с длинными столами назвать скрипторием, а отверстия для уксуса — чернильницей. То вдруг гробы обычной еврейской семьи с именами, совпадающими с именами семьи евангельского Христа, называют подлинной могилой семьи Спасителя. Это обычная журналистская, если не туристская, индустрия, которая с наукой не связана.

ОНИ ЗНАЛИ О ПЕЩЕРАХ

ἸΑΘΑΕΥΒ ΕΕΔΑΑΑΑ, ἐπὶ τῶς, δαεεαετῶα, αἰτῶα ὁ Ὅαί ὀδα ἐγῶ:αἰ εὔ δαεεαε ΔΑΑΟ

АИ Сегодня в ходу интересная и спорная версия. Говорят, что коза и арабский пастух из полукошевого племени таамире Мухаммед эд-Диб ни при чем. О кумранских рукописях не только знали на протяжении веков, — тщательно оберегали тайну.

Наталья Киреева Действительно, часто в рассказах о Кумране присутствует «конспирологическая» составляющая, причем версии расходятся. Некоторые сторонники подобных теорий склонны обвинять израильских ученых в том, что те утаивают от мира достоверные сведения о рукописях, в которых якобы изложена вся правда об Иисусе. Другие, напротив, обвиняют во всем Ватикан, который, заметим, по тем же ровным причинам прячет свитки в своей тайной библиотеке. Можно долго рассуждать о том, в чем причина возникновения подобных теорий. Вероятно, прежде всего это связано с медленной публикацией свитков. Кстати, во многом чтобы прекратить подобные разговоры, в 1965 году при Музее Израиля в Иерусалиме был открыт павильон «Храм Книги», в который поместили часть свитков, в том числе свиток пророка Йешаяу. Это было сделано для того, чтобы широкая — и сомневающаяся в том числе — общественность могла воочию убедиться в существовании свитков. После того как главным редактором издательской серии «Открытия в Иудейской пустыне» стал профессор Иерусалимского университета Эммануил Тов, проблема публикации была решена (на настоящий момент практически все свитки изданы) и разговоров стало меньше. Что до истории с козой, то тут несколько иная сложность. Действительно, сейчас многие склонны видеть в ней элементы художественного преувеличения. Вероятно, кочевники и раньше знали о пещерах и о свитках в них, но они даже не представляли себе их ценности, а потому нам остается лишь гадать, сколько свитков было пущено на ремешки для сандалий...

АИ Доктрина о воскресении тел в ту пору существовала только у ессеев?

НК Почему же? Идея телесного воскресения заложена, видимо, еще в Первой книге Еноха. Возможно, под влиянием этого текста сложилось данное представление и в Кумране. В истории из Второй книги Маккавеев (14:37-47), повествующей о мученичестве Разиса, одного из иерусалимских старейшин, противостоящих эллинистической реформе, который, будучи ранен, вырвал свои внутренности и бросил их в толпу, призывая Б-га вернуть их ему, по всей видимости, мы также наблюдаем веру в телесное воскресение.

АИ Какую роль в жизни кумранской общины сыграл календарь?

ИЕ Как известно, в кумранской общине был солнечный календарь: год состоял из 364 дней в противовес 356 дням лунно-солнечного вавилонского календаря. В году было четыре сезона, в каждом по 91 дню, то есть два месяца по 30 дней, последний месяц, отделяющий один сезон от другого, составлял 31 день. Таким образом, в отличие от лунно-солнечного календаря, в кумранском (солнечном) календаре все праздники из года в год приходились на одни и те же дни недели. (Есть гипотеза, согласно которой лунно-солнечный календарь был заимствован из Вавилонии, до этого же у евреев был солнечный, к которому и вернулись кумраниты.) Подобный календарь фигурирует также в книгах Еноха и Сефер а-Йовелим (книга Юбилеев), по-видимому, эти апокрифические сочинения повлияли на представления кумранитов о времени.

АИ Насколько Иосиф Флавий оказался посвященным в «кумранскую историю»?

ИЕ Прежде всего, сложен вопрос идентификации кумранитов с ессеями. Для простоты согласимся с тезисом, что в Кумране проживала община ессеев, которую Иосиф Флавий описывает в целом

ряде своих текстов, но главное, он пишет в «Жизнеописании», что сам провел три года среди ессеев. Флавий упоминает своего наставника — Банна, образ жизни которого был крайне аскетичен. Историк описывает, что в течение этих трех лет он питался исключительно природной пищей и совершал многократные омовения, дабы очиститься. Именно эти свидетельства Иосифа Флавия о его собственной жизни современные историки склонны подвергать сомнению. Есть при этом и более умеренные мнения. Например, исследовательница наследия Иосифа Флавия Тесса Раджак указывает в качестве причины некоторых несоответствий и противоречий в его сочинениях на особенности жанра жизнеописания, полагая, что историку «было важно произвести впечатление и, в частности, утвердить свое моральное достоинство». Я полагаю, что скорее Иосиф Флавий, если и был в какой-то момент своей жизни связан с ессеями, не прошел всех стадий посвящения в общину, а потому, скорее, добавил что-либо от себя, интерпретируя обряды и образ жизни общины, чем скрыл что-то от читателя.

«YÑÊÀĬÈÇÌ» ÊÓÌ ÐÀĬÈÒĬÂ ÍÁ ÁÛË ĬÎÑÒĬBÍ Í ÛÌ

ΑΙ Как происходило общение кумранской конгрегации с внешним миром?

ΒΙ Τ ΑΙ ΝΑΑΘΕΤΑ В Уставе Общины (1QS, 5.10) adeптов призывают не общаться с «людьми Кривды». Можно полагать, что существовали серьезные ограничения для общения с внешним социальным окружением — хотя бы для тех, кто уже получил посвящение (или для более узкого ядра общины). С другой стороны, такие ограничения могли толковаться и исключительно в моральном смысле — по крайней мере, на ранних стадиях существования общины. Видимо, «эскапизм» кумранитов не всегда был абсолютным: хозяйственные нужды и проповедь истинного знания должны были «размывать» его границы. Экстремальные ситуации и внешний враг (римляне времен Иудейской войны) также способствовали контактам с национальным окружением.

ΑΙ Гибель Кумрана произошла в то же время, что и падение Масады?

ΒΙ На мой взгляд, это более вероятно, чем предполагать, что Кумран просуществовал до восстания Бар-Кохбы. Связано это, в частности, с тем, что после победы римлян в Иудейской войне на территории Палестины наверняка проводилась серьезная «зачистка» антиримских элементов. Разговоры о гуманности Тита не должны нас вводить в заблуждение. Можно вспомнить и законы в отношении иудеев, действовавшие при династии Флавиев, и в особенности практику их применения в правление Домициана. Эсхатологические настроения в иудейском сообществе не исчезли, но получили выражение в следующем, постесейском, поколении религиозных групп (например, элкасаитов), возникших как раз во времена смены династий в Риме, то есть на рубеже I–II веков и имевших как иудео-христианский, так и национально-мессианский характер. Отмечу также, что в Масаде был обнаружен кумранский документ — «Песни субботнего всесожжения». Вероятно, спасшиеся от римлян кумраниты находились среди героических защитников крепости.

ΑΙ С чем связано то обстоятельство, что практически все имена в свитках оказались зашифрованными?

ΒΙ Практика табуирования и шифровки имен в текстах достаточно распространена в античном мире, кумранские рукописи здесь не исключение, да и шифрование в них касается не только имен. Достаточно вспомнить описание исторических событий в так называемом «Апокалипсисе животных». «Зашифрованность» могла быть связана с массой обстоятельств — от традиционного наличия в древних философских школах и религиозных общинах «внутреннего» и «внешнего» кругов посвящения, до особого магико-аллегорического отношения к языку и имени. Специфика социального положения общины, скрывавшей свои сокровенные знания от враждебного взгляда, выступала дополнительным стимулом для шифровки.

ΑΙ Какой свет проливает Завещание Левия — если не рассматривать ряд положений как «пророчество» после свершившегося, — на выявление сути имени «Учитель праведности»?

ДНЯ разделяю точку зрения Тантлевского, что образ Нового Священника в Завещании Левия, то есть эсхатологического мессианского Первосвященника, «которому будут раскрыты все речения Г-спода, и он будет творить праведный Суд на земле», коррелирует с фигурой кумранского лидера — Учителя праведности и сформировался под влиянием так называемого «Арамейского фрагмента» 4Q541 из Кумрана. В последнем тексте об эсхатологическом Искупителе, в частности, сказано: «Его слово [будет] как слово Небес, и его Учение [будет] в соответствии с волей Б-га».

Éíeã «Çãããëë ðéííëíë Í áððããã ì íðÿ» Èãðÿ ðãí ðéããëíãã ñòí ì èðãò ì ííããòíéé ííòò èòí ðãííããããéÿ, ÷òí ððãããò íð ÷èððãéÿ ííðããããííé ííããòíãé, ííòíí ó è áíèì áíéá è íãé áðÿ èè íããããò áúòúí àíííãúí, í ÷àí ãããðèð «ííòíðãéíúé» ðèððãé (1000 ÿéç). Çãòí íãããíÿèà ÿòà éíeã íá àííòáíàðíÿ ÷èððãéð ñéó: áéííí á

— Если поискать, может, и еще что всплывет? — спросил у него один из членов правления студии. — Другие чеки, поддельные контракты?

— Нет.

И тут обнаружилась третья недостача, новый чек с поддельной передаточной подписью Бегельмана, на этот раз на 25 тыс. долларов. Он был выписан на имя Пьера Гроло, метрдотеля «Ма мезон», что, невзирая на расплывчатые этические принципы Бегельмана, позволяло счесть его — так, по крайней мере, полагал он сам — умопомрачительно щедрым на чаевые посетителем. К несчастью, Гроло денег не видел. Обеспокоенные нависшей над, как ни крути, публичной акционерной компанией угрозой вмешательства со стороны Комиссии по ценным бумагам и биржам, члены правления приступили к допросу, и Бегельман сломался.

— Знаю, — рыдал он, — я вас обманул, но вы не можете лишить меня всего. Тогда мне конец, и как человеку, и как мужу, и как отцу... Заклинаю, не губите меня.

И Бегельман выдвинул изящное психологическое оправдание своим поступкам, научное объяснение, впоследствии поднятое на щит не кем иным, как «звездным психиатром» д-ром Джаддом Мармором.

— У меня страсть к саморазрушению. Низкая самооценка. Вот почему я так поступал. Я хотел наказать себя, растоптать, уничтожить.

Члены правления «Коламбии» мотались то в Нью-Йорк, то в Лос-Анджелес и отчаянно ругались между собой. Алан Хиршфилд, при поддержке президента Лео Яффе, работавшего на студии с 1930 года, настаивал на увольнении Бегельмана. Но Герберт Аллен и Мэтью Розенхаус, крупнейшие акционеры компании, не менее упорно не желали расставаться с Бегельманом, которому, по их мнению, «Коламбия» была обязана своим спасением: именно он приобрел для них «Водителя такси» и отстоял нашумевший хит «Близкие контакты третьей степени».

Затем обнаружился еще один подложный чек Бегельмана, на этот раз всего на 5 тыс. долларов, выписанный режиссеру Марти Ритту, но, черт возьми, в Голливуде каждый знал, что Ритт — сценарист. Вскрылись посторонние издержки — то 6 тыс. долларов на неустановленные цели, то 4145 долларов на свадебное путешествие Бегельмана на Французскую Ривьеру, оформленное как деловая поездка.

Бегельмана уволили, то есть так думал порой нерешительный, часто колеблющийся Хиршфилд, но раздосадованный совет директоров не спешил с обещанным пресс-релизом. По мнению Дэна Мелника, начальника производства «Коламбии», у студии возникли проблемы.

— Верховодить прессой — задача непростая. У нас нет никого, кто умел бы успешно лавировать в этой мутной водичке. (Курсив мой.)

В декабре Хиршфилд, чей авторитет в компании сильно пошатнулся, а отношения со скользким типом Гербертом Алленом и скорым на сентиментальную слезу Розенхаусом обострились, сдался и согласился вернуть Бегельмана.

Снова поднимаясь на лифте в свой офис, Бегельман, не лишенный чувства юмора, охотно перекидывался шуточками со старыми коллегами.

— Как, — спросил он, — поступило бы с Бегельманом правительство Польши?

— Так же, как «Коламбия пикчерз», — парировал кто-то.

— Похоже, что впредь «как “Коламбия пикчерз”» будет означать «под дельным, ну или поддельным, управлением Дэвида Бегельмана», — сказал другой.

Бегельман, как пишет Макклиток, покатылся со смеху, искренне польщенный шутками на свой счет. Попытаюсь тоже внести вклад — расскажу одну веселую историю, которую Макклиток, возможно, не слышал; не исключено, что она апокрифическая, однако до сих пор циркулирует в кулуарах.

Вроде бы, еще в те времена, когда Бегельман был агентом, подыскивавшим работу своим подопечным актерам, и на пару с Фредди Филдсом управлял «Криейтив менеджмент ассосиэйшн», его сынишка подошел к нему и спросил:

— Папа, а что такое честность?

Усадив его к себе на колени, Бегельман ответил:

— Сейчас объясню, сынок. Вот я агент Пола Ньюмана. Я подписываю для него контракт на съемки за миллион долларов, а он за это присылает мне чек на сто тысяч. Это не честность, это причитающиеся мне комиссионные. Однако спустя месяц — вот чудеса! — Ньюман все забывает и присылает мне еще один чек на сто тысяч. Так вот, честность, сынок, не в том, вернуть или не вернуть второй чек Полу Ньюману, а в том, сказать ли о нем Фредди Филдсу?

Бегельман вернулся к своим обязанностям, но это (как и предсказывал Хиршфилд) вызвало бурю общественного негодования и потому продлилось крайне недолго. Ради сохранения и так уже запятнанной репутации компании решено было отправить Бегельмана в отставку. И вот в воскресенье 5 февраля в укромном, с глухими стенами, зале заседаний совета директоров «Коламбии» по адресу Пятая авеню, 711, Алан Хиршфилд предложил жалкому, едва не плачущему Бегельману стандартную голливудскую «премию для казнокрада» — контракт со студией в качестве независимого продюсера. Бегельман изучил условия и фыркнул, сочтя их неудовлетворительными.

— Я услышал тебя, Алан, но сейчас я могу согласиться только на полную выплату по действующему контракту плюс договор о независимом продюсировании, соответствующий моему рангу и вкладу в индустрию, — не меньше. Алан, я разорен. И если я еще не сошел с ума и не сунул себе в рот пистолет, так это потому, что надеюсь на такое финансовое соглашение, которое поможет мне выстоять и даст гарантии на будущее.

Хиршфилд, чьи дни в компании тоже были сочтены, втихомолку кинулся искать на студию покупателей. «Тайм», «Филипп Моррис», британский финансист Джимми Голдсмит. Все впустую. Спустя пять месяцев члены совета директоров «Коламбии» проголосовали пять против двух за расторжение контракта с Хиршфилдом, Лео Яффе назвал это увольнение «катастрофой и позором для студии».

Бегельман перебрался в «Метро-Голдвин-Майер» и выпустил ряд фильмов, которые с треском провалились в прокате. Когда эта студия с ним рассталась, он получил приглашение от еще одной продюсерской компании. Алан Хиршфилд занял место директора и главного управляющего студии «Двадцатый век Фокс».

«Главная особенность Беверли-Хиллз, Калифорния, — пишет в “Акте эксгибиционизма” Макклинток, — не столько в его известных жителях и шикарных домах, сколько, безусловно, в кое-каких статистических данных. В Беверли-Хиллз, населенном пункте площадью менее шестнадцати квадратных километров, с населением немногим более тридцати тысяч человек, из которых лишь двадцать тысяч могут — по возрасту — голосовать, работают 35 банков, 20 ссудо-сберегательных ассоциаций, 711 юристов, 299 салонов красоты, 651 доктор и психоаналитик, 761 садовник. В банках и ссудо-сберегательных кассах хранятся вклады на сумму свыше 7 миллиардов долларов».

В этом климате воровство не считается аномалией, отнюдь, это освященное веками забавное правило игры. Одна из лучших историй на эту тему, которые я знаю, — о любимце публики, престарелом герое многочисленных вестернов Джоэле Маккри^[2].

Рассказывают, будто несколько лет тому назад на пороге у Маккри возник его молодой кузен, новоиспеченный бухгалтер, искавший работу. Маккри как раз он-то и был нужен. В последних двух вестернах старик снялся за проценты от прибыли и теперь подозревал, что его облапошивают. Не проверит ли кузен грессбухи? Кузен проверил, после чего Маккри позвонил студийному главе и пригласил вместе пообедать. Студийный глава согласился. Как-никак Маккри — один из прославленных ветеранов Голливуда. За обедом Маккри признался, что, по его ощущениям, не получил законной доли прибыли от двух своих последних картин, снятых на студии. Не может быть, возразил насмерть перепуганный глава.

— Например, — пошел на штурм Маккри, — в сметах обоих фильмов есть статья расходов на цветную пленку — 280 тысяч долларов.

— Ах, это, — ответил глава. — Понимаете ли, современные лаборатории так небрежно работают. Не подумайте, что я хвастаюсь, но мы добиваемся наилучшего качества цвета и на меньшее не согласны.

— Все так, — сухо сказал Маккри, — только фильмы были черно-белые.

Студийный глава и глазом не моргнул.

— Что ж, — сказал он, — зайдите ко мне в офис, я выпишу вам чек на 250 тысяч долларов, и будем считать, что мы в расчете за оба фильма.

Если и можно найти хоть какое-то оправдание Бегельману, то лишь потому, что в Беверли-Хиллз искусство обмана ценится даже выше, чем умение мастерски играть в теннис. Начнем с того, что ушлые продюсеры вносят в смету любую производственную мелочь, множество вещей, среди которых — счет за шиншилловую шубку для жены, новая отделка «гнездышка» для любовницы в Малибу и крикотерапия^[3] для сына. Если и после этого фильм умудряется показывать прибыль, посылают за волшебниками. Открою тайну: настоящие кудесники в Беверли-Хиллз не так называемые «творческие личности», а студийные бухгалтеры. Дайте им картину стоимостью 10 миллионов, которая принесла еще 80 миллионов сверху, киньте в придачу пару фломастеров, и они докажут, что те олухи, которые его срежиссировали, сыграли в нем, написали сценарий, не могут претендовать ни на какую прибыль. С другой стороны, среди так называемого «творческого» люда тоже достаточно жуликов, в связи с чем мне вспомнилась еще одна голливудская байка.

Однажды, после массовых увольнений среди управленцев головной студии, пришедшая к власти новая кучка бандитов обнаружила, что тупоумный троюродный брат бывшего студийного главы принят на должность сценариста за 10 «штук» в неделю, а контракт истекает только через год. Уж они его и шпыняли. И отобрали рабочий телефон. Не помогло, и тогда они вынесли его рабочий стол. Поменяли замки в кабинете. Но он не уходил, понимая, что больше его никуда не возьмут. Наконец, глава студии вызвал его к себе, протянул разноцветную фуражку и нелепую курточку и сказал:

— Хорошо, Гарри, если ты так хочешь остаться, вот тебе форма, будешь водить экскурсии по студии.

— О'кей, — сказал Гарри и взял фуражку.

Прошло три месяца, и на студию с Востока приехали банкиры, проверить, как идут дела. Они устроили своим женам прогулку по студии, а сопровождал их наш отставной сценарист. Когда экскурсия завершилась, один из банкиров протянул Гарри двадцать долларов — чаевые.

— Нет-нет, — запротестовал тот. — Я не беру вознаграждения.

— Да брось ты, — сказал банкир. — Какого черта? Сколько платят гиду?

— Мне? Десять тысяч долларов в неделю.

Потрясенные банкиры ринулись в канцелярию, и вскоре полетели новые головы.

Финансовые хищения в Голливуде ранжируются от безобидной мелочевки до масштабных махинаций. Если вдруг в кадре отчетливо читается марка какого-либо автомобиля, название фотокамеры или даже прохладительного напитка, душу можно прозакладывать, что продюсер на этом хорошо погрел руки. Люди, которые зарабатывают по миллиону на производстве любого фильма, не постесняются включить в производственную смету бар мицву своего сына или, как в случае с Бегельманом, собственный медовый месяц. Однако и в Голливуде кое-что считается моветоном. Пределы все же существуют. «Этот человек подделал чеки, — написал Эндрю Тобиас^[4] в “Эсквайре”. — И не один раз, в пьяном угаре, а как минимум трижды».

«Акт эксгибиционизма» порой чрезмерно перегружен документальными подробностями, так, например, Макклиток пишет: «Дэвид [Бегельман] и Рэй [Старк]^[5] решили прогуляться. Он прошлись по Парк-авеню, с Парк-авеню свернули на Пятьдесят шестую, с Пятьдесят шестой — на Лексингтон, по

Лексингтон добрались до Пятьдесят седьмой, с Пятьдесят седьмой вышли обратно на Парк-авеню и с Парк-авеню снова на Пятьдесят шестую — и так семь или восемь кругов по всему кварталу». Время от времени его заносит в художественность, и тогда он выдает за факты собственные домыслы, например: «Впоследствии он [Хиршфилд], однако, глубоко пожалел о том, что произошло в ту пятницу, и отныне будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь». В отдельных случаях, впрочем, довольно малочисленных, хромает язык: «Она заподозревала, что...» Невзирая на эти несущественные придирки, Дэвид Макклинток написал восхитительную книгу о Голливуде, тактичную и умную. Я знаю кое-кого из героев этой книги, и все они единодушно ее хвалят.

В конечном счете, учитывая, что Голливуд — такое место, в котором единственная нерушимая заповедь — строка «Итого» в годовом отчете, вполне может оказаться, что Бегельман, надув «Коламбию» почти на 100 тыс. долларов, при этом сберег для нее миллионы. Он выступил против покупки «Энни»^[6]. Как пишет Макклинток, он был президентом студии «той осенью, когда шли переговоры насчет “Энни”, он возражал против этой сделки и, вероятно, сумел отговорить от нее Хиршфилда».

Что ж, посмотрим.

ГОЛДВИН

В наши дни независимый продюсер в Беверли-Хиллз не может — Б-же упаси! — на глазах у всех вот так запросто, пешком, спуститься с дачи на холмах, чтобы провести деловую встречу в «Поло лаундж» или пообедать в «Спаго». Бодрые утренние прогулки преданы забвению, звездные персоны передвигаются исключительно посредством «роллс-ройсов», «мерседесов» и «ягуаров». Но первый независимый продюсер, этот мастодонт, выпустивший первую полнометражную голливудскую картину, ходил пешком. Шмуэль Гелбфиш, он же Сэм Голдфиш, прославившийся под именем Сэмюэла Голдвина. В 1895 году этот высокий, худой как щепка, шестнадцатилетний паренек, первенец в семье евреев-хасидов, фактически без гроша в кармане прошел почти пятьсот километров от Варшавы до Одера, переправился на ту сторону, после чего прошагал еще триста километров до Гамбурга, где добрый перчаточник по фамилии Либглиц ссудил ему восемнадцать шиллингов на поезд до лондонского парохода.

Оказавшись в Англии, Шмуэль дотопал до Бирмингема, откуда в 1898 году отплыл третьим классом в Галифакс, Новая Шотландия, а осел в Гловерсвилле, штат Нью-Йорк, где поступил на работу раскройщиком перчаток. Лишь через год Голдфиш, который всю жизнь был страстным игроком, плутовал и в покер, и в крокет, освоился на новом месте настолько, что мог поставить два доллара на победу Гарварда в футбольном матче против Йеля. Еще он усвоил прописные истины вроде «Поспешишь — людей насмешит» или «Кто рано встает, тому Бог подает» — и до конца дней уснащал ими свою речь. Далее, в 1923 году, позаимствовав окончание фамилии у бывшего партнера, он переродился в Голдвина, ибо судья Лернед Хэнд^[7] постановил: «Человек, который создал сам себя, имеет право создать себе и имя».

Сэмюэл Голдвин был нахрапистым сквернословом и большим жизнелюбом, неверным супругом и никудышным отцом. И в то же время он принадлежал к совершенно поразительному поколению гениальных наглецов, шагнувших из штетлов в большой мир, чтобы сделаться в нем чуть ли не королями. Они пользовались моментом. Изобретали Голливуд. «Между 1880-м и 1910-м, — пишет А. Скотт Берг в увлекательнейшей биографии “Голдвин”, — Восточную Европу, толкая перед собой тележки с пожитками, покинули полтора миллиона евреев. В одном только 1880 году семья Луиса Б. Майера уехала из Демре, что под литовским городом Вильно^[8]; Льюис Железник (позже ставший Селзником)^[9] бежал из Киева; Уильям Фокс (бывший Фукс)^[10] эмигрировал из венгерской Тулчевы; семья Уорнеров^[11] сорвалась из польского Краснашильца, на границе с Россией; Адольф Цукор^[12] покинул Риксе в Венгрии, а Карл Леммле^[13] — Вюртемберг в Германии — всем этим авантюристам, проживавшим в радиусе восьми сотен километров от Варшавы, было ровным счетом нечего терять».

Каждому — своя эврика.

Однажды Голдвин — ему уже стукнуло тридцать четыре, и он был лучшим коммивояжером элитной перчаточной фирмы — выскользнул из торговой конторы на Пятой авеню и направился к театру «Геральд сквер» на 34-й улице, чтобы посмотреть «киношку». Он увидел, как ковбой Брончо Билли^[14] на полном скаку запрыгивает в мчащийся поезд, а спустя несколько месяцев и сам оказался в седле. Он вошел в долю со своим шурином Джесси Ласки, бывшим эстрадным импресарио, и нанял Сесилия Б. де Милля^[15] переработать прогремевшую несколько сезонов назад пьесу «Муж индианки» и представить ее экранную версию. Де Милль должен был снимать во Флэгстаффе, Аризона, но место ему не приглянулось, и он

проследовал поездом дальше на запад, откуда телеграфировал Ласки: «ФЛЭГГСТАФФ НЕ ПОДХОДИТ. Я В КАЛИФОРНИИ. ПОДТВЕРДИТЕ ПОЛНОМОЧИЯ СНЯТЬ АМБАР ЗА 75 \$ В МЕСЯЦ В ГОРОДКЕ ПОД НАЗВАНИЕМ ГОЛЛИВУД. ПРИВЕТ СЭМУ».

Νοῖ δὴ Ἀτῆαῖ. 1933 ἄᾶ

Когда Голдвин просмотрел отснятый материал для фильма, который потом станет голливудской легендой и его собственным первым успехом, он пришел в ужас от освещения. Зрители не смогут разглядеть происходящее на экране.

— Объясните им, что это рембрандтовский свет, — сказал де Милль.

— За рембрандтовский свет, — ответил Голдвин, — я возьму с них вдвойне.

Его короткий брак с Бланш Ласки с треском рухнул в 1915 году, оставив после себя неприкаянного ребенка по имени Рут, и Голдвин, который всю свою долгую жизнь напропалую крутил романы, приобрел репутацию бабника. Продюсер, проводивший кастинг на кушетке. Прототип Айвора Льюэлина в романе Вудхауза «Везет же этим Бодкинам!».

Первым голливудским магнатам — а они чуть ли не все евреи — приходилось несладко. Раввин Эдгар Ф. Магнин, семьдесят лет надзиравший за духовной жизнью ешивы Беверли-Хиллз — места, где «Вэрайэти»^[16] имел больший вес, чем Талмуд, а за тайными откровениями чаще обращались не к Раши^[17], а к Луэлле Парсонс^[18], — однажды сказал: «Эти мужчины зарабатывали огромные деньги, но все равно ощущали себя горсткой Б-гом проклятых евреев... Секс со смазливими гойками давал им, пусть всего на несколько минут, возможность думать: “И я наполовину гой”. Неудивительно, что из прекрасных, как богини, шикс они делали себе кумиров». Одна из них, Мэри Пикфорд, так никогда и не позволила своему мужу Дугласу Фэрбенксу забыть о его еврейском происхождении. Случись ему вступить за кого-либо из киномагнатов, она тут же его осаживала: «Это в тебе говорит еврей». А Голдвина звала Шейлоком^[19].

«Выскочки»-магнаты не только англизировали свои имена. Жена одного из них, по словам Берга, чтобы освет-лить волосы своей дочери, мыла их смесью лимона и яиц, а кожу терла хлоркой. У второй, долгоиграющей, жены Голдвина, Фрэнсис Говард, стройной рыжеволосой уроженки Небраски и римской католички, мать была настолько рафинированной, что не могла даже произнести слово «еврей». А говорила: «Уроженцы Востока». Фрэнсис покрикивала на разбушевавшегося супруга на идише: «Шмуэль, швейг!» («Цыц!»). Единственного их сына она крестила, а когда в 1938 году выяснилось, что в глазах всего остального мира она еврейка, была, если верить Сэму Голдвину-младшему, мягко говоря, обескуражена^[20].

Потом, в 1940 году, Джозеф П. Кеннеди, вернувшийся живым после лондонского блица, обрушился за обедом на полсотни негласных голливудских воротил, среди которых был и Голдвин.

— Хватит уже снимать антифашистские картины, — заявил он, — и выпячивать на экране «хороших простых парней» в пику «плохим диктаторам».

Магнатам бы схватить что потяжелее да стукнуть Кеннеди по голове, а они молча сидели и слушали. Кеннеди меж тем договорился до того, что вообще войну развязали евреи. Однако, по его наблюдениям, Гитлер любит смотреть фильмы и, вероятно, разрешит Америке продолжать их снимать, «надо только убрать из титров эти еврейские фамилии».

С другой стороны, еврейство давало свои преимущества. Не имея доступа в самые привилегированные клубы Лос-Анджелеса, магнаты основали собственный — «Хиллкрест» и вскоре начали качать деньги из полей для гольфа. Через много лет Голдвин покинет это укромное сборище и станет во главе Объединенного еврейского благотворительного фонда. Он был рьяным сторонником Израиля, но, когда Эдвард Г. Робинсон^[21] обратился к нему за помощью в создании израильской киноиндустрии, пришел в замешательство.

— Б-г мой, — сказал он, — от еврейских жуликов и в Голливуде-то не продохнуть.

Возможно, он имел в виду пресловутого Гарри Кона, владельца «Коламбии пикчерз». После смерти Кона в 1958 году кто-то из прихожан синагоги на Уилшир-бульваре^[22] попросил раввина Магнина сказать об усопшем что-нибудь хорошее. Раввин задумался и наконец произнес: «Он умер».

Ох уж этот Голливуд.

Посетив в 1927 году премьерный показ первой звуковой кинокартины «Певец джаза», Фрэнсис Голдвин назвала этот вечер «главным событием в истории культуры с тех пор, как Мартин Лютер прибил к двери церкви свои тезисы». Что ж, у каждого своя точка зрения, только с этой оказались не видны такие культурные букашки, как Эйнштейн, царапающий в своем блокноте $E = mc^2$, Фрейд, размышляющий над нашими сновидениями, и Маркс, зарабатывающий себе в Британском музее геморрой, за который мы с вами до сих пор расплачиваемся.

Э. Скотт Берг щедро пересыпал свою биографию голдвинизмами. Да, с топотом выбегая с одного из продюсерских собраний, Сэмюэл действительно крикнул: «Внесите меня в список исключенных!» Вспоминая о чудовищной финансовой яме, заявил: «Я был на грани сиротства». Он хотел снимать вестерн «О-го-го!»^[23] в Аризоне, так как, «когда понадобятся индейцы, их можно будет взять прямо на месте из резервуара». А в пылу ссоры с Джоэлом Маккри на картине «Эти трое» высказался: «С вами, звездами, у меня хлопот больше, чем у Муссолини — с Утопией»^[24]. Гершвина и Джорджа Баланчина, приглашенных к нему домой на совещание, он встретил в халате, крикнув им с лестницы: «Парни, подождите, я сейчас спущусь. И тогда мы обсудим все интимности». Услышав от редактора сценарного отдела студии о том, что

«Лисички»^[25] — весьма стоящая пьеса, он выпалил: «Плевать, сколько она стоит. Покупайте!» А однажды пригласил кого-то к себе домой посмотреть его «Тужур-Лотрека».

Голдвин всегда запускал в производство ровно столько картин, сколько мог лично проконтролировать (среди его работ — «Муж индианки», две версии «Стеллы Даллас», мюзиклы Эдди Кантора^[26], «Грозовой перевал», «Лисички», «Гордость янки», «Лучшие годы нашей жизни», «Вступайте в ряды армии», «Парни и девчонки»), ибо еще в бытность свою продавцом перчаток усвоил принцип «лучше меньше, да лучше». Он сотрудничал с талантливейшими людьми своего времени: де Миллем, Уильямом Уайлером (многократно), Билли Уайлдером, Греггом Толандом, Беном Хектом и Чарльзом Макартуром, Робертом Шервудом и бессмертным Басби Беркли^[27]. Самый первый свой контракт, сроком на пять лет, он заключил с Мейбл Норман, которая ушла от Мака Сеннета. В последующие годы на Голдвина работали по контракту Рональд Колман (один из немногих актеров немого кино, успешно перешедший в звуковые фильмы), Эдди Кантор, желчный Гэри Купер (его возмущало качество навязываемых сценариев), Дэвид Нивен, Дэна Эндрюс и Дэнни Кей^[28]. Однако поиски второй Гарбо увенчались лишь прочно забытой ныне Вильмой Банки и Анной Стен^[29], про которую он любил говорить, что у нее «лицо свинкса».

С большим трудом Голдвину удалось залучить Лоуренса Оливье в картину, которую он неизменно именовал «Грузовой перевал» и снимать которую должны были оператор Грегг Толанд и режиссер Уильям Уайлер. Оливье терпеть не мог свою напарницу Мерл Оберон^[30], считая ее «подстилкой [Александра] Корды». Неприязнь была взаимной. Оберон часто жаловалась, что во время эмоциональных сцен Оливье брызжет слюной ей в лицо. Оливье вопил: «Ты, шлюшка-дилетантка, подумай, слюна! Актеры мы или не актеры?»

Спустя три недели после начала съемок группа безнадежно выбилась из графика, и на площадку заявился Голдвин.

— Уилли, — сказал он Уайлеру, — если этот... этот актер собирается и дальше так играть, я закрываю картину. Посмотри на его уродскую физиономию. Вид непотребный, игра дрянная — неестественная, пресная... Так дело не пойдет; если он не выправится, я закрою картину.

— Хорошо, мистер Голдвин, — ответил Уайлер, и с того самого момента Оливье, как сам позже признавал, «слушался и повиновался».

Голдвин был безобразным отцом: то забрасывал свою дочь Рут сентиментальными письмами, то нещадно ею пренебрегал. Сэмми-младший не мог припомнить, чтобы они хоть раз пообедали или ужинали всей семьей в их элегантной столовой. Он всегда ел на кухне, в компании кухарки. Незадолго до окончания школы-интерната отец написал ему: «Твое образование так много для меня значит, ведь ты мой единственный сын и я так сильно тебя люблю», — но на церемонию выпуска, конечно, не явился. «И пусть меня нет рядом, — продолжал он, — но сердцем я с тобой и молюсь за тебя».

Вождеденный приз Академии Голдвин все же получил — в 1947 году, за фильм «Лучшие годы нашей жизни». После церемонии Фрэнсис застала его в гостиной: он сидел на оттоманке и, поникнув головой, рыдал, прижимая «Оскар» к груди.

Он дожил до девяноста четырех лет, и последние годы был прикован к постели в доме на Лорел-лейн. За три года до его кончины, в 1971 году, немощного киномагната навещил президент Ричард Никсон.

Вот как описывает это Берг: «Он приехал, чтобы вручить Сэмюэлу Голдвину медаль Свободы, высшую национальную награду для гражданских лиц. Прежде чем повесить медаль на шею Голдвину, президент произнес речь, и выспренность фразы о нравственной пользе фильмов Голдвина зародили в Сэмюэле-младшем подозрения. Слова президента сильно смахивали на его же старую речь во славу покойного Уолта Диснея, — судя по всему, Никсон просто раньше времени принялся за предвыборную кампанию и хотел заручиться поддержкой деятелей киноиндустрии. Голдвин слушал, его голова тряслась и падала на грудь. Затем он вскинул голову и потянул президента за полу пиджака. Наклонившись, президент расслышал шепот: “Хотите править Калифорнией — не позволяйте себе халтурить так, как сейчас”.

Президент отпрянул, после чего поспешно свернул церемонию и вышел. В холле Никсон спросил: “Вы слышали, что сказал ваш отец?” Сэмми слышал, но, не желая смущать гостя, отрицательно

покачал головой. Президент облегченно выдохнул. “Он сказал, — прогрохотал Никсон, — ступай и покажи всем этим негодьям!”»

К счастью, в своей захватывающей, насыщенной забавными эпизодами биографии Э. Скотт Берг меньше всего склонен кого-либо осуждать и не грешит излишним психологизмом. Ему достало здравого смысла поверить в историю тощего паренька, прошагавшего восемьсот километров с гаком, чтобы обрести свободу, славу и удачу. Эта история о человеке корыстном и тем не менее грандиозном расскажет об Америке, Америке больше, чем любой фильм из когда-либо созданных самим Голдвином.

Νέσππ λ λλ δαλ:

Υέ Άαετππλ, Άοααλ Ουδαλ εη (πεαο πεαα), λ γοδ λ εεοτδδ, Υααε Εαλ οτδ, Βηλ αεηλ Ετει αλ ε Νηλ ρυε Άτεααελ

ВУДИ

Υοί γινά αὐτῆ ἀτάκατα ἰὶ αἰεεεῖσαι ἰ ἀ αὐδῖ αἰῶ «Ἰ ἐαῖαίε» (ἀαεαῶνι 1991), αἰῖαῖα ἰ ὀῖα, εἰε ἡαῖ αἰε ἰ εἰε αἰε εἰε Ἀαῖε Ἀεεῖα ἰ αἰαῖε αἰεεῖ ὀαε ἰ ΝἸ Ἐ. Β ἰ ὀεῖ ὀεῖ εἰε αἰεῖ ἰ ἰ ἰ ὀαε ἰ εἰε αἰε ἰ ἰ αἰε αἰε ἰ αἰε αἰε ἰ αἰε Ἀεεῖα ἰ εἰε αἰε ἰ αἰε ὀῖεῖ αἰε ἰ αἰε ἰ αἰε.

К настоящему моменту Вуди Аллен пережил, по моим подсчетам, не менее шестнадцати полновесных исследований и кипы критических заметок в самых разных изданиях — от «Пипл» и «Нью-Йорк ревью оф букс» до «Вест Виргиния филолоджикал пейпес». За прошедшие годы он подвергся обвинениям в «доморощенном экзистенциализме», «неспособности выйти за круг ценностей Джона Уэйна^[31]», в штамповке «фильмов о никчемных, заикливых на себе героях, которых он вроде как критикует», в использовании комбинированных съемок для «создания вымышленного прошлого». Ему также вменяют в вину, что он, бессовестный негодяй, в жизни вовсе не «сгусток нервов», «заячья душа» и «близорукая серая мышь», какими изображает себя на экране. Во все даже наоборот. Поговаривают, что Вуди лишь прикидывается шлемилом. А настоящий Вуди образца 1991 года на самом-то деле успел обзавестись двухуровневым пентхаусом на Пятой авеню, с огромными, от пола до потолка, панорамными окнами, из которых открывается вид на весь Манхэттен; выкупил четыре места в первом ряду на все матчи «Никса»^[32]; разъезжает по городу на собственном «роллс-ройсе», частенько заходит в ресторан «У Элейн»^[33], и даже его вечно мягкие штотки — от самого Ральфа Лорена.

Позор, позор.

Однако при этом стоит учесть, что с 1968 по 1990 год Вуди Аллен написал и снял запредельное количество фильмов (двадцать один!) и в большинстве из них сыграл. И фильмы эти, как правило, отличались чрезвычайным остроумием, свежим юмором, самобытностью, а порой и вдохновенностью.

В «Ханне и ее сестрах» мучимый страхом смерти телепродюсер Микки Сакс, которого играет сам Вуди Аллен, в поисках ответа на Главные Вопросы ненадолго обращается к католической церкви. Мы наблюдаем за тем, как он пытается излить душу священнику, а затем разглядывает витрину церковной книжной лавки. После этого мы переносимся в его квартиру и видим крупный план — лицо Сакса, выкладывающего на стол содержимое бумажного пакета. Сначала появляется рамка с изображением Христа в терновом венце, за ней следует распятие, а поверх всего ложится буханка «Чудо-хлеба» в нарезке^[34] — зазорный еврейский ответ сторонним духовным влияниям. На языке киношных теоретиков это называется «визуальным высказыванием».

Один из самых удачных фильмов Вуди Аллена, «Ханна и ее сестры», снят отдельными кусками (авторский юмор встык с ангстом персонажей), которые в финальных сценах обеда в честь Дня благодарения складываются в цельное полотно. По-своему, это передышка от действительности, правда жизни, принесенная на алтарь благолепия, чтобы зритель мог выйти из кинотеатра в хорошем расположении духа, а не с тяглым сердцем, полным горечи узнавания. И все потому, что муж Ханны (Майкл Кейн), который воспылил страстью к одной из ее сестер и завел с ней шашни, неожиданно, на пустом месте, мирится с женой. А Микки Сакс, первый муж Ханны, из своих сложносочиненных треволнений вдруг вырывается на прямую дорожку к счастливому браку с другой ее сестрицей, самой пустопорожней. Под занавес и вовсе наступает апофеоз восторгов: жена говорит Саксу, до этого момента якобы стерильному, что ждет от него ребенка. Радость того не знает границ. Однако, намного вероятнее, что не уверенный в себе Микки Сакс, каким нам его показали, в жизни отреагировал бы иначе. Он счит бы, что жена ему изменила.

Несмотря на все недочеты «Ханны», спешу тут же добавить, что Вуди Аллен не создал ни единой картины, которая оскорбляла бы умного зрителя. Интересны даже его провалы, пусть и довольно значительные. Действительно, разве может быть «доморощенным экзистенциалистом» тот, кому приписывают такое высказывание: «Я не хочу достичь бессмертия с помощью своих работ. Я хочу быть бессмертным сам по себе».

Не могу сказать, что осилил все книги о творчестве Вуди Аллена или хотя бы большинство из них, однако я мужественно одолел одну из самых претенциозных его биографий — «Вуди Аллен» пера Нэнси Погель, откуда почерпнул как минимум парочку забористых фраз, способных расцветить газетные анонсы его следующей «киношки» вместо уже приевшихся двух «одобрений» Сискела и Эберта^[35].

1. В фильмах Аллена «разворачивается борьба между вымыслом и реализмом, между иллюзионизмом и антииллюзионизмом».

2. «Всеобъемлющей основой для восприятия глубоко содержательных, насыщенных аллюзиями фильмов Аллена может служить учение Михаила Бакунина^[36] об интертекстуальности и диалогическом понимании».

Помимо продемонстрированных талантов писателя и стилиста, Нэнси Погель обладает впечатляющим резюме, в котором имеют место должность профессора Американской Мысли и языка и преподавание в рамках Тематической кинообразовательной программы в Университете штата Мичиган. Последняя деятельность д-ра Погель, которая представляется мне чем-то вроде повышенной в статусе работы киномеханика, разверзает между нашими с ней поколениями непреодолимую пропасть. Если мы студентами хотели посмотреть фильм (тематический, диалогический, вымышленный — неважно), мы сбежали с семинара по Спинозе или «Путям развития мультикультурализма в Канаде». Легкое ощущение вины придавало, конечно, этим дневным самоволкам особую сладость. Никогда не забуду, как улизнул с введения в психологию и отправился на «Счастливую любовь», кинокартину с братьями Маркс. Сделаю небольшое отступление. Двадцать два года тому назад, в 1972 году, на Каннском фестивале я завтракал в отеле «Карлтон» в большой компании, в которой были Граучо^[37] и Энтони Берджесс^[38]. Искрометный Граучо оделил присутствующих сигарами «Монтекристо», но Берджесс, в отличие от всех, свою не раскурил, а сунул в карман рубашки. Граучо надулся.

— Вы что, не станете курить? — поинтересовался он.

— Оставлю в качестве сувенира, — сказал Берджесс и пересказал сцену из «Счастливой любви», которую просто обожал: — Харпо стоит, прислонясь к кирпичной стене, а вы, проходя мимо, спрашиваете: «Ты что, стенку подпираешь, чтобы не упала?» Он кивает, потом отходит, и стена падает.

— И вы это помните? — Граучо был потрясен.

— Еще бы.

— Б-г мой, лично я не помню ни одной из своих бывших жен, а у меня их было целых три.

Кто-то из сидящих за столом спросил Граучо, что он думает о сегодняшних комиках, и тот ответил, что единственный, на кого стоит тратить время, — Вуди Аллен.

Несколькими годами ранее мой друг увидел Вуди Аллена в шоу Джонни Карсона^[39]: «Карсон трепался с каким-то эстрадным сатириком, щуплым коротышкой, я и знать не знал, кто он такой, и тот ему сообщил, что недавно женился и переехал в съемный загородный коттедж. И показал Карсону фотографии дома и супруги. “Моя жена, — сказал он, — та, что с модной кровлей, с “грибком” на голове”. С тех пор я преданный поклонник Вуди Аллена».

Вуди Аллен, урожденный Аллен Стюарт Кёнигсберг, родился в 1935 году на Флэтбуш-авеню^[40] в семье Мартина и Нетти, помешанных, как он скажет позже, «на Б-ге и коврах». Мартин работал то ювелиром-гравером, то сортировщиком яиц, то таксистом, то барменом в «Ревю Сэмми» в дешевом квартале Манхэттена. Нетти трудилась бухгалтером в бруклинском цветочном магазине. Кёнигсберги были ревностными иудаистами, и это само собой подразумевало, что Вуди после уроков в общеобразовательной школе № 99 должен был посещать и еврейскую школу — хедер; именно там, изучая Талмуд, он получил прививку к абсурду:

Яни вошел в трактир и попросил воды; ему принесли. Он заметил, что женщины при этом что-то бормотали, и выплеснул часть воды из кружки — по полу заструились змеи. Он сказал женщинам: «Я попил вашей воды, а теперь вы попейте моей». Он заставил выпить воды одну из женщин, и она превратилась в осла. Он сел на нее и поехал на рынок. Прибежали ее товарки и сняли заклятье, так что все увидели, что он восседает верхом на женщине.

Отголоском этих штудий стала, конечно же, состряпанная позже Вуди Алленом для «Нью-Йоркера» пародия «Хасидские притчи с руководством по их истолкованию, составленным выдающимся ученым», из которой мне хочется привести один рассказ: «Некий человек приехал в Хелм, желая задать вопрос рабби Бен Кадишу, святейшему среди раввинов девятнадцатого столетия и, возможно, величайшему нуднику Средневековья.

— Ребе, — спросил этот человек, — где я смогу обрести покой?

Великий хасид оглядел его со всех сторон и сказал:

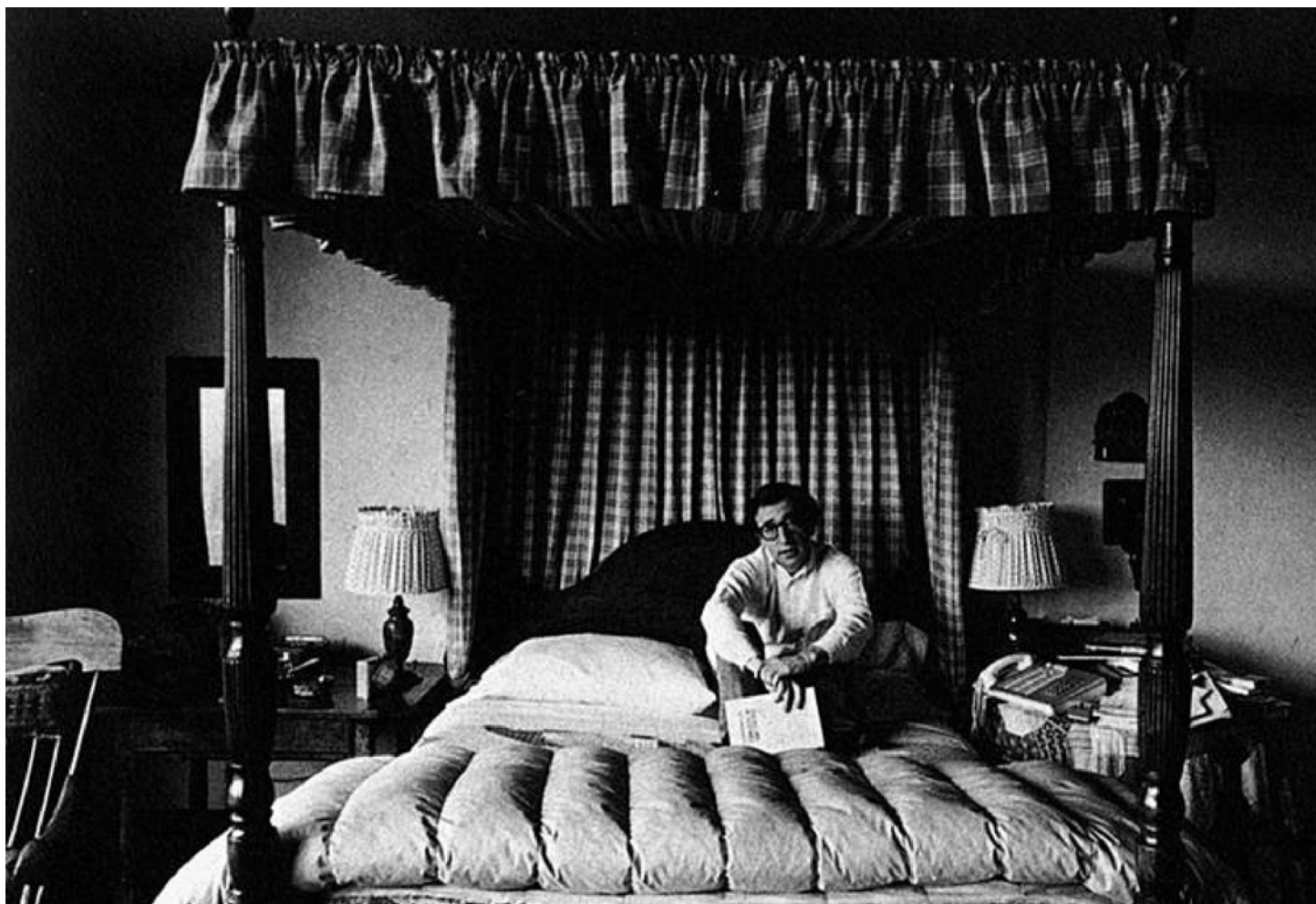
— Обернись-ка, что это у тебя за спиной?

Человек этот обернулся, и тогда рабби Бен Кадиш как даст ему по затылку подсвечником.

— Хватит с тебя покоя или еще добавить? — усмехнулся рабби, поправляя ермолку»^[41].

У Вуди Аллена в комментарии к этой притче выдающийся ученый спрашивает, зачем было тому человеку приезжать в Хелм и отвлекать рабби Бен Кадиша. «Или у рабби своих забот не хватало? Сказать по правде, рабби в это время по уши увяз в карточных долгах, да еще некая мадам Гехт судилась с ним насчет отцовства ее ребенка. И все же основная суть притчи состоит в том, что человек этот не нашел себе лучшего занятия, чем разъезжать по стране и действовать людям на нервы. За это рабби и проломил ему голову, что, согласно Торе, является одним из наиболее тонких способов проявления заботы о ближнем. В другой версии этой притчи разгневанный рабби потом еще вспрыгнул на распростертое тело того человека и острым стилем начертал на его носу всю историю Руфи».

После выхода «Хасидских притч» «Нью-Йоркер» завалили письмами с обвинениями в антисемитизме, а Вуди Аллена заклеямили «евреем-самоненавистником»; таким образом, он оказался в пресловутой литературной шайке, в которой — по мнению некоторых — обретаются Филип Рот, Стэнли Элкин и много кто еще, всех не перечислишь.

Аллен Вуди. 1979 г.

Несколько лет спустя после публикации в «Нью-Йоркере» Вуди Аллен на страницах «Тиккуна», критического еврейского журнала о политике, культуре и обществе, выходящего два раза в месяц, заметил: «В последнее время меня все чаще называют евреем-самоненавистником, и это правда, но

вовсе не из-за моего вероисповедания, а потому, что я действительно еврей и себя недолюбиваю — по совершенно иным причинам, от отражения в зеркале по утрам до топографического кретинизма).

Последовал вполне предсказуемый ответ от разгневанной читательницы: «Вы заявляете, что не любите себя не из-за того, что вы еврей. Прекрасно. Но тогда зачем буквально в каждом своем фильме вы играете роль еврея, который иронизирует над собой и себя унижает? Утверждая, что ваше “вероисповедание” здесь ни при чем, вы обманываете себя и своих зрителей».

Если эта разгневанная читательница «Тиккуна» имела в виду, в числе прочих, картину «Ханна и ее сестры», то тут она, конечно, заблуждалась. Аллен в образе мнительного еврея Микки Сакса далек от самоиронии и само-уничужения, — напротив, он совершеннейший милашка. На деле, если что и можно вменить Вуди Аллену, так это его, порой, злоупотребление обаянием, обезоруживающе откровенная потребность в любви. Возьмем тот же «Тиккун». Тут вам и еврейская вина перед жертвами Холокоста («...во время второй мировой я был ребенком и жил в Америке... и у меня всегда была сытная еда — и мясо с картошкой, и сладкое...»), и размышления о женах Лота и Иова, и рассказ о его разногласиях с Израилем, побудивших его выступить в «Нью-Йорк таймс» с полемичной статьёй, в которой он заявлял о том, что «не одобряет обычая израильских солдат ходить по квартирам и в целях борьбы с интифадой ломать руки всем палестинцам». О том, что он за «большую гибкость в переговорах о спорной территории и за мирное решение конфликта». Однако его материал был неискренне озаглавлен как «Случайные соображения второстепенного ума», и это название, откровенно рассчитанное на читательское опровержение, — дескать, нет, первостепенного! — мне претит. Честно, Вуди.

Публикация в «Тиккуне» породила и такое замечание некоего раввина Джека Д. Шпиро из Норфолка, Виргиния: «Единственное, что в статье Вуди Аллена “Случайные соображения второстепенного ума” оправданно, так это название». Будь раввин Шпиро по-образованнее, он бы разглядел в Вуди ученика Маймонида^[42] (пропущенного через С. Дж. Перельмана^[43]) — философа двенадцатого века, автора «Путеводителя растерянных», в котором он писал, в чем-то предвосхищая тему «Преступлений и проступков»:

Люди часто думают, что зло в мире многочисленнее добра; на эту тему у многих народов сложены пословицы и песни. Говорят, что добро встречается редко, тогда как зло бесчисленно и бесконечно. Не только простые люди разделяют это заблуждение, но и многие из тех, кто считает себя мудрецами. Аль-Рази^[44] написал известную книгу «О метафизике». Среди многих прочих безумных и вздорных вещей, она содержит мысль, им самим же и придуманную, о том, что в мире зла больше, чем добра. Дескать, если счастье человека и его удовольствие во времена благоденствия сравнить с сыплющимися на него несчастьями — горестями, болями, увечьями, параличом конечностей, страхами, тревогами и трудностями, то существование покажется человеку суицидом наказанием и огромным для него злом.

Другой биограф Вуди Аллена, французский кинокритик Роберт Бенаюн, однажды спросил у него: «Что вы думаете о еврейской комедии, замешанной на страхе, задиристости, преувеличениях и самооправдании?»

Тот ответил: «Да, я вырос в сугубо еврейском квартале, однако мне ни разу не доводилось сталкиваться с проявлениями антисемитизма, меня не шпыняли в школе, не задирали на улице, пускали всюду, куда мне хотелось попасть, в отличие от Граучо Маркса с его известной байкой про то, как его принимали в клуб. И я всегда удивляюсь, когда меня называют еврейским сатириком. На сто моих шуток, может, и попадается одна про евреев; это как приправа к пище, но люди все равно говорят: ты только и шутишь, что про евреев».

Так вот, летом 1956 года Вуди, двадцати одного года от роду, действительно выступал на базе отдыха в Поконосе (место называлось Тамимент, и до Аллена там побывали Дэнни Кей, Сид Сизар, Имоджен Кока, Карл Райнер, Мел Брукс и Нил Саймон^[45]), но никто не смог бы обвинить его в переизбытке сугубо еврейских шуток, которые, кстати, рассказчики всегда дополняют многозначительным подмигиванием зрителям-соплеменникам. Он с очевидностью выше подобных шуточек. При этом можно с уверенностью утверждать, что на всем, что делает Вуди Аллен, лежит отпечаток его личного опыта еврея, родившегося и выросшего в крупном американском мегаполисе, например, это заметно по самым беллетристическим его фильмам — «Энни Холл», «Ханна и ее сестры», «Преступления и проступки». Более того, тот нелепый и трогательный недотепа, которого он сыграл во многих своих картинах, написанных и снятых до 1991 года, явно не учился в Эндвере и Гротоне, а оттуда не поступил в Йель с его «Черепом и костями»^[46] и не содержал парусную яхту, чтобы было удобно добираться до летней дачи на побережье

штата Мэн. И конечно, триумфально еврейская тема прозвучала в «Гибели Эдипа»^[47], созданной Вуди Алленом для трилогии «Нью-йоркские истории»; две другие части сняли Мартин Скорсезе и Фрэнсис Форд Коппола. Весь этот уморительно смешной фильм вертится вокруг властной еврейской мамочки, которая своей любовью буквально душил сына и третирует его невесту-шиксу в исполнении Миа Фэрроу. Ее сын Шелдон Миллз (Вуди Аллен) — затюканный, безот-ветный юрист. Однажды Шелдон и его девушка приглашают мамулю на выступление фокусника, во время которого она исчезает в волшебном китайском ящике, но лишь затем, чтобы тут же огромной тенью воспарить в небо над Манхэттеном и громогласно наставлять сыночка всякий раз, когда тот осмелится высунуть нос из дому. В «Гибели Эдипа» есть как минимум один неподражаемый эпизод. Когда фокусник на сцене протыкает китайский ящик мечом, чтобы доказать, что мамочка Шелдона, вошедшая в него мгновение назад, действительно исчезла... мы видим Шелдона, его на глазах преображающееся лицо, которое буквально озаряется радостью, и понимаем: вот он — момент истины для еврейского сына. «В Израиле, — сказал Вуди Аллен Эрику Лэксу, — этот фильм найдет горячий отклик. Это будут израильские “Унесенные ветром”».

В 1952 году Аллен Стюарт Кёнигсберг, рядовой 16-летний ученик старших классов мидвудской средней школы в Бруклине, наново народился на свет под именем Вуди Аллена и стал пописывать шутки для Ника Кенни, Эрла Уилсона^[48] и других авторов газетных колонок. «Прилагаю, — писал он то одному, то другому, — к рассмотрению несколько реприз на условиях полнейшей эксклюзивности». Эти юношеские опусы, которые ему впоследствии простятся, варьировались от «Именно падших женщин чаще всего и подбирают» до «Вуди Аллен хвастается, что ему подфартило: он загнал с молотка свое парковочное место в центре города». Довольно скоро он покончил с рассылкой в газеты бесплатных образчиков юмора, обзавелся агентом и стал за деньги писать остроты для Гая Ломбардо, Сэмми Кея и Артура Мюррея^[49]. Оттуда было рукой подать до «Агентства Уильяма Морриса»^[50], где он придумывал пародии для Бадди Хэкетта, Герба Шрайнера и Питера Линда Хейза^[51]. С 1953 года он, в компании Ларри Гелбарта^[52], Мела Брукса и других, уже писал сценарии для легендарных телевыпусков Сида Сизара — за 1500 долларов в неделю. Через пять лет он ушел из «Уильяма Морриса» и начал сотрудничать с Джеком Роллинзом и Чарльзом Джоффом, неизменными продюсерами всех его фильмов. В мире, в котором преданность не в чести, а «близкая» дружба обычно завершается вместе со съемками, тот факт, что Вуди Аллен не бросил своих деловых партнеров, поверивших в него, когда он был молодым и никому не известным, говорит о многом. Вообразите, этим предприимчивым ребятам удастся добыть для Вуди Аллена совершенно уникальный контракт с «Орион пикчерз». Чтобы не выбиться из бюджета, Вуди Аллен контролирует каждый этап создания фильма — подбирает костюмы, подыскивает актеров. Известно, что за свою работу режиссером, сценаристом и актером он получает сущие копейки, но это скромное вознаграждение сдобривается солидным процентом от кассовых сборов. Таким образом, Вуди Аллен, наравне с теми безумцами, которые пишут книги и работают в театре, полагается только на самого себя, довольствуясь авторскими отчислениями и не требуя авансом неприличных семизначных сумм.

Именно прозорливые Роллинз и Джофф первыми убедили Вуди Аллена стать исполнителем его собственных произведений и подкармливали многогранного, но почти патологически застенчивого эстрадника на протяжении нескольких худосочных лет. Вуди — а он рискнул променять 1700 долларов в неделю, которые получал в качестве комедийного сценариста, на скудные исполнительские 75 долларов — всегда с благодарностью отзывался о Морте Сале^[53], первом из волны «умных» сатириков, который в 1953 году ворвался на сцену «Хангри ай» в Сан-Франциско и очистил клубы от буржуазных толстосумов. За революционным прорывом Сала, потрясавшего со сцены зажатой в кулаке газетой, возникли Николс и Мей^[54], Шелли Берман^[55], Ленни Брюс^[56], а тут подоспел и Вуди с его знаменитым скетчем про костюмированную вечеринку, на которую он якобы заявился с живым лосем, но первое место досталось не лосю, а супругам Берковичам в наряде лося.

Недавно я пересмотрел первый фильм Вуди Аллена, который тот написал (в соавторстве с Микки Роузом), снял в качестве режиссера и в котором исполнил главную роль, — «Хватай деньги и беги». Там он играет незадачливого вора Вергилия Старквелла, тоже до невозможности забавного, особенно в той памятной сцене, где Вергилий приходит в банк и подает кассиру записку на отрывном листке.

КАССИР. Что это здесь написано?

ВЕРГИЛИЙ. Э-э-э... А вы разве не умеете читать?

КАССИР. Э-э-э... Я что-то не разобрал. Что значит «сохраняйте спокойствие»?

ВЕРГИЛИЙ. Нет, там написано: «Пожалуйста, положите пятьдесят тысяч долларов в эту сумку и сохраняйте спокойствие».

КАССИР. Здесь же ясно сказано: «Сохраняйте спокойствие».

ВЕРГИЛИЙ (*читает записку*). Хм... «У меня в кармане пушка».

КАССИР. Здесь написано «нушка», а не «пушка».

ВЕРГИЛИЙ (*вместе с кассиром внимательно изучает записку*). Нет, это... это «пушка».

Вергилий Старквелл кажется мне первым, пробным шагом Вуди Аллена на пути к характеру, впоследствии отточенному в «Энни Холл» и других фильмах и наиболее полно раскрывшемуся в «Ханне и ее сестрах». Правда, лично мне трудно поверить, что его герой — мямля и неудачник, не способный найти себе ни девушки, ни работы, — слишком уж Вуди остроумен, слишком оригинален и потому малоубедителен в этой роли. Однако, поразмыслив, стоит признать, что эта небольшая натяжка — ничто по сравнению с тем удовольствием, которое на протяжении стольких лет доставляет нам его комедиантство.

Лучшие сатирические отрывки Вуди Аллена, написанные им между 1966 и 1980 годами, собраны в три тома: «Сводя счеты», «Без перьев» и «Побочные эффекты». Один из самых обворожительных рассказов — «Случай с Кугельмасом», в котором разочарованному жизнью профессору колледжа волшебник по имени Великий Перский посулил «встречу с любой из женщин, созданных величайшими авторами на свете»^[57]. Кугельмас выбирает мадам Бовари и регулярно совершает рейды в мир флюберовского романа, так что вскоре «в классах и аудиториях по всей стране ученики спрашивали своих преподавателей: “А кто этот персонаж на сотой странице? Лысый еврей, целующий мадам Бовари?”» Далее эта выдумка развивается в «Пурпурной розе Каира», где блистательный киногерой времен Великой депрессии сходит с экрана, чтобы признаться в любви затрапезной домохозяйке Миа Фэрроу. Аллен, освоивший магические трюки еще бруклинским мальчишкой, заигрывает с этой фантазией в еще одном своем, очень неровном, фильме «Алиса» о замужней богачке из Нью-Йорка, убажасающей себя походами по магазинам и салонам красоты, которая обращается за помощью к китайскому целителю, а тот потчует ее одурманивающими травами. Местами это довольно смешное кино, но встречается в нем и такой низкопробный юмор, который сгодился бы, скорее, для «Порки»^[58]. Возьмем, к примеру, ту сцену, когда Джо Мантенья, вместе с Миа Фэрроу покулив какую-то траву и тоже сделавшись невидимкой, забирается в примерочную кабинку универмага поглазеть на красотку-модель, примеряющую наряды.

В разговоре со своим биографом Эриком Лэксом Вуди Аллен сказал, что «отчаянно мечтает снять детектив, посвященный расследованию убийства», но боится, ведь это так избито. «Меня раздрают сомнения, — сказал он, — мне кажется, у меня бы вышел ужасно смешной комедийный детектив, и зрители бы от души веселились, позабыв обо всем на свете. Но никак не могу себя заставить. В этом и состоит мой внутренний конфликт. Конфликт между тем, кто я есть на самом деле, и тем, каким бы мне по-настоящему хотелось быть. Всю свою жизнь я стараюсь нырнуть поглубже, заглянуть в бездну, при этом лучше всего мне удаются поверхностные безделицы. На мелководье мне спокойнее». И прибавил со смешком: «По сути, я мелкий человек».

По-моему, Аллен здесь, как и с названием своего эссе для «Тиккуна» — «Случайные соображения второстепенного ума», напрашивается на комплимент. Его никак не спутаешь с Достоевским, но и мелким человеком не сочтешь. Вообще-то он один из одареннейших кинодеятелей современности и отличается редкой плодовитостью и неизбывным стремлением к совершенству, тогда как достигнуть его возможно лишь тем, кто имеет куда более скромные художественные амбиции. Поаплодируем Вуди.

[1]. Клиффорд «Клифф» Паркер Робертсон III (1923—2011) — американский актер, обладатель премии «Оскар» за главную роль в фильме «Чарли».

[2]. Джоэл Маккри (1905—1990) — американский актер. За полувековую карьеру снялся более чем в 90 фильмах. Наибольшее признание получили его роли в вестернах.

[3]. Крикотерапия — психотерапевтический метод лечения неврозов с помощью крика, «первородного вопля», через который изживается первородная травма пациента, полученная им при переходе из уютной материнской утробы в негостеприимный внешний мир.

[4]. Эндрю Тобиас (р. 1947) — признанный авторитет в области персональных финансов, автор нескольких книг.

- [5]. *Рэй Старк (1914–2004) — американский продюсер, обладатель премии «Оскар».*
- [6]. *«Энни» (1982) — американский семейный мюзикл режиссера Джона Хьюстона, снятый по комиксу «Маленькая сиротка Энни» Гарольда Грея и бродвейской постановке Томаса Михана.*
- [7]. *Лернед Хэнд (1872–1961) — известный американский судья.*
- [8]. *Легендарный американский кинопродюсер Луис Барт Майер (урожд. Лазарь Меир; 1882–1957) родился в поселке городского типа Дымер в Вышгородском районе Киевской области.*
- [9]. *Льюис Селзник (урожд. Лазарь Железник; 1870–1933) — американский кинопромышленник, продюсер, отец знаменитого кинопродюсера Дэвида Селзника («Унесенные ветром»).*
- [10]. *Уильям Фокс (1879–1952) — американский кинопродюсер.*
- [11]. *Четыре брата Уорнера — Гарри (Гирш; 1881–1958), Альберт (Аарон; 1883–1967), Сэм (Шмуэль; 1887–1927) и Джек (Ицхак; 1892–1978) — впоследствии основали компанию «Уорнер бразерс энтертейнмент», которая в настоящее время является одним из крупнейших концернов по производству фильмов и телесериалов. Настоящая фамилия братьев — Вонсколасер.*
- [12]. *Адольф Цукор (Кьюкор; 1873–1976) — создатель американской кинокомпании «Парамаунт пикчерз».*
- [13]. *Карл Леммле (1867–1939) — американский режиссер, основатель кинокомпании «Юниверсал студиос».*
- [14]. *Брончо Билли (урожд. Макс Аронсон; 1880–1971) — американский актер, сценарист, кинорежиссер и кинопродюсер, первая звезда вестернов.*
- [15]. *Сесиль Блаунт де Милль (1881–1959) — американский кинорежиссер, продюсер, один из основателей киностудии «Парамаунт пикчерз». Мастер зрелищных картин с масштабными батальными сценами и роскошными интерьерами.*
- [16]. *«Вэрайэти» — ведущий американский еженедельник, освещающий события в мире шоу-бизнеса. Выходит с 1905 года.*
- [17]. *Раши (1040–1105) — крупнейший средневековый комментатор Талмуда и один из классических комментаторов Танаха; духовный вождь и общественный деятель еврейства Северной Франции.*
- [18]. *Луэлла Парсонс (1881–1972) — американская актриса и влиятельная светская колумнистка, порушившая немало актерских карьер.*
- [19]. *До Голливуда война докатилась только через два года после ее начала. С 1942 года студии работали под надзором всевидящего ока Отдела военной информации и подчинялись, например, таким директивам: «Предположим, идет любовная сцена в кафе. И девушка могла бы сказать парню: “Мне не полную ложку сахара, а половину. Это патриотично, и для фигуры полезно”». Потом студии и вовсе посадили на голодный паек. Отдел по снабжению ограничивал количество пуль и холостых зарядов на съемочной площадке. Злодеям в вестернах приходилось падать после первого же выстрела. Грабителям банков запрещалось давить на газ, чтобы не подавать дурной пример неэкономной эксплуатации шин. Если и раньше люди, бежавшие от Гитлера, считались вражеским элементом и подлежали регистрации, то теперь Томасу Манну приходилось уходить с ужина у Олдоса Хаксли до восьми вечера, когда начинался комендантский час. — Прим. автора.*

[20]. Стоит отметить, что Сесиль Б. де Милль, вообще-то обычно всецело поглощенный кинематографом, тоже не удержался от антисемитских выпадов.

Во время «охоты на ведьм», устроенной Маккарти, де Милль, которому традиционно противостояли Джозеф Л. Манкевич («Письмо трем женам», «Все о Еве») и еще тринадцать деятелей кино, написал от имени Американской гильдии кинорежиссеров письмо руководству студии — в нем он обличал коллег, не подписавших «присягу на верность правительству». Адресуясь к взбудораженному собранию членов гильдии, он назвал приблизительно двадцать пять режиссеров. «Я оглашу, — сказал он, — имена сторонников мистера Манкевича». И стал зачитывать свой список, издевательски произнося фамилии на еврейский лад. «Вилли Вайлер».

На де Милля со всех сторон зашикали. Билли Уайлдер встал и сказал: «Я уловил вашу интонацию. Я сижу в первом ряду потому, что оглох на одно ухо после бомбежки Берлина, выполняя боевое задание, и мне надоело, что меня называют коммунистом просто потому, что я, было дело, принадлежал к одной организации левого толка». — Прим. автора.

[21]. Эдвард Г. Робинсон (урожд. Эмануэль Голденберг; 1893–1973) — американский актер.

[22]. На Уилшир-бульваре расположена старейшая в Лос-Анджелесе реформистская синагога Бней-Брит, основанная в 1862 году.

[23]. В русском переводе фильм получил название «Вупи!».

[24]. Имеется в виду Эфиопия, которую Муссолини завоевал в 1936 году, когда и создавался фильм.

[25]. Пьеса Лиллиан Хеллман, написанная в 1939 году.

[26]. Эдди Кантор (урожд. Эдвард Израэль Исковитц; 1892–1964) — американский комедийный актер, танцор, певец и автор песен.

[27]. Уильям Уайлер (1902–1981) — американский продюсер, сценарист, один из самых успешных режиссеров в истории Голливуда. Грегг Толанд (1904–1948) — американский кинооператор, известен своими достижениями в работе со светом, глубокой мизансценой. Бен Хект (1894–1964) — первый американский сценарист, удостоенный премии «Оскар». Чарльз Макартур (1895–1956) — американский сценарист, режиссер, продюсер. Роберт Эммет Шервуд (1896–1955) — американский драматург, сценарист, писатель, журналист, историк. Басби Беркли (урожд. Уильям Гинос Беркли; 1895–1976) — американский режиссер, постановщик мюзиклов.

[28]. Норман Мейбл (1894–1930) — американская актриса, звезда немого кино, пародировавшая в своем творчестве образ молодой энергичной американки. Мак Сеннет (1880–1960) — американский кинорежиссер, продюсер, работал в жанре эксцентрической комедии. Дэвид Нивен (1910–1983) — английский киноактер шотландского происхождения, специализировавшийся на ролях аристократов. Карвер Дэна Эндрюс (1909–1992) — американский актер. Дэнни Кей (1913–1987) — известный американский комедийный актер, певец и танцор.

[29]. Вильма Банки (1898–1991) — американская актриса немого кино, уроженка Венгрии. Анна Стен (урожд. Стенская; 1908–1994) — советская, а затем немецкая и американская актриса.

[30]. Мерл Оберон (1911–1979) — британская актриса родом из Индии, номинантка на «Оскар».

[31]. Джон Уэйн (урожд. Мэрион Роберт Моррисон; 1907–1979) — знаменитый американский актер, «король вестерна», считался образцом добродетельного среднестатистического американца.

[32]. «Никс» (полное название — «Нью-Йорк Никербокерс») — профессиональный баскетбольный клуб.

[33]. «У Элейн» — знаменитый нью-йоркский ресторан, на протяжении нескольких десятилетий был излюбленным местом встреч писателей, актеров, режиссеров, художников, музыкантов. Закрыт в 2011 году в связи со смертью его владельца, в прошлом актрисы, Элейн Кауфман.

[34]. В фильме персонаж Вуди Аллена выкладывает на стол предметы в следующем порядке: распятие, Евангелие, рамка с изображением Христа в терновом венце, буханка «Чудо-хлеба» и банка майонеза «Хеллманнз».

[35]. Джин Сискел и Роджер Эберт — ведущие популярной американской телепрограммы «Сискел, Эберт и кино» (с 1975 года), посвященной критическому разбору новинок кино. Фильмы оценивались с помощью больших пальцев — поднятый вверх означал «отлично», указывающий вниз — «плохо». Соответственно, два «одобрения» ведущих — высшая оценка создателям фильма. После смерти Сискела его место в 2000 году занял Ричард Роупер, и шоу стало называться «Эберт и Роупер».

[36]. Имеется в виду Михаил Бахтин (1895–1973) — русский филолог, философ, историк культуры.

[37]. Джулиус Генри «Граучо» Маркс (1890–1977) — американский актер, участник популярного комедийного квинтета «Братья Маркс», специализировавшегося на «комедии абсурда» — с драками, пощечинами, флиртом и «метанием тортов». Упоминаемый ниже Харпо Маркс (урожд. Адольф, с 1933 г. — Артур; 1893–1964) — еще один из братьев Маркс, исполнитель главной роли в фильме «Счастливая любовь».

[38]. Энтони Берджесс (1917–1993) — английский писатель, литературовед, переводчик, журналист и композитор.

[39]. Джонни Карсон (1925–2005) — ведущий американского «Вечернего шоу Джонни Карсона», в котором исполнял комедийные номера и общался со знаменитостями.

[40]. Флэтбуш-авеню — улица в Бруклине, одном из районов Нью-Йорка.

[41]. Здесь и далее цитаты из «Хасидских притч...» Вуди Аллена приводятся в переводе С. Ильина.

[42]. Маймонид (ок. 1110 — между 1165 и 1170) — крупнейший раввинистический авторитет и кодификатор Алахи, философ, ученый и врач; самый прославленный ученый послеталмудической эпохи. Известен также под именем Рамбам (акроним от словосочетания «рабейну Моше бен Маймон»).

[43]. С. Дж. Перельман (Сидни Джозеф Перельман; 1904–1979) — американский сатирик и сценарист, многолетний автор «Нью-Йоркера».

[44]. Вероятнее всего, имеется в виду Фахр аль-Дин аль-Рази (1149–1209) — суннитский имам, выдающийся мусульманский теолог и философ, автор трудов по медицине, астрологии, физике, литературе, истории и праву. Известен также под именем Фахруддин Рази.

[45]. Дэнни Кей (1913–1987) — известный американский комедийный актер, певец и танцор. Сид Сизар (р. 1922) — американский сатирик и писатель, ведущий популярных телесериалов 1950-х годов «Самое лучшее шоу» и «Час с Сизаром». Имоджен Кока (1908–2001) — американская комедиантка, наиболее известная по выступлению в представлении «Самое лучшее шоу», обладательница многих премий, сыгравшая важную роль в становлении многих женщин-сатириков. Карл Райнер (р. 1922) — американский актер, режиссер, продюсер, сценарист, писатель и сатирик, обладатель

премии «Грэмми», девятикратный обладатель премии «Эмми». Мел Брукс (р. в 1926) — американский кинорежиссер, актер и продюсер, известный своими кинопародиями и фильмами-фарсами. Марвин Нил Саймон (р. 1927) — американский драматург и сценарист, обладатель многочисленных премий.

[46]. «Череп и кости» — старейшее тайное общество студентов Йельского университета (Нью-Хейвен), доступное лишь представителям элиты, выходцам из самых богатых и влиятельных семей США.

[47]. По-английски этот фильм называется «Oedipus Wreck», где wreck («гибель, крушение, крах») перекликается с латинским rex («царь»). Из-за непере译имой игры слов фильм выходил в России в разных переводах — «Гибель Эдипа», «Проделки Эдипа», «Новый Эдип», «Эдипов комплекс», «Кошмарная мамочка».

[48]. Николас (Ник) Алоизиус Кенни (1895–1975) — автор газетных колонок в нескольких журналах, поэт и сочинитель песен.

Эрл Уилсон (урожд. Харви Эрл Уилсон; 1907–1987) — американский журналист по прозвищу Полночный Эрл, светский репортер и автор колонки «Прошлой ночью с Эрлом Уилсоном», которая печаталась в ряде крупных газет.

[49]. Гай Альберт Ломбардо (1902–1977) — канадско-американский джазовый музыкант, аранжировщик и композитор; пластинки его оркестра расходились огромными тиражами. Сэмми Кей (урожд. Самуэль Зарнокей-мл.; 1910–1987) — американский автор песен и руководитель джазового оркестра. Артур Мюррей (урожд. Артур Мозес Тайхман; 1895–1991) — автор модных танцев, создавший обучающую телепередачу и целую империю танцевальных студий.

[50]. «Агентство Уильяма Морриса» (с 1898 года) — крупнейшее в мире агентство по работе с талантами. В настоящее время известно под названием WME.

[51]. Бадди Хэккетт (урожд. Леонард Хэкер; 1924–2003) — американский комедийный актер. Герберт «Герб» Артур Шрайнер (1918–1970) — американский юморист, радио- и телеведущий. Питер Линд Хейз (урожд. Джозеф Конрад Линд; 1915–1998) — американский актер, ведущий авторских телешоу, автор музыки к фильмам.

[52]. Ларри Симон Гелбарт (1928–2009) — драматург, автор сценариев для кино и телевидения, актер, режиссер, продюсер.

[53]. Мортон Лайон «Морт» Сал (р. 1927) — канадско-американский сатирик и актер. Морт Сал шутил на злободневные темы, чаще всего политические, и черпал вдохновение в газетных заголовках. На сцене он появлялся с зажатым в кулаке свежим выпуском газеты.

[54]. Майк Николс (урожд. Михаил Пешковский; р. 1931) — американский режиссер театра и кино, писатель и продюсер. Один из немногих обладателей всех главных наград американской индустрии развлечений: «Оскара», «Золотого глобуса», «Грэмми», «Эмми» и «Тони». В конце 1950-х годов вместе со своей женой Элейн Мей выступал в клубах с комическими и музыкальными номерами.

[55]. Шелдон «Шелли» Берман (р. 1925) — американский сатирик, актер, писатель, поэт, лектор и преподаватель.

[56]. Ленни Брюс (урожд. Леонард Альфред Шнайдер; 1925–1966) — американский сатирик, мастер юмористической импровизации, автор книг, статей и пластинок. После смерти приобрел культовую популярность, особенно в среде рок-музыкантов.

[57]. Здесь и далее цитаты из рассказа В. Аллена «Случай с Кугельмасом» приводятся в переводе О. Дормана.

Туристы наносят песок с пляжа и капуччино-баров на открытом воздухе. Песок и купальники — это Генри нож острый, но, как говорит Майкл: такова жизнь, иначе искусство в Венеце[1] не продать. Генри с трудом сдерживается: его то и дело подмывает дать этим посетителям от ворот поворот. Во всяком случае, босым. Босых ног, вот чего он на дух не переносит, — что они себе думают: у нас как-никак не пляжный киоск, а галерея, где выставлены работы весьма значимых художников XX века. У нас тут и шагаловские гравюры, и подписные литографии Дали. Больше всего продается литографий, зато все они подписные. Так что следовало бы проявлять, считает Генри, хоть какое-то уважение к этим крупицам подлинности.

Он подтирает пол большой шваброй, которую хранит в чулане. У них есть уборщица, но он ничего не может с собой поделывать. Пять лет назад ему и в страшном сне не приснилось бы, что он подметает галерею в Венис-Бич. Когда он остановил свой выбор на арт-рынке, ему виделось, что он будет заниматься антиквариатом: каталогизировать, вести переговоры с коллекционерами и музеями в обшитых панелями комнатах и, конечно же, выступать как эксперт. С его-то докторской по философии, двумя монографиями, рядом статей о старинных английских и французских книгах и гравюрах. Таким он видел свой путь, пока проходил переподготовку в Уортон-скул[2], после того, как оставил позади отказ от продления контракта, решение конфликтной комиссии не в его пользу и осознал, как сказал его психотерапевт, сколько разных путей открывается перед тобой, если ты и впрямь готов пуститься в путь. Но одно из другого вовсе не вытекало. Гравюры и рукописи с «Сотбис» к нему на экспертизу не посылали. Работу в лондонском «Кристис» он получил всего на один сезон. Твердо рассчитывать он мог лишь на место помощника менеджера в «Лоре Эшли»[3] у братнина друга в Шорт-Хиллс[4], но это не для него.

— Это почему же? — наседает на Генри Эдуард, его брат.

— Почему? Да потому, что «Лора Эшли» не имеет никакого отношения к искусству, — отвечает Генри.

— Это розничная торговля, — говорит Эд, жестко и без обиняков.

— Эт-т-то дамские н-н-н...

— Работа есть работа, — говорит Эд.

— Наряды, — выдавливая наконец Генри.

— Ну и что, — говорит Эд, неизменный прагматик. — Я полагал, ты хочешь жить в Нью-Йорке.

— Шорт-Хиллс — не-не-не Нью-Йорк, — вопит Генри. И от дальнейших дискуссий отказывается.

Менеджер у Майкла Спивитца — вот какой путь открылся ему. Не Нью-Йорк, зато искусство. И Генри старается получить для галереи подлинники современных художников. Сейчас он готовит выставку потрясающего скульптора не из самых известных, скульптор этот работает в бронзе: отливая формы, похожие на проросшие зерна, из которых разворачиваются побег, или крохотных человечков — фигурки людей наподобие земных гномов, нарождающихся из одного корня. Генри распростился с Нью-Йорком, сорвал с насиженного места престарелую мать, перебрался в Венец, научился водить машину по лос-анджелесской скоростной автостраде, хотя одному Б-гу известно, чего ему это стоило, но так и застрял на арт-рынке.

Он уже выключал свет, когда в стеклянную дверь забарабанили. Барабанила женщина, вид у нее был взбешенный, волосы распатлались. Генри жестами показал, что галерея закрыта, она жестами же показала, что ей необходимо с ним поговорить, ну, он ее и впустил. Как только он отворил тяжелые стеклянные двери, галерею заполнил ее голос, исступленный, с сильным израильским выговором.

— Мой сын! Мой сын в беде!

— Несчастный случай? — спрашивает Генри.

— Да! Да, несчастный случай!

— Где он? — Генри вглядывается в темную улицу.

— Это не авария. Он пропал.

— Не понял, — говорит Генри.

— Вы понимаете иврит? — спрашивает она.

Он качает головой.

— Меня зовут Амалия Бен-Ами, — говорит она. — Я остановилась в «Венис-сэндс». Приехала несколько недель назад из Хайфы с сыном, а теперь он пропал.

— Ваш сын потерялся? Вы позвонили в полицию?

— Да, да. Они ничего не могут делать. Мне нужны вы, чтобы мне помогать.

— Я? — Генри — он в хлопчатой индийской рубашке — рассматривает израильтянку. Она же обвешана всевозможными украшениями, при ней огромная кожаная сумка. То, что она говорит, похоже на какую-то бредовую фантазию, но говорит она с расстановкой, с нажимом, так, словно имеет дело с недоумком, который не может уследить за смыслом ее слов, — вот что странно.

— Полиция не может мне помогать, — говорит она. — Моего сына взял Майкл Спивитц. Мой ребенок у него.

— У Майкла Спивитца? — переспрашивает Генри — он опешил.

— Дайте мне вам все объяснить. Ваш наниматель взял моего сына. Он его держит.

— Не может такого быть, — говорит Генри.

Тут она раздражается слезами, рыдает отчаянно, точно учительница, которая тщиалась объяснить ученикам элементарную задачку, а они так ничего и не поняли.

— Он украл его, — рыдает она, огни проезжающих машин играют на ее раскосмаченных, пламенеющих от хны волосах.

— Да нет, это невозможно, — говорит Генри. — Ерунда какая-то. Мой наниматель не крадет детей.

— Я сказала правду, — говорит она. — У вас есть ко мне недоверие?

— Я ничего не могу понять, — увещевает ее Генри. — Вы расстроены, вы...

Она опускает свою поместительную сумку на пол, вытаскивает из нее бумаги — паспорт, билеты на самолет, письмо на консульском бланке.

— Вот его карточка, — говорит она, протягивая фотографию загорелого, темноглазого подростка. — Его имя Эйтан Бен-Ами.

— Послушайте, — говорит Генри. — Мне пора домой. Давайте я вызову вам такси.

Она, по-видимому, совершенно убита — рыдает взхлеб.

— У вас нет доверия. — Генри ничего не отвечает. — Вы меня не слушаете.

Генри не по себе — они в галерее одни.

— Если ваш сын потерялся, вам следует обратиться в полицию, — говорит он.

— Я сказала: я была в полиции, — вопит она. — Они не помогают.

— Н-н-ну, — заикается Генри, — в таком случае ничего не поделаешь. А сейчас я должен закрыть галерею, мне пора домой. Позвольте вызвать вам такси — оно доставит вас в гостиницу.

Она стоит, молчит, пауза тянется бесконечно долго. Стоит, не двигаясь. Генри уже подумывает, что надо бы позвонить в полицию. Здешние полицейские выше всех похвал. Действуют быстро и очень вежливые.

— Я хочу поговорить с раввином, — огорчивает она Генри, голос у нее жалкий.

— В таком случае я вызову раввина. — Генри опрометью кидается к своему столу, принимается названивать в синагоги, значащиеся в телефонной книге под рубрикой «Богослужбные дома». Оставляет сбивчивые послания на разных автоответчиках.

— Говорит Генри Марковиц. У меня тут одна женщина, Амалия Бен-Ами, она остановилась в «Венис-сэндс», ей нужно как можно скорее поговорить с раввином. Она с-с-сильно расстроена.

Кондоминиум Генри, вполне рядовой, белый, снаружи неприметный, но в кухоньке-каюте Генри повесил связки трав, косицу чеснока, вторую спальню заставил до потолка полками, на которых поместил свое собрание книг. В гостиной серый палас от стены до стены почти целиком застелил персидским ковром, раздвижные двери занавесил ниспадающими пышными складками портьерами и сшитым на заказ шелковым ярко-синим ламбрекеном. Стены покрыл старинными гравюрами, на почетном месте, подальше от света, так, чтобы не выцвел, повесил маленький, зато подлинный дюреровский рисунок кролика. Войдя, Генри тут же сбрасывает одежду, надевает шелковый халат, напускает горячую ванну. Ему необходимо отмокнуть, необходимо закрыть глаза и изгладить из памяти этот день. Он наливает себе вина, вынимает оставшиеся со вчера кусок грудинки, свеклу и картофель au gratin[5]. Ему, хоть он и живет один, не лень готовить. Он из тех редких людей, которым в охоту приготовить полный обед для себя. Он не жалеет времени, обдумывая аппетитные блюда, красиво сервирует стол, ставит цветы, даже если не ждет гостей. Отменная еда на отменном фарфоре, тонкий хрусталь и старое серебро для него насущны, жизненно важны. Что за жизнь без ужина? Постель без свежего белья? Дом без цветов?

Он садится в ванну, вода обнимает его. Генри рослый, полный, кожа у него розовая, кудрявые волосы уже начали редеть, вокруг глубоко посаженных глаз темные круги — по ночам он допоздна предается научным штудиям. А все оттого, что Генри не перестает следить за литературой по своей отрасли, не перестает работать над статьями, вернее, одной статьей — за полночь, в постели, обложившись подушками. Вода проникает в поры, мышцы расслабляются, он отмякает. И тут звонит телефон. Он закрывает глаза. Звонил же он ей из галереи не так давно, так нет, ей все равно неймется. Телефон звонит одиннадцать раз. Он встает, по нему струится вода, обматывает бедра полотенцем.

— Алло, мама, — говорит он.

— Я купила билеты, — сообщает она.

— Билеты на что?

— Билеты на Йом Кипур, — говорит она.

— Мама, я же тебе сказал: у меня не получится пойти с тобой.

— Я этого не понимаю, — говорит она.

— Я не могу целый день отсутствовать на работе.

— Целый день! Изкор[6]. Полчаса в память папы. И Мори.

— Но, мама же, мне час ехать туда, час обратно. Я и полдня не могу отсутствовать на работе.

— Если б я могла поехать автобусом... — говорит она.

— Ты не можешь.

— Если б я могла, я б села на автобус. Я сегодня купила билеты. И билеты, как я понимаю, возврату не подлежат.

— Мама, прежде чем покупать билеты, тебе следовало бы поговорить со мной.

— Я говорила с тобой.

— И что я тебе сказал? — Генри устал: ей хоть кол на голове теши.

— То же, что и сейчас.

— Тогда зачем ты купила билеты, раз я сказал, что не пойду?

— Потому что ты должен пойти, — говорит Роза. — Один день в году ты должен оставить все дела и подумать.

— Я и так думаю о папе, — говорит Генри.

Он и правда последнее время много думал об отце. Они с психотерапевтом последние полтора года часами разбирались в отношении Генри к отцу.

— Ты должен подумать обо мне, вот о ком, — говорит Роза.

— Мама, я еще не ужинал, — говорит Генри. — Я совершенно измотан, весь день на ногах, вдобавок, похоже, у меня грудинка перестоится.

Утром, в галерее, Майкл говорит:

— Генри, у тебя усталый вид.

— Майкл, вечер вчера выдался хуже некуда. Сюда ворвалась какая-то тетка, искала тебя. Психопатка, не иначе, все твердила, что у нее пропал сын, что он у тебя. Я дважды чуть было не позвонил в полицию. Опасался: не ровен час — она выхватит пистолет.

— А-а, я ее знаю, — говорит Майкл. — Мне уже не одну неделю нет от нее житья. — Майкл усаживается за свой стол. — Жаль, что она тебя так напугала. — Майкл — канадец и не вполне избавился от канадского выговора, он светловолосый, высокий, стройный, с блондинистыми усами, голубыми глазами.

— Но откуда взялась эта бредовая фантазия? — спрашивает Генри.

— Не знаю. Одержимая какая-то, — говорит Майкл. — Она обрывает мой телефон. Я решил поменять номер.

— Б-же милостивый, — говорит Генри, он не англичанин, но когда волнуется, у него проскальзывают англицизмы. Он с минуту размышляет, потом говорит: — В пропаже сына она винит тебя — это ясно. Но почему? Как она с тобой познакомилась?

— Как? Да через него, — говорит Майкл. — Он живет у меня.

К лицу Майкла прихлынула кровь.

— Этот мальчик?

— Ну да, — Майкл поднимает на Генри ясные голубые глаза.

— Он у тебя? У тебя? Но почему?

— Да потому, что ему так захотелось, — говорит Майкл.

— Но ведь ему всего пятнадцать, — Генри только что не кричит.

— На самом деле шестнадцать, — говорит Майкл.

У Генри занимается дух.

— Он же совсем ребенок.

— Генри, — Майкл подходит к столу Генри, берет его за руку. — Я не удерживаю этого мальчика. У него сложные отношения с матерью, только и всего. Ну, он и попросился пожить у меня.

— А что полиция? Он же совсем ребенок!

— Мы все разговаривали с полицией. Я спросил его. Они спросили его: «Хочешь ли ты вернуться к матери?» И он, к сожалению, сказал: «Нет». Он, по всей видимости, гражданин США, так что может оставаться здесь, сколько ему заблагорассудится. У него отец — американец.

— Майкл, я... я не знаю, что сказать, — говорит Генри боссу. Он покраснел, щеки его горят.

— Генри, Генри, Генри, — мурлычет Майкл, покровительственно, нежно. Генри лет на пятнадцать старше Майкла.

«Святая ты простота, — говаривал Майкл в ту пору, когда они жили вместе. — Генри, Генри», — и давай его журить, давай улаживать, гладить то по шерсти, то против шерсти. Генри понадобился год, чтобы уйти от Майкла. Год, чтобы найти в себе силы расстаться с домом Майкла, где что ни предмет — произведение искусства, с его машинами, с его дивно оборудованной кухней, с его беглыми взглядами, уверенными руками, ласковым голосом с еле заметным призвуком сарказма.

Генри лежит ничком, голый, на массажном столе.

— Ну и как дела-делишки на арт-рынке? — спрашивает Джейсон, разминая Генри спину и плечи.

— Да как... да как... — начинает Генри.

Генри лежит на столе, застылый, как труп, его большое пухлое тело сковано. Не поддается мягким движениям Джейсоновых рук. Из головы у него не выходят мысли о Майкле и новости, так бесшабашно поведенные ему Майклом. Этот мальчик, совсем юный, живет у Майкла. Он охотно верит, что мальчик живет у него по своей воле. В таком-то доме? С таким видом, с гидромассажем, с бассейном? С винным погребом Майкла? В винах он толка не знает, зато атмосфера дома, сам Майкл... Все это кружит голову. А уж такому-то юнцу. Как он мог? Жуткие мысли, и тем не менее Генри не может выбросить их из головы.

— Ну и ну, вы сегодня такой зажатый, — говорит Джейсон. — Похоже, мне к вам не подобраться.

Генри смотрит на Джейсона, тревога, смятение снедают его. Не дают расслабиться. Не дают, и все тут. А ведь ему всегда так нравились красивые руки Джейсона, да и сам Джейсон, такой занятный с этой его болтовней заядлого серфера, классическими чертами лица, длинными ресницами — предметом его гордости — он их неизменно подкручивает, отчего походит на одну из тех редкостных греческих статуй, у которых еще сохранились агаты в глазницах и ресницы из полосочек чеканной меди. Будь на месте того юнца Джейсон — другое дело. Конечно, вполне взрослым Джейсона не назовешь, но он и не юнец. А тому

пятнадцать, шестнадцать ли — какая разница? — этот юнец, что он может понимать. Откуда ему знать, куда Майкл клонит. Генри туда пришел и ушел, пройдя, как говорится, огонь, воду и т. д. Сколько эвфемизмов существует для обозначения этой паучьей сети? Путь мятущейся юности Генри и безвинной середины его жизни запутан, как паутина.

И вот оно, не успел он доехать до дома. Вот оно — мигрень, пока он вел машину, чувствует Генри, она разворачивалась и распускалась, наподобие колоссальной Магриттовой розы[7] в каждой пустующей полости его черепа. Он ощущает, как ее многослойные лепестки давят на уши, на глаза, на челюсть и на ту давят. Входя в квартиру, он несет этот ужасный цветок высоко и бережно, так, чтобы никак его не задеть. Принимает лекарство, ложится, задернув все шторы, на кровать и смотрит, как мельтешит перед глазами калейдоскоп красок. Проходит час за часом. Издали доносятся звуки соседского телевизора, гул воздуходувки — во дворе убирают листья. Постепенно подкатывает рвота. В конце концов он засыпает.

Как ему смотреть на Майкла, если он не может не думать об этой жути? Об этом юнце в его доме. Уже несколько дней Генри избегает встречаться с Майклом глазами. А ведь Майкл столько для него сделал. Взял его на работу, хотя у него не было никакого опыта. Поверил, что у Генри есть задатки менеджера, поверил его вкусу. Поддерживал Генри, когда практически все его оставили, свел сначала с одним, потом с другим психотерапевтом. Стал в жизни Генри ведущей силой перемен, посланцем из мира за воротами науки. Вселил в него кураж, сказав: «Открой глаза, посмотри на мир, влезь на стену»[8]. Отринь свою научную одержимость, начни новую карьеру. Смени сумрачные библиотечные залы на ослепительно-яркое калифорнийское солнце». И Генри тянет лямку, каждый день берет себя в руки. Он ничего не говорит, но, работая, ведет спор с самим собой. Делает записи в книгах за своим столом в глубине зала. Ничего не попишешь, все мы во власти желаний, страстей, но должно ли каждое мимолетное увлечение претворять в приобретение. Генри корпит над книгами, а тем временем его гложет стыд. Кто он такой, чтобы сопоставлять страсть и коллекционерскую жажду приобретательства. В конце-то концов, чем он занимается — да тем же самым, оценивает и продает прекрасные вещи. Он смотрит на Майкла, и к гневу примешивается чувство вины. Если б только он мог отчитать Майкла. Если б мог жестко поговорить с ним, сказать: «Нехорошо так, глупо». Но они слишком близки, и не ему судить Майкла. Он в замешательстве, у него самого совесть нечиста. Когда-то и он слегка смахивал на Майкла и более чем слегка на того юнца. Они оба уживаются в нем — тигр и агнец.

На вечер в канун Йом Кипура у Генри намечен визит к дерматологу: проконсультироваться по поводу жировика. Его дерматолог Стивен Гольдвассер, живчик, чистая ента[9], у него рдеющая рыжая шевелюра, широкое мясистое лицо и нежная, как у младенца, кожа. Гольд-вассер большой поклонник «Ретина А»[10].

— Пожалуй, придется его заморозить, — говорит Гольд-вассер. — Вы пойдете сегодня на Кольтнидрей?[11]

— На сегодня я приглашен в другое место, — говорит Генри. — Наверное, завтра пойду. У меня... у матери есть билеты.

— Да, она мне сказала, — говорит Гольдвассер. — Она была у меня в понедельник. Возьму-ка я жидкий азот и заморожу эту штуkenцию. — Он уводит Генри в комнатку, где замораживает кисты и бородавки. — Сядьте по-удобнее. Повернитесь сюда. Вы читали об этой женщине в «Джуиш опинион»?

— О ком...

— Немножко пощиплет. Мне нравится этот метод. Детям я говорю, что в дерматологии все равно как в «Звездном пути»[12] — и тебе и азот...

— Ой!

— ...и лазерные пушки. Жировик мигом усыхает. У этой женщины, как видно, пропал в Венеции сын. Сбежал. Его нашли, но он отказался вернуться к ней. А у нее нет ни денег, ни знакомых. Федерация призвала ей помочь — поселить у себя хотя бы на Праздники: ведь ей негде жить, и сейчас она остановилась у Флейшманов. Вы знакомы с Леоном?

— Шап-п-почно, — говорит Генри.

— Как я понимаю, он помог ей по юридической части. Послушайте, давал я вам брошюру о жировых кистах или не давал? Вот как она выглядит под кожей. Видите? А вот — жировок. Какая-то дикая история. Малец, как говорят, пошел в один из тех самых клубов и не вернулся.

Генри, разумеется, ни словом ни о чем Гольдвассеру не обмолвился. Договорился о следующем визите и ушел.

Ему не очень-то хочется идти на вечер к Майклу, но хочется не хочется, а куда не денешься. Майклу сегодня исполняется сорок. Вот о каком приглашении он говорил Гольдвассеру. Хотя приглашение для него это отнюдь не светское, а исключительно деловое. Дела-делишки на арт-рынке, по выражению Джейсона. Тянущиеся часами встречи с возможными клиентами, переговоры по Сети с покупателями, юристами и перспективными источниками. От этих дел, пока описываешь круги по полутемной комнате среди шума и гама с бокалом в руке, ноют и ноги, и душа. Ну а искусство, что сказать об искусстве? Где эта ускользящая красота? Это видение жизни, эти линии, от которых не оторвать глаз. Это преображенное страдание, этот сосуд света. Искусство — его не видно нигде. Оно, как соловей в сказке Ханса Кристиана Андерсена[13], упорхнуло.

Когда Генри оставил науку, он намеревался разглядеть мир как следует. И, подумать только, каким пошлым он оказался, этот мир. А может быть, причина в том, что он слишком долго прятался от мира за университетскими стенами? А может быть, он слишком тонкокожий. Кожа у него и правда очень чувствительная, это и Гольдвассер говорит. В укрытии ему было куда лучше. Там он не был так неуверен в себе. Когда он перебрался на Запад, его еще ужасало все вот это вот. Люди, машины, солнце, жарящее независимо от сезона, погоня за материальными благами. Но ужас ужасом, а удовольствие, теперь он это понимает, он тоже испытывал. Особого рода удовольствие, неотделимое от возмущения. А теперь? Теперь он усталый, всеведущий и его гложут угрызения.

Когда Генри приходит на вечер, Майкл, оторвавшись от толпы гостей, кидается его обнимать, и Генри чуть было не поднимает руки, чтобы отгородиться от него. От своего блондинистого обаяшки-хозяина, можно сказать, наставника, который обвиняет его изящными руками, накрывая своими мефистофельскими крылами. Для вечера Майкл снял частный мужской клуб, тут полным-полно дельцов. Музыка, вино. Замаринованное мясо на палочках. Эротические изваяния из льда, поцелуи напоказ, оглушительной громкости разговоры. Исключительно о машинах. Все это ужасно. И если б только все вертелось вокруг рекламы, работы — это куда ни шло, но вкуче это просто ужас что такое. Шумно и шум все усиливается. Переговариваться приходится уже жестами. Льется музыка, льется рекой вино. У рояля кто-то поет. У Генри гудит голова. Вскоре головная боль развернется, как разворачивает свои лепестки бледный, распускающийся по ночам цветок. Пианист все энергичнее колотит по клавишам. Официант под звук фанфар вкатывает именной торт гигантских размеров на платформе на колесиках, из торта выскакивает юнец в набедренной повязке.

На следующее утро, в Йом Кипур, Генри заспался. В одиннадцать позвонила мать.

— Мне таки придется взять такси, — говорит она.

— Ладно, — отвечает Генри.

— Хоть оно и обойдется в сто долларов.

— В сто долларов — быть такого не может! — Голос его спросонья звучит глухо. — Думаю, не больше сорока.

— Сорок долларов за такси? Не может быть. Да я в жизни столько на такси не тратила. И в синагогу на такси мне еще не доводилось ехать.

— Мама, не плачь. — Слушать, как она плачет в трубку, он не в состоянии.

— Не понимаю, почему ты не можешь заехать за мной сейчас, ведь ты обещал отвезти меня, — говорит она.

— Отвезу, мама, отвезу, — говорит он.

Выпроставается из постели, принимает душ, проглатывает полчашки кофе, два куска поджаренного хлеба.

— Служба, наверняка, уже закончилась, — говорит она, когда он ставит машину на стоянке синагоги.

— Да ты п-п-посмотри, сколько здесь машин, — говорит Генри.

По дороге он заскакивает в мужской туалет — перевести дух. Он поверить не может, что ему удалось доехать до синагоги благополучно. Перед глазами у него все плывет. Он ополаскивает лицо, промокает глаза шершавым бумажным полотенцем. После чего неспешно проходит через вестибюль с настенной мозаикой, изображающей суд Соломона, — на ней великий царь в каких-то масонского вида одеяниях занес меч над головой невинного младенца. Минует шагаловские двенадцать племен Израилевых, воспроизведенных на двенадцати тканых ковриках. Мать его сидит в начале зала, она машет ему рукой — торопит занять место рядом с ней. Вокруг нее разместились супружеские пары, целые семьи, ерзают дети — все слушают раввина, он читает проповедь.

Генри смотрит на раввина в его пестро-полосатом, как радуга, талите. Раввин молодой, тщедушный, черты лица у него тонкие, волосы прямые, жидкие. Голос пронзительный и такой высокий, что режет уши, хоть Генри и закутался шарфом.

— Почему, — вопрошает раввин, — в Йом Кипур мы, евреи, собираемся вместе и вместе читаем вслух список наших грехов? Убийство, прелюбодеяние, кража, зло-язычие — совершали мы лично эти грехи или не совершали — мы бьем себя в грудь сообща: такова наша традиция. Мы говорим не так о личной, как об общей вине, и об искуплении, тоже общем. Мы исповедуемся сообща и приговор выслушиваем тоже сообща. В начале я сказал, что буду говорить о взаимосвязи. И вот что я под этим подразумеваю. Когда мы встаем и говорим о наших грехах, когда мы молим об искуплении, любой из нас связан с любым другим. В конечном счете твои грехи — это мои грехи, и мои грехи — твои. Это наши общие грехи. Все мы связаны друг с другом, на самом что ни на есть сокровенном уровне.

Генри — в молельном зале прохладно — пробирает озноб. Уж не лихорадит ли его? Он не хочет сидеть здесь, в этом молельном зале, не хочет быть связанным с этим скопищем людей, да, в сущности, не хочет быть связанным ни с кем. А хочет домой. Хочет в постель. Хочет остаться в одиночестве, полном одиночестве и чтобы вокруг были книги — и только.

— Прервемся на минуту, — говорит раввин. — Прервемся и поразмыслим о том, что значит быть связанными друг с другом. Что мы значим друг для друга при всех наших недостатках? Подумаем, что означает сказать: мы с тобой неразделимы, так что не спрашивай, кто согрешил в прошлом году. Согрешили все мы. Как писал великий теолог Джон Донн: не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по мне, по тебе, по всем нам. Нет человека, который был бы, как остров, и мог бы спастись сам по себе. Все мы лишь прах земной на этом материке. Мы взаимосвязаны друг с другом. Так что уделим минуту безмолвной молитве. Возьмите, прошу вас, руку своего соседа. Ощутите вашу связь.

Органист тихо наигрывает какую-то мелодию, звуки струятся, льются, и Генри обнаруживает, что с одного боку в него вцепилась мать, с другого — липкая ручонка соседней девчужки. Несколько минут — как долго они тянутся — мать сидит с закрытыми глазами.

— Мама, — шепчет он. — Мама, ты заснула?

— Ш-ш-ш, — шипит она, встрепенувшись.

Органист все играет, и Генри чувствует, что его прошиб пот. Ему просто необходимо высвободить руки, но не тут-то было. И он подавленно сидит, пригвожденный к креслу: события прошедших дней угнетают его. Перед его глазами вновь и вновь мелькает юнец, выскакивающий из именинного торта Майкла, его гладкое, без единого изъяна тело. И он, Генри, должен быть причастен ко всему этому? И ему, менеджеру Майкла, его правой руке, уготовано соучаствовать — в таком вот, творить заодно с ним — вот такое вот? Тут глазам Генри открывается и кое-что иное. Прямо перед собой он видит Амалию Бен-Ами, мать юнца, это она, кто ж еще, с ее огненными от хны волосами и огромной сумкой, эта женщина, по всей очевидности, убитая горем, оставшаяся без гроша, сидит около Флейшмана и его жены, ее хозяев и благодетелей, по словам Гольдвассера. Она держит за руку Флейшмана и еле заметно — но от Генри это не укрылось — поглаживает костяшки Флейшмана большим пальцем. У Генри глаза чуть не вылезают на лоб, в тишине слышно, как он ахнул. Неужто эта женщина, которая потеряла сына, пользуется случаем закрутить с женатым человеком в годах? С этим юристом? И в этот миг Генри испытывает — нутро ему надрывают очистительные рыдания — боль и облегчение разом, так что даже глубоко таимое чувство вины теперь затопляет и поглощает омерзение. В этот миг Генри кажется, что его мир дал трещину, обнаружив сад абсурда, сад, достойный кисти Иеронима Босха с его многоликими, поражающими воображение злокозненными уродцами. Ему кажется — точь-в-точь как в фильме ужасов, — что в синагоге, в мире искусств, во всем Лос-Анджелесе кишмя кишит зараза. Прямо под кожей у него копошатся мириады паразитов. Он распрямляет плечи, сердце у него колотится. Он высвобождает, разрывая круговое рукопожатие, руки, обтирает их платком.

— Генри, мы разобьемся, — говорит ему мать, когда они мчат домой. — Генри, прошу тебя, не так быстро.

Она вцепилась в ремень. Но он слушает ее в полслуха. В голове его, перебивая друг друга, звучат голоса.

— Как дела-делишки на арт-рынке? — спросил его Джейсон.

— Это розничная торговля, — взорвался его брат, когда Генри сказал, что работа в «Лоре Эшли» — не для него.

— Смотрите, сколько в жизни путей, — сказал его психотерапевт, — и один путь вовсе не обязательно лучше другого. Вопрос стоит так: что лучше для вас в этом месте, в это время, вот из чего надо исходить.

Но что это за место? — спрашивает себя Генри — в это время он мчит домой, пожирая пространство серой автострады километр за километром, поедая глазами пылающее небо. Куда я попал, что

это за место с его литографиями, с его тканями по шагаловским мотивам ковриками? С Майклом и его несовершеннолетним любовником, с матерью этого юнца, торгующей собой в синагоге? Что это за место? Что оно такое? Он заставил мать перебраться сюда, чтобы она жила поблизости от него. Научился водить машину. И тем не менее наконец он смог прозреть все вот это вот, позволить себе — утвердившись в своей правоте — прозреть: этот Венис с его искусством, пляжем, со всей его колоритностью, на самом деле Содом. Содом и Гоморра, вместе взятые. Воровство, выставленная напоказ плоть — и больше ничего. Он предельно четко видит это разветвление. С одной стороны — Венис, бесстыжий, загнивающий под жарким солнцем, с другой — Восточное побережье, затворническое и закрытое, застегнутое наглухо. Милый Принстон с его вековыми деревьями и башнями, дорогими сердцу университетами, всеми-всеми вплоть до Нью-Йоркского, стопки книг, искусство, наука, вместилища учености, где жизнь течет по-прежнему чинно и благопристойно. Где деличеству и всему этому распутству не проникнуть за железные ворота.

— Генри, — матери надоело молчать, — по-моему, раввин говорил очень хорошо.

Ему еще придется вернуться. Ему еще придется отыскать путь.

— Генри, — говорит Роза, — это что, полицейская машина? Она что, гонится за нами?

Как бы то ни было, связи с искусством он не потеряет. Если иначе не получится, будет работать в частном секторе. Он вернется. Он снова посвятит себя служению красоте. Не торговле, не деличеству, а непосредственно искусству. Он уедет, уедет и даже не обернется, не бросит взгляда назад. Уедет и не обернется. И он стал припоминать, как зовут братнина приятеля из Шорт-Хиллс.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Раз в неделю Роза участвует в проекте «Устная история Вениса». По понедельникам к ней присылают одну девушку, Альма ее зовут, и Роза рассказывает ей о разных разностях из своей жизни. Бывает скучновато, но дело важное, а раз так — надо помочь.

— Затяга нелепая, не думай, что я этого не понимаю, — говорит она своему сыну Эду, когда он звонит.

Альма очень даже ничего, притом что ходит Б-г знает в чем. Впрочем, все они так одеваются. Такое же шмотье рекламируют в каталогах. Роза получает все, какие есть, каталоги. Там девяносто девять процентов шлока[14], причем за двойную цену. А товары с так называемой скидкой, те хуже всего. Цены на них еще так сяк, но дрянь — она дрянь и есть! Каждую неделю Роза гадает, в чем Альма придет, но ни разу не угадала. Она ничего по два раза не надевает и гладить ничего не гладит. Разведенка, ясное дело, вот она кто. Она сама Розе сказала. В последний раз пришла в серьгах из чугуна. В каждом ухе по две дырки. Но вообще-то одевайся и причесявайся она иначе, была бы вполне симпатичная. Не красавица, нет, но руки у нее изящные, а рукам Роза придает особое значение.

Руки, только руки не нравятся Розе в жене ее сына Эда. Даже на свадебной фотографии руки у нее грубые, с толстыми пальцами. Все фотографии упрятаны в ящики, кроме тех двух, что на секретере. Мальчики на них сушие ангелочки. Им там два и пять. Для проекта Роза достала старые семейные фотографии. Кроме фотографий, из своей прежней квартиры она взяла только диван и китайский ковер, зеленый. Когда она поступила в «Дамскую одежду Мейсиз», где работала до того, как получила место в «Тиффани», она в первую очередь купила этот ковер. А после него — зеркало с гранеными краями, но оно разбилось. Оправа была плохо пригнана, и как-то ночью оно грохнулось на пол, Роза потом еще неделю вздрагивала. Обеденный стол с шестью стульями к нему Эд не разрешил ей взять: в Венисе у нее однокомнатная квартирешка в доме для жильцов старшего возраста. Но китайские вложенные один в другой столики вместе с мягким креслом и лампами перегородчатой эмали — это гарнитур: не разрознивать же его. Лампы захотел взять другой Розин сын, Генри, но он переехал в Англию, и Роза их ему не отдала. Он сорвал ее из Вашингтон-Хайтс: мол, ей лучше жить поблизости от него, в Калифорнии, а сам перебрался сначала в Нью-Йорк, а потом — и трех лет не прошло, как она переселилась в Венис, — в Англию. И когда он бросил ее тут, она сказала, что не разрешит ему увезти лампы. И водрузила их на комод рядом с кроватью. А для чтения купила лампочку в семьдесят пять ватт.

Альма — нога за ногу — входит в комнату, на этот раз ее короткие волосы словно вздыблены ветром.

— Садитесь, садитесь же, — торопит ее Роза, и Альма падает на диван, приминает подушки своими папками. Альма все расшвыривает, Розу это и коробит, и восхищает. Спроси ее, она сказала бы, что Альма не умеет себя вести. Меж тем Розе нравится поругивать Альму. Она всегда питала слабость к несносным детям. Даже теперь несносный Генри, хоть он уже не ребенок, все равно ее любимец.

Девушка перебирает папки, прежде чем спросить: «Как поживаете?», что-то там подкручивает в магнитофоне. Роза обдумывает вопрос.

— Я чувствую слабость. А как вы себя чувствуете?

— Отлично. — С минуту они смотрят друг на друга.

Опять Альма вся мятая-пермятая, отмечает — без осуждения — Роза. Она убавляет звук в приемнике, приглушая симфонию Айвса[15]. Альма, прижмурившись, наблюдает за ней. Раскаленное добела дневное солнце все еще слепит, размывает очертания комнаты.

— У вас нездоровый вид, золотко, — говорит Роза. — Вы вся пылаете.

— Это я обгорела. Не беспокойтесь.

— Я всегда была такая светленькая, — говорит Роза.

Альма прерывает ее:

— В нашу последнюю встречу вы говорили о своем детстве. Давайте вернемся к тому, на чем мы остановились. Ко времени до первой мировой войны. Как ваша семья выживала в обстановке такого прессинга?

Роза откидывается в кресле, при этом платье поднимается выше колен, открывая эластические резинки темно-коричневых чулок.

— Я вам расскажу про Депрессию. Мы тогда жили в Бруклинском доме. У нас, слава тебе Господи, был дом.

И она — Б-г вещь почему — поводит рукой над нагромождением мебели. Труднее всего было перевезти секретер. Пришлось снимать жалюзи и вносить его через окно. Что Роза тогда пережила. Она ломала руки в ожидании, когда же секретер пройдет через окно, была уверена, что грузчики наверняка забудут про резные шишечки наверху.

— До войны, — Альма не позволяет ей отвлекаться. — Я хочу поговорить о прессинге до войны. Как ваша мать с этим справлялась? Где вы жили?

— Что вам сказать, война — это грязь и опасности. Я бы ни за что не вернулась в Вену. Ни за что, ни за что. Меня отправили в Англию, и я стала совсем англичанкой. Все, что я помню о Вене, — это грязь.

Альма подается к ней.

— Нельзя ли более детально? Для нашего проекта это очень важно.

— Альма, — понижает голос Роза. — Я обещала вам помочь, но кое о чем лучше забыть.

— Постарайтесь вспомнить. Вы же свидетель тех времен — тех трагедий.

— Чушь, — фыркает Роза. И тем не менее улыбается: ее трогает Альмин интерес к ее жизни.

— Мне необходимо ваше содействие.

— Ну что ж, — Роза соглашается, — мы что-нибудь сочиним, золотко. Ваш университет ничего и знать не будет.

— Миссис Марковиц! — Есть в Розе что-то такое, что озадачивает Альму. Какая-то беспечность, лукавая беспамятность. Альма предпринимает еще одну попытку. — Хорошо, я постараюсь сформулировать мой первый вопрос в менее специальных терминах. Говоря о прессинге, я вот что имела в виду. Как представительница поднимающейся вверх европейской буржуазии и как женщина опасались ли вы, что вашим планам повышения своего статуса в Вене не суждено осуществиться?

— Я же была совсем маленькая, — Роза становится на дыбы. — Это же до первой войны было, вспомните. Вы меня полной дурой выставляете. Мало того, мы же были евреи. Вот почему мы сюда приехали.

— Следует ли из этого, что вы принадлежали к еврейской интеллектуальной элите? Верно ли будет определить вашу семью так?

— У меня было шесть братьев, — Роза задумывается. — Одни были толковые, другие — нет. Джозеф — да, он толковый, Джоэль — да. — Она загибает пальцы. — Сол — нет, Мендель — да. Нахум — он умер молодым. Хаим, был ли толковым Хаим? Ну уж нет — да упокоится он с миром. У него было золотое сердце. Скорее всего, одна половина семьи была элитой, другая — нет.

— Собственно говоря, я спрашивала, каков был ваш экономический статус? Как бы там ни было, идем дальше.

— Экономический? Мы имели дом, — сообщает Роза. — Он и спас нашу семью.

— В Вене?

— Нет, здесь. В Америке. В городе. В Бруклине. Я же была крошка. Меня отправили учиться в Хантер-колледж, но мне повезло: посреди учебы я вышла замуж за Бена. Кошмарное заведение. Видите ли, я совсем не знала математики. Двух чисел сложить не могла. А все потому, что меня так воспитывали.

— М-м-м, — мычит Альма. — Вас, как женщину, в социальном плане ориентировали на то, чтобы вы чуждались цифр?

— Да нет, меня пытались учить, но отступились — уж очень я оказалась глупой.

— Вы считали себя глупой?

— Не глупой, а артистичной. Я шила платья. Моя цель была поехать в трансатлантический круиз. И я поехала. И не раз.

— Следовательно, вы стремились преодолеть классовые барьеры, стремились в высшее общество, — заключает Альма.

— Вот уж нет, мы и были высшим обществом. Мой брат был учителем. Нас отправляли в колледжи. Моя невестка рисовала, играла на пианино. Мы говорили и по-немецки, и по-французски. Мы были очень культурные. Наш дом в Вене — это просто-таки произведение искусства. А в Бруклине мы жили даже лучше.

— Б-г ты мой, — вопит Альма. — По моим записям в нашу прошлую встречу вы сказали, что знали одни лишения и голод.

— Чушь это.

— С той недели ваша оценка событий переменялась?

Роза вздергивает подбородок.

— Вы что, хотите сказать: я не помню, что говорила неделю назад?

— Нет, — говорит Альма. — Я пытаюсь составить последовательную картину.

— Я очень даже последовательная.

— Хорошо, каково все же было положение вашей семьи: вы были бедные и невежественные или культурные?

Роза складывает руки на коленях.

— Мы были культурные в душе.

Заводя машину, Альма злобно озирает кондоминиумы Венис-Висты, их темно-зеленые стены, бетонные дорожки, осененные финиковыми пальмами. Каждую неделю Роза по-разному рассказывает о том, когда она покинула Вену. Увертки у всех у них, у этих старушенок из Вениса и Мар-Висты[16], у учительницы музыки на пенсии из Долины[17], конечно же, разные. Однако другие морочат голову как-то более предсказуемо: Эйлин с ее правнуками, Симона с ее нескончаемыми кулинарными рецептами. Роза, она потоньше, более речисто непоследовательна.

Альма едет мимо Венис-Бич и думает, как воодушевляло ее прежде зрелище старушек на садовых скамейках. Альма ходила смотреть «Людей Вениса»[18], еще когда училась в аспирантуре на кафедре романских языков в Беркли[19], тогда-то ее и озарило: вот что ей нужно. Ей опостылело искать смыслы в литературе. Необходимо понять не тексты, а людей. Необходимо услышать живые голоса. Ее руководитель пытался отговорить ее, убеждал не переходить на другую программу.

— Вы блестяще работаете на нашей кафедре, — так удерживал ее профессор Гарви. — Вы напишете публикабельную диссертацию.

Но к этому времени Альма уже пришла к выводу, что он дурак, свинья и эксплуататор. Так что она распрощалась с Гарви и его кафедрой, и теперь вместо компьютерных исследований MLA[20] занимается сбором статистических данных. Вместо книг людьми. Ее мать эти перемены удручают. Ее вообще удручают Альмины аспирантские шатания. Она кротко увещевает ее по телефону из Палос-Вердеса[21]:

— Альма, ну зачем так надрываться? Зачем начинать учиться по-новому, в этом нет никакой надобности. Тебе тридцать один, и раз тебе не нравится твоя программа, брось ее — и делу конец. Что тут такого? Или возьми академический отпуск: за год осмотришься, поймешь, что тебе нужно.

— И что я буду делать весь этот год? — как-то спрашивает ее Альма после таких уговоров.

— Зачем тебе что-то делать? — отвечает мать. — Просто приезжай домой, отдохни. А то попутешествуем вдвоем, только ты и я. Ты совсем о себе не думаешь — нельзя столько работать.

Об Альмином друге она не обмолвилась ни словом, и уже по одному этому Альма понимает: тревогу матери внушает прежде всего он. Мать видела его лишь раз, поговорила с ним накоротке, но она никогда о нем не упоминает, никогда не произносит его рокошущее, типично еврейское имя — Рон Розенблатт.

Альма пренебрегла материнским предложением, перебралась в Венис и купила «тойоту». Она колесит по Лос-Анджелесу, берет интервью. Однако работа с живыми персонажами несет свои разочарования. Нужных ей свидетельств Альмины старушки никогда не дают. О своем времени рассказывают скупо, а кассеты заполняют обсуждением мыльных опер, подробностями своих желудочно-кишечных недомоганий, чтением писем. Опять же Роза и тут актерствует больше всех: разворачивает извлеченные из секретера пожелтевшие листки, подносит их к свету — можно подумать, это важнейший исторический документ, а не всего-навсего благодарственная записка от невесты ее старшего брата или, как в последнем интервью, копия ее фантастического письма в Налоговое управление: «Мой дорогой муж был маоистом. Прошу простить ему этот промах в уплате налогов». Роза, она хуже всех.

В квартире почти так же жарко, как в машине. Альмин кокер-спаниель Флаш растянулся на диване, уши у него повисли. Он еще не оправился от гриппа. За круглым столом под гул вентилятора на третьей скорости трудится Рон. Пишет научную работу об исполнителе народных баллад Джоне Джейкобе Найлзе[22], правда, последнее время Рон помогает Альме анализировать собранный ею материал. Иногда Альма задается вопросом: будет ли доведен до конца тот или другой проект. Притом что Рон любит собирать материал, пишет он уж очень сжато. Он знает сотни баллад, но писать о Найлзе ему наскучило, еще когда они с Альмой познакомились. В минувшем году он хотел причитающийся ему научный отпуск провести в Аппалачах, изучать источники найлзовских баллад, но Альма сказала, что тратить на это время просто смешно и своим проектом ради этого она не пожертвует. Рон поворчал-поворчал и выжал из себя главу.

Сейчас Рон корпит над расшифровкой Альминых записей; чтобы их не сдул ветерок от вентилятора, он придавил их пепельницами и стеклянными кружками-подставками.

— Детка, — говорит он, — по-моему, эти материалы невозможно использовать.

Альма захлопывает дверь.

— Не деткай меня.

— Мисс Ренквист, — говорит Рон, — это дерьмо, а не материалы.

— Не моя в том вина! — Альма опускается на диван рядом с Флашем. — Ты не понимаешь, с чем мне приходится иметь дело. Один день они рассказывают все так, другой — этак. Роза Марковиц, та, похоже, не знает даже, богатая она была или бедная.

— Я не могу ничего понять, — говорит Рон. — Вот в чем штука. Я же не знаю, что это за женщины. По записям видно только, что ты их то и дело прерываешь. Закидываешь тенденциозными, наводящими вопросами.

— Я хочу направлять обсуждение, — парирует Альма. — А ты что, хочешь, чтобы я слушала, как они булькуют о своих запорах?

— Направлять? — переспрашивает Рон. — Посмотри на эти расшифровки. Каждый твой второй вопрос о классовой борьбе. В конце-то концов, это же грант, финансируемый федеральными властями. Задача поставлена очень четко: женская жизнь до и после войны.

— Ты что, учишь меня, как вести исследование? — ошетинивается Альма.

— Альма, — говорит он. — Пораскинь мозгами. Эти женщины понятия не имеют, о чем ты толкуешь. Первым делом прекрати давить их эрудицией. Ну что Эйлин Микер знает о патриархальных структурах иерархии?

— Очень даже много.

— Но не в этих терминах.

Альма вылетает на кухню.

— Это моя диссертация, — выпаливает она. — И идея ее моя. Думаешь, ты можешь брать интервью лучше меня — милости просим.

— Почему бы и нет, — рявкает Рон из соседней комнаты. — Почему бы мне заодно и интервью не брать?

— Хочешь говорить со мной, иди сюда. — Альма наливает себе стакан шабли: ей немного совестно, отчасти потому, что Рон говорит дело — она слишком часто прерывает старушек. Это укоренившаяся привычка. Она всегда норовила предупредить возражения, навязать свои выводы. Еще в школе Альма каждое утверждение подвергала сомнению. В спорах она засыпала одноклассниц вопросами.

После уроков учителя, тушуясь, читали ей нотации. Стоя перед классными досками в меловых разводах, умученно размахивали руками: «Я знаю, Альма, у тебя острый ум. Но не стоит говорить так безапелляционно». Рон не такой вспыльчивый, как она. В спорах она насккивает на него, а он не спускает с нее глаз — и только, если бы он хватал ее за руки, это бесило бы не больше. Лучше отступить, чем играть в его игры.

— Рон? — Она высовывается из-за кухонной двери. — Слушать их — это же мука мученская. Вот отчего я веду себя так напористо.

— Знаю, — говорит он. — И вот что я тебе скажу: я проголодался. Закажи пиццу.

Она звонит и заказывает пиццу с самыми разными начинками, свою половину с анчоусами, и трубочки с кремом на десерт. Они расчищают стол, Альма убирает распечатки назад в картотечный шкаф на колесиках. Рон ропщет: мол, их квартира — ни дать ни взять служебный кабинет, но Альма любит офисную мебель, стеллажи, встроенные шкафы. Книжные полки у нее на угловых фитингах, под кроватью — выдвижные ящики. Столы складные, кресла без подлокотников, подставка для принтера многоуровневая — словом, все, что сберегает место. Минимализм греет ей душу. Катушечный магнитофон Рона (необходимый для его исследований), его раскидистые папоротники рядом с Альмиными модулями выглядят как недоупакованный багаж.

А вот и пицца с двойным сыром, маслинами, грибами, луком, зеленым перцем и баклажанами. Рон обозревает пиццу в поисках Альминых анчоусов, отрезает ей кусок, она ест, как положено, — нож, вилка. Рон тянет длинный, заворачивающийся кусок, за которым волочится сырная нитка, прямо в рот. От пиццы его отрывает звонок в дверь. Вернулся разносчик. Он стоит в дверях.

— Можно от вас позвонить? — спрашивает он.

Из кухни доносится его голос.

— Привет, это Джон. Папа дома? Привет. Отлично. Еще две. Я... э... запер ключи в машине. Я на Элк. — Долгая пауза, затем разносчик выходит из кухни, в глаза им он не смотрит. Молча спускается вниз — ждать отца на парковке.

— Г-споди, — говорит Рон, — вот незадача. Бедняга. Давненько мне не доводилось слышать такую бредятину.

— А мне доводилось.

— Что ж, — поддразнивает он ее, — раз тебе так опротивело брать интервью, возвращайся к своему Сервантесу.

Она вздыхает.

— Но я хочу работать с людьми.

— В отличие от нас, грешных?

— Ты знаешь, о чем я. Просто Роза меня достает. Я от нее рехнусь. Один день она льет слезы. Другой — смеется без удержу.

— Может быть, это маразм, — предполагает Рон.

— Нет, — говорит Альма. — Она мной манипулирует — какой уж тут маразм.

— Бедняга. — Он берет второй кусок. — У тебя не было такой тети Розы, вот в чем дело. Ты из другой среды, так что еврейских старушек тебе не понять. Облизывая старушек в Палос-Вердесе, ты ничего не достигнешь.

— Очень смешно, — говорит Альма. — Я шла туда не облизывать их.

— Это просто метафора. Да будет позволено мне сказать: при всем при том тебе надо побороть Розу на ее территории. Как только она расчувствуется, играй на ее чувствах. Не анализируй их вслух, а плачь вместе с ней. И она откроет тебе сердце.

Альма поднимает на него глаза.

— Уж поверь мне, — говорит Рон.

В следующий свой визит к Розе Альма предпринимает попытку последовать его совету.

— Мы многое пропустили, — говорит она. — Поэтому я хотела бы вернуться к вашему детству. На этот раз я постараюсь меньше говорить, больше слушать вас. Где вы жили в детстве?

Роза отщипывает засохший листок с узамбарской фиалки.

— Мы жили не в самой Вене, а в пригороде, в домике неподалеку от замка. Когда пришли солдаты, всех нас, детей и женщин, заперли в замке, и солдат велел моей матери зажарить свинью! Целиком! А потом они ушли. Нет, вы можете себе такое представить?

— Как вы к этому отнеслись? — спрашивает Альма.

— Я же сказала.

— Я говорю не о фактах. О чувствах. Какие чувства вы испытывали? Вы чувствовали, что солдаты над вами глумятся? Сняты ли они вам и сейчас?

Роза мотает головой.

— Это ж сколько лет прошло.

— И тем не менее вы все так ясно помните!

— Вообще-то нет, — говорит Роза, — с годами все видится как-то смутно.

— Вы постарались забыть эти события?

— Нет, просто я не так хорошо их помню. Альма, я об этом уже Б-г знает сколько и думать не думала.

Альма смотрит на вышитую гарусом птичку в рамке.

— Это следствие сублимации.

— Простите, что?

— Вы забываете намеренно. Выталкиваете из сознания.

— Альма, — кротко возражает Роза, — если что-то забываешь, стараться не надо, просто забываешь, и все тут.

— Неужели вы не помните, что тогда чувствовали? Разве вы не испугались?

— Наверное, испугалась.

— Разве вас не могли убить? — насеждает Альма. — Изнасиловать, о чем говорить — и в самом деле убить.

— Конечно же, могли, — голос Розы дрожит. — Когда я вспоминаю войну, я только что не плачу.

Альма подается к ней — вся ожидание, нетерпение, сочувствие.

— Только я не очень-то часто думаю о войне.

О чем же она думает, гадает Альма, глядя в Розины затуманившиеся глаза. Вообще-то Роза думает о чехлах. Жалеет, что отдала их. Сорок лет они покрывали диван, на котором сейчас сидит Альма. Роза взяла чехлы с собой, когда переселилась сюда из Нью-Йорка, но в тот же день к ней заявила Глэдис — познакомиться и осмотреть Розину обстановку (Глэдис до последнего своего дня была и хваткая, и зловредная) — стащила чехол с дивана и говорит: «Роза, чего вы ждете?» Глэдис сбила Розу с панталыку, ну она и отдала чехлы. Глэдис хотела их заполучить для благотворительного базара. Это Роза позже обнаружила. Глэдис навевдалась ко всем жильцам: высматривала, что бы у них выцыганить для благотворительного базара. Она за это получала всякие призы. Теперь Розе приходится все время держать жалюзи закрытыми — не то подушки выгорят.

Альма склоняется над магнитофоном.

— Давайте перейдем к той семье, у которой вы жили в Англии в войну.

— Она была чудовище, у нее начинался маразм, — заявляет Роза. — Когда они разорились, у нее в голове помутилось, потому что тарелки стали им не по средствам.

— Тарелки? — переспрашивает Альма.

— Фарфоровые, тонкого фарфора. Она что ни день била посуду. Запускала тарелки с размаху через столовую. Зато он был просто ангел. Только он и понимал меня. Еще у них был мальчик Эли, настоящий херувимчик. Волосы у него были — чистое золото. В 1954-м я вернулась в Англию повидать его. И он уже был совсем большой волосатый парень. Вот ужас-то. Я просто глазам своим не поверила.

«Верхушка среднего класса, предприниматели», — строчит Альма в блокноте.

— Очень набожные, это я помню точно. Мы каждую неделю посещали службу. Альма, — Роза поднимает магнитофон, — выключите свою машинку, попробуйте творожную запеканку. Послушайте меня. В мое время нас приучали хорошо есть. У меня в ваши годы был восемнадцатый размер. — Видит, что Альма строчит в блокноте, и идет на попятный. — Ну, может, не восемнадцатый, а шестнадцатый. Идите-ка сюда. Садитесь, золотко. Погодите минутку, я достану запеканку из холодильника. Знаете, мне всегда нравилось имя Альма, такое красивое имя.

— Правда? — Альма явно удивлена. — Терпеть не могу свое имя.

— Почему?

— Роза, — говорит Альма, — вы намеренно меня отвлекаете?

— Нет, мне правда интересно.

— Ну, не знаю, — Альма шуршит записками. — Уж очень оно, — она не сразу подбирает слово, — стародевическое. Мало того, еще ни одна Альма не прославилась сама по себе. Только как жена прославленного мужа.

— Ну нет, это не так. — Роза выплывает из кухоньки. — Я знаю многих знаменитых Альм. Дайте-ка подумать. А Альма Малер[23], это вам как? — Она протягивает Альме кусок запеканки. — Давайте я расскажу вам, как ее готовить. Этот рецепт мне дала Эстер Фейербаум. Ф-е-й-е-р-б-а-у-м, моя дорогая соседка, мы жили рядом в Нью-Йорке. В свое время в нью-йоркской «Хадассе» она была прямо-

таки легендарной фигурой. Я вам это рассказываю, чтобы ее имя не забыли. Будь наш мир устроен справедливо, из всех из нас ей следовало бы рассказывать свою жизнь для вашей книги, но она умерла. Такая трагедия.

— Что с ней случилось? — спрашивает Альма. — Что за трагедия?

— Очень большая трагедия, — говорит Роза. — Не хотите попробовать, прочитайте рецепт. И вы поймете, о чем речь.

Рон с кровати наблюдает за Альмой. Она расчесывает мокрые волосы, хлопчатобумажную рубашку завесила полотенцем. Одевается она просто, дорого и не по возрасту. Не то чтобы неподходяще, но невыигрышно. Джинсы и платья она покупает того покроя, который носила, когда была моложе, и рассчитаны они на такую талию, какая у нее была в колледже, и на бедра и грудь, не раздавленные с годами. Его это огорчает. Не оттого, что он не знал ее в юности: по ее словам, она была, а он ей верит, та еще стерва. Просто одевается она так, думает он, потому, что не видит, как изменилась, вот что его огорчает. Вместе с тем дело тут не столько в тщеславии, сколько в привычке. Та же история у нее и с деньгами. Привычку эту она переросла, но не изжила. Над Альмой, когда они стали встречаться, на его кафедре подтрунивали:

— Она вечно ходит в джинсах и старых футболках, — говорили его коллеги, — но заметь: что ни день в других.

Альмина двоюродная сестра Лиз выставляет свои рисунки зверушек пером в галерее «Ройс»[24], так что они идут на вернисаж. Вернисажи в галереях оба терпеть не могут. Рон терпеть не может тамошнюю публику, Альма — тамошнее искусство. Это у нее такая поза — и далеко не единственная — она переняла ее от матери: Альмина мать — коллекционерка.

— Объясни еще раз, зачем нам идти на этот вернисаж? — говорит Рон.

— Затем, что у Лиз первая выставка за три года, — отрезает Альма. — У нее сейчас трудный период. На этот раз она всерьез собирается выйти за Тома, и ее нужно поддержать, иначе она опять удерет в Йосемит[25], а там она, ты же знаешь, совсем себя запустит и захиреет — так уже не раз бывало.

— Смех, да и только, — говорит он.

Его слова заглушает гул фена.

Из галереи «Ройс» Рону видны выставки еще двух художников. Один продает раскрашенные вручную шарфы, а по понедельникам дает уроки. Другой демонстрирует деревянную мебель ручной работы, если таковой считать мебель, сварганенную в задней комнате на «сирсовском» фасонно-фрезерном станке. Кроме галерей тут размещаются еще и бутики, торгующие накрахмаленным индийским тряпьем, и кафе-мороженые, пестрые и безликие, есть в них приходится стоя: места для стульев нет. В галереях тоже негде присесть. Рон вспоминает исконные аттракционы Вениса. Бывало, он водил туристов на Маскл-Бич[26], полакомиться рожками с фруктовым льдом — клубничным, апельсиновым, виноградным, никаких тебе изысков, а потом — посмотреть «Гиперион тритмент плант»[27].

— Сколько тебе лет? — спрашивали его семилетние карапузы, и он отвечал: девяносто девять. И надо же, они ему верили. Потом он переключился на пляжные вылазки по программе спасения памятников[28]. Этнические курсы сражались в волейбол с Женскими курсами, после чего сообща располагались на песке и наедались до отвала взятыми из дому яствами. Кое-кто и оставался — надираться по-тихому под усыпанным звездами небом.

В ходе трепа у стола с напитками к нему компанейски приваливается длинноногая дамочка:

— Я тоскую по Венису, — говорит он ей.

— Вот же он — Венис, — она ему.

Он складывает руки рупором, шепчет ей на ухо:

— По гондолам и всякому такому.

Она, не выпуская стакана:

— А, вот вы о чем.

На другом конце зала Альма здоровается с сестрой.

— Привет, — говорит она, — как ты?

Лиз стоит — руки по швам, — разглядывает собравшихся.

— Все хорошо, — говорит она. — А чем ты сейчас занимаешься?

— Устными историями женщин Вениса.

— Г-споди, — говорит Лиз, — Трудоемкое, надо думать, дело...

— И не говори, — прерывает ее Альма, — но оно того стоит. Масса интересного материала, — она бегло улыбается Лизинуому жениху и уходит — подальше от ледяного взгляда его черных глаз.

По стенам теснятся рисунки в нарочито состаренных деревянных рамках.

— Рисование у нее на высоте, — делится своими соображениями с Альмой какой-то продавец.

Альма кивает, но проработанность деталей раздражает ее. Линии кажутся неестественно увеличенными, все равно как прожилки листа под микроскопом. Каждая игла на Лизином еже важна равно, каждому волоску на шкурке мыши уделено равное внимание. Лиз смотрит на натуру по-ястребиному, думает Альма, что бы ей смотреть на нее по-человечески. Отыскивать значимые детали — вот чем должно руководствоваться, смотреть избирательно — вот какой метод применять. Продвигаясь к открытой двери —дохнуть свежим воздухом, она застревает перед бронзовой статуэткой индейской девы Сакаджавейи^[29]. Суровая дева, глаза с прищуром, стоит на фоне разбушевавшейся стихии. Такая сильная. Такая неукротимая. Ее волосы взметает ветер. Ее ребенок — камнем — лежит у сердца. На ее губах печать.

В гостиной, когда они возвращаются, страшная духота: уходя, они из соображений безопасности закрывают окна.

— Я заведу кондиционер, — объявляет Альма.

Рон оторопел.

— Не смей меня! Альма, жара скоро спадет!

— Каждое лето та же история, — говорит она. — И спадет жара не скоро. — Она включает автоответчик.

— Альма, это мама, — возвещает с пленки Нэн Ренквист. — Сообщений никаких, кроме одного — жду не дождусь тебя.

Рон корчит автоответчику рожу.

— Я не собираюсь заниматься кондиционером в твое отсутствие, — объявляет он.

— А тебя никто и не просит. — Альма слушает автоответчик, но два раза кто-то, ничего не говоря, вешает трубку. Внезапно прорывается голос:

— Говорит Роза Марковиц. Золотко, я очень плохо себя чувствую и хотела бы отменить нашу встречу в понедельник. Вчера умерла Симона...

— Вот черт, — Альма плюхается на ковер.

— Я всю ночь не спала, — продолжает Роза, — но со мной так часто бывает, только на этот раз мне снился страшный сон, а такого со мной почти никогда не бывает. Симона склонилась надо мной, а сама в этом жутком синем платье. Вечернем платье, она надевала его на ужины для граждан старшего возраста.

— Г-споди! — стонет Альма. — На прошлой неделе она была здоровехонька. Я пять недель кряду ее записывала! Что стряслось? — она выключает автоответчик.

— погоди, я же слушаю, — Рон нажимает на кнопку.

И снова слышится голос:

— Я тогда еще сказала, что платье это она надела не-кстати: глупо наряжаться на такой ужин, к тому же оно совсем износилось. Выглядело оно, по правде говоря, жалко, к тому же это платье на выход, не на вечеринку с бинго[30] — там оно уж совсем некстати. Но и то сказать, все они так наряжаются... — Розин голос на миг затихает. — Она стояла у моей кровати и все смотрела, смотрела на меня, но говорить ничего не говорила, а я все звала, звала ее, а она мне не отвечала. И мне показалось, я схожу с ума. У нас тут жил один джентльмен, его только что увезли — Альцгеймер, так он совсем сошел с ума, свою жену, говорят, не помнил, а она умерла два года назад...

— Выключишь ты наконец эту штуку? — Альма вылетает в другую комнату, Рон тем не менее от автоответчика не отходит.

— Так вот, она мне не отвечала. Стояла у моей кровати точно привидение до самого утра. И теперь мне ужасно плохо. Ей, знаете ли, снились такие сны, а теперь такие сны снятся мне. Она, бывало, все улыбалась, все больше и больше смела, а перед тем, как умереть, ей снилось, что она встретила своего любимого, и он был точь-в-точь такой, как прежде, — во сне она увидела его на Марина-дель-Рей[31], и он ей сказал «Je me souviens. Je me souviens, Simone. Je me souviens»[32]. Я спросила ее: кто это, кто помнит тебя? А она только улыбалась и улыбалась. «Один из них, — сказала она. — Не знаю, кто точно».

Тут запись обрывается.

Когда Рон входит, Альма, свернувшись клубочком, лежит в постели.

— Они все перемрут прежде, чем я закончу, — говорит она. — И вообще, мне не справиться: они понятия не имеют, в чем моя цель. Знаешь, я говорила с Розиним врачом. Она принимает транквилизаторы. То и дело глотает что-то типа перкодана, потом мало что соображает. Так что половина времени уходит впустую. Ты же слышал, что она несла.

— Замечательно она говорила, — возражает Рон. — Меня она просто обворожила. Тебе следовало бы скопировать эту запись.

— Ты не понимаешь, — взвизгивает Альма, — по-твоему, это смешно, тебе что, не ясно: все мои записи такие — вот, чего ты не понимаешь. Часами, часами ерундовые воспоминания, чепуховые подробности.

— Альма, — он кладет руку ей на плечо, она стряхивает ее.

— Ты что, не понимаешь, — говорит она. — Они всё путают. Не отличают прошлого от настоящего. Зачастую они даже не сознают — спят они или бодрствуют. Ни фактов, ни дат из них клещами не вытянуть. Одна болтовня без склада и лада. Что у меня за перспектива? Что я смогу сделать с таким дерьмом?

— Успокойся, — говорит Рон. — Что ты расстраиваешься, не стоит оно того.

— Еще как стоит! И тебе не мешало бы хоть раз расстроиться не из-за каких-то пустяков, а из-за чего-то посущественнее!

— Видишь ли, — Рон улыбается, — я ведь не религиозен, не то, что ты. Однако тебе придется работать с тем, что имеешь, вот в чем загвоздка. Я тебе помогу, но я же не Роберт Коулз[33], много ли от меня проку?

Альма прыскает, поворачивается к нему.

— Г-споди, Рон, я такая дура. Пообещай — только оставь этот твой покровительственный тон, — что будешь меня опекать.

— Не торопи меня, — говорит он, но она уже вскочила, моет лицо.

— По крайней мере, в понедельник мне не придется встречаться с Розой, — говорит она. — В этот уик-энд дам себе передышку.

— А вот это рискованно. Она убедит тебя отступить. Уговорит вообще бросить работу.

— Благодарствую! Ни от чего она меня не отговорит!

— Посмотрим, — гнет свое Рон.

Альмину мать Рон, собственно, не знает. Она, когда звонит, спрашивает, не называя себя, Альму. Его ничего передать не просит. Записывает свое сообщение на автоответчик. Рону со слов Альмы представляется, что Нэн из тех, кто сметает и подавляет всякое сопротивление. Но он нарисовал и свой образ Нэн, и ему она видится не человеком, а душными комнатами и застоявшейся водой. И дом ее ему видится окруженным застылыми голубыми бассейнами.

Он ощущает присутствие Нэн, даже когда Альмы нет дома. Чувствует, как она незримо простирает руки к Альме из своего загородного дома, принуждая менять планы и мчаться к ней по первому зову. И это Альму-то, обычно такую своевольную, непреклонную, истовую во всем... Именно эти свойства и привлекли его к ней, а больше всего ее энергия. Не ее доводы в спорах, это он теперь понимает, а то, как она спорит, как вскакивает с места, как, когда ее загоняют в угол, хохочет так, будто ей ничего не стоит отбиться одной левой.

Протесты, манифесты — ее стихия. Разрумянившись от солнца и вина, она держит площадку на пикниках, Он слышал разные истории и про то, как она училась ездить верхом, и про Маунт-Холиоок[34], и про замужество после него. В медовый месяц они с мужем отправились в Египет, и вот как-то едет она верхом на вонючем верблюде, а за ней увязываются бедуинки. Не спускают с нее глаз, о чем-то переговариваются, потом самая старая из них подходит к проводнику и тычет в нее пальцем. Проводник говорит: «Они спрашивают, сколько муж за вас заплатил». И вот — восседает она на верблюде, верблюды дрищат почему зря, а она толкает речь: мол, в Америке женятся по любви, и мужчина за жену ничего не платит. Проводник переводит, бедуинки опять переговариваются. Наконец, одна из них указывает на ее обручальное кольцо. Проводник говорит: «Они спрашивают, сколько он заплатил за кольцо». И она — ей-ей — тут же решила, что уйдет от мужа. Ни за что не допустит, чтобы ее снова покупали.

Хотя этот рассказ насмешил его, он и виду не подал, только смотрел, как смеются-заливаются остальные. А теперь и этот рассказ, и общий взрыв веселья после него нераздельно крутились у него в мозгу все равно как патефонная игла с приставшим к ней клубочком пыли. Его режет, ранит воспоминание о том, как она это рассказывала: стоит рядом с ним, руки скрещены на груди, смотрит на собравшихся, а на него — ноль внимания. От каждого повторения рассказ что-то теряет. С ее пленками та же история. Его потрясает, как топорно звучит на них ее голос. Присущей ей непосредственности этот бесцеремонный, чужой голос начисто лишен. Удивительно, до чего обходительно по контрасту с ней звучат голоса старушек. Они говорят, говорят без конца, и долгая, неспешная нескладница их речей — своего рода музыка.

— Роза рассказала вам о папоротниках? — спрашивает Эйлин с пленки Э. М.-3. — Так вот я пришла полить цветы, а два папоротника совсем зачахли. Я накипятила воды: где-то прочла, что папоротники хорошо удобряют чаем. Я полила их чаем, сначала, конечно, его остудила, и когда пришла на следующее утро, они ожили, а ведь вчера совсем поникли — и это всего за одну ночь! Я вела дом у моего

папы в Западной Виргинии. И вот выкопала я где-то два папоротника и посадила по одному по обе стороны крыльца. Поливала их чаем, полный чайник на них выливала, чай хранила в холодильнике, а перед тем, как поливать, чуточку его разогревала, и они скоро разрослись — стали вот такие. Проезжающие даже выходили из машин, чтобы их сфотографировать. У нас была ферма. Раз в неделю мы продавали сливки. А молоком весной поили свиней и телят. С мая по июль, а может, и по август. Я запомнила, когда телят поили молоком. Что только мы ни выращивали. А что не съедали, продавали — расходовали бережливо, чтобы и на продажу осталось. Для нас, детей, в этом был свой интерес. Когда мы выращивали помидоры, нам давали деньги. Так вот, мы отвозили помидоры на фермерский рынок, цены назначали в Питсберге — их печатали в газете, потом появились приемники, и их передавали по радио. А когда папа умер, я не захотела возвратиться.

— Но почему? Почему не захотели? — голос Альмы.

— Ой, вы же знаете, как оно бывает.

— Нет, не знаю, расскажите, почему?

В материнском доме Альме не спится. Она выпутывается из тугого кокона простынь, прокрадывается вниз. Ей хочется пройтись, но она не помнит, как выключается новая тревожная сигнализация. У матери, думает она, расхаживая по квартире, хлама не меньше, чем у Розы. Правда, материнский хлам будет постариннее. Керамика хопи[35], осколки голубого стекла из раскопок, римские монеты, марионетки и барельефы, купленные чохом в Индонезии. Деревянная резьба майя. В большинстве все ломаное, в комплектах хоть один предмет да отсутствует. Когда мать возвращалась из поездок, отец не упускал случая подколоть ее.

— А где же, интересно, номера два и пять? Твоя мать покупает утиль, — оповещал он Альму.

Мать и до смерти отца разъезжала в одиночку. Летом она брала с собой Альму — преимущественно на раскопки. Однажды они съездили в Ашкелон[36], а когда Альма окончила школу, в Помпеи и Геркуланум. На полках альбомы фотографий стоят впритык. Мать хранит их рядом с артефактами, впечатление от этого даже несколько пугающее. К тому же на фотографиях живые и мертвые тоже вперемешку. Нэн и Альма Ренквист в Помпеях, широко улыбаются, а вокруг мертвецы — они полегли там, куда шли по своим делам. Альма переворачивает альбомные страницы, и тела из пепла на улицах — кто обхватил себя руками, кто согнулся в три погибели — кажутся более живыми, чем прямые, точно палки, остолбенелые фигуры туристов. Какое, собственно, имеет касательство Альма к той девчужке в белых шортах? И какое отношение имеет мать к той женщине моложе ее, которая держит в руке что-то, нам невидимое и давно позабытое? Роза да и остальные, рассматривая старые альбомы, говорят о себе как о юных девушках, но на самом деле они рассказывают не о себе, а о ком-то другом. Завтра они с матерью собирались с утра пораньше поехать кататься верхом, но Альма, хоть и завела будильник, не проснулась, а Нэн не стала ее будить.

— Ты измотана, — сокрушается она, когда Альма спускается к обеду.

— Вовсе нет, — говорит Альма.

Они выбирают тропу по-над каньоном, едут не спеша — любят небо, пламенеющим на фоне рыжих холмов. Тучи над ними рассеиваются.

— Здесь я, пожалуй, могу понять Лиз, — говорит Альма.

— Она и впрямь выходит за него! — Нэн озадачена. — Не могу представить, какие у них родятся дети.

— Никакие.

— Ничего нельзя знать наперед. — Нэн улыбается.

Альма пригибается к лошади:

— А я знаю.

— Ты все еще встречаешься...

— Да, — говорит Альма. — Мы анализируем данные.

— А дальше что? — спрашивает Нэн.

— Г-споди, откуда мне знать? — Они стоят на краю каньона там, где склон отвесно падает вниз. — Возможно, мы расстанемся. — Она скашивает глаза на Нэн. — А возможно, и поженимся. Мама, я дразнюсь! Ничего подобного не будет! Мало того, нам ни в жизнь не закончить этот проект, так что пусть тебя не тревожит, что будет потом.

— А я тревожусь, — говорит Нэн. — Тревожусь, потому что ты с головой уходишь в эти проекты, и конца им не видно. Ты совсем не думаешь ни о том, сколько времени на них ухлопаешь, ни о...

— Говори уж, что собиралась сказать, — взвизгивает Альма. — И огорчаешься ты вовсе не из-за моего проекта.

— Не заканчивай за меня моих мыслей. Ты себя в гроб загонишь этими интервью — точно так же было с диссертацией. Меня не волнует, какого рода феминистским марксизмом тебя напичкали в Беркли, ты ведешь себя безрассудно. Скажи честно: по-твоему, имеет этот твой исторический проект какой-то смысл?

Альма смигивает, но парирует:

— Во-первых, это ты скажи, ты о проекте ведешь речь или о Роне? По-видимому, они для тебя слились воедино?

— Нет, это для тебя они слились воедино, — не остается в долгу Нэн.

— Пока тебя не было дома, звонила Роза, — сообщает Рон.

— Слышать ее не хочу, — говорит Альма.

— Махнула на нее рукой?

Альма скидывает рюкзак.

— Послушай, я не обязалась расшифровывать каждую дурацкую запись. И не обязалась являться по первому требованию в любое время. Но это вовсе не означает, что я махнула на нее рукой!

— Добро пожаловать домой, — говорит Рон. — Рад, что ты хорошо провела уик-энд.

Альма поворачивается к нему спиной. Выдвигает один из картотечных ящиков, начинает разбирать пачку принесенных машинисткой распечаток.

Рон поднимает упавший листок.

— Она спрашивала про меня?

— Вроде того.

— Что она сказала?

— Не знаю. Ничего особенного. Я что — могу запомнить наши разговоры слово в слово?

— Ты ведь, насколько я понимаю, специалист по устной истории, — указывает он.

— Что ты от меня хочешь, это моя мать. Кто слушает, что говорят матери? — Альма откидывает упавшие на глаза волосы. — Я заведу кондиционер. В такую жару невозможно работать.

— Мне не нужны благодарения за ее счет, — буркает Рон.

— Кто сказал, что кондиционер для тебя? — Альма надулась и переходит в наступление. — Меня беспокоит Флаш. Посмотри на него. Он извелся. На его глаза посмотри. — Она швыряет одну из папок Эйлин Микер на пол. — Какой ты делаешь вывод из этого?

— Я кое-что из нее послушал, — говорит Рон.

— Я вот что думаю об Эйлин, — прерывает его Альма. — Она не возвратилась на ферму — вот где ключ к ее истории. Уже началась война. Депрессия преодолена; она поступает в Женскую службу[37]. Ну так какой вывод ты делаешь? Ресурсы фермы истощены.

— Если хочешь знать мое мнение, — отвечает Рон, — она рассказывает, как ухаживать за привядшими папоротниками. Потом вспоминает ферму. Перестань давить на них. Ты все время на них давишь.

Альма рывком задвигает ящик.

— Не хочешь анализировать, в таком случае оставь меня в покое и не вмешивайся в мою работу.

— Вот и отлично. Ты прекращаешь свои инквизиторские допросы, и я заканчиваю свою книгу.

— Как же, свою книгу, — обрезает она его. — Можно подумать, тебя от нее оторвала я. Это ты предложил поработать со мной, забыл? Ты захотел мне помочь.

— Верно, — говорит Рон. — Но больше не хочу. Я всецело верю в тебя. Ты точно знаешь, что этим женщинам следует сказать. И я не сомневаюсь, что ты единолично сможешь им правильно осмыслить свою жизнь.

Она распахивает окно настежь.

— Ты никогда не хотел мне помочь. Только критиковал мою работу. Руководить мной — вот чего ты хочешь. Хочешь, чтобы я зависела от тебя.

— Не заводись, — говорит Рон. — Почему бы тебе не опробовать эту речугу на мамочке. Понимаю, на мужчин такие тирады действуют сильнее, но если говорить о том, кто кем руководит...

— Она мной не руководит.

— Докажи, — говорит он. — Если бы она тобой не руководила, если бы у тебя хватило духу поступать в соответствии со своими убеждениями, ты бы вышла за меня замуж.

— Не обольщайся, — говорит она.

Он смотрит на нее.

— Ты права, — говорит он. — Она тобой не руководит. Ты стала такой, как она.

— Ты не понимаешь...

— Чего тут не понимать, — говорит он. — Твоя мать хочет, чтобы мы разошлись.

— Разумеется. Я же как-никак ее дочь!

— Скажи, — продолжает Рон, — у нее принципиальные возражения лично против меня или еще и против евреев вообще?

— Ты с ней даже незнаком, — Альма вскипает. — Ненавижу тебя, ненавижу: ты извращаешь все, что я ни скажу. Раз моя мать против нашего брака, значит, она расистка, иначе и быть не может. Ты что, не способен уяснить это на другом уровне? Выйди я за тебя, мать рассорилась бы со мной...

— Иными словами, лишила бы тебя наследства. Вот что ты имеешь в виду.

— Нет! Деньги меня не интересуют.

— Ох, Альма, — говорит он. — Какая же ты ханжа.

— Грацию, — оповещает ее Роза. — Только грацию. Ничего другого я не признаю. Кое-кто из здешних носит корсеты на китовом усе. Эти старушечки разгуливают по павильону Дороти Чандлер[38] в китовом усе и золотой парче. Богатство свое всем в нос тычут. Уже лет сто как ничего такого не носят. А одного кита я все-таки видела. В войну нас, всех детей, повезли на Сандвичев остров[39] перед тем, как отправить в Англию. И там на берегу лежал кит, я это помню, как сейчас. Я была такая маленькая, такая слабенькая, что меня несли на руках. Но я прожила несколько месяцев в монастыре и просто-таки расцвела. Вы даже не представляете, как я расцвела.

У Альмы нет сил устанавливать хронологию событий. Сандвичев остров — это, скорее всего, остров Мэн[40]. Но никаких вопросов она не задает. Роза плетет свою хронологию, ей ли не знать, где она была.

— Я, как сейчас, помню день, когда умер Карузо[41], — без перехода продолжает она. — Я играла на берегу моря. Экстренный выпуск! Экстра! Экстра! Читайте, читайте! Сейчас это городок как городок, а в двадцатых это был шикарнейший курорт. Наша гувернантка пела — оперное сопрано. Она все вечера проводила за роялем, и к нашему окну часто стекались люди. Такая очаровашка, а вышла за неровню. — Роза морщит лоб, собирается с мыслями. — Он торговал птицей, вроде бы так. Когда я приехала сюда из Англии, мои сверстницы уже встречались с мальчиками, а я была совсем дитя, 17-го размера, между прочим. Как родичи на меня пялились. Шеня звала меня Грине Кузине[42] — помните ту песню? Зато что я имела, того они не имели, вот как. Румянец у меня был во всю щеку — никаких румян не нужно. Персик, роза — на меня оборачивались на улицах. На первое свидание я пошла — знаете, сколько мне тогда было? — Альма недоуменно вскидывает на нее глаза. — Двадцать три, — говорит Роза.

В свое первое свидание Рон и Альма пошли на премьеру «Птиц»[43] в Калифорнийском университете. Раскачиваясь над головами публики на трапедиях, актеры перемежали Аристофана сатирическими выпадами против реганомики, Альма, следя за ними, вывихнула шею, все же они кое-как досидели до перерыва. «В яблочко» — так была озаглавлена рецензия в «Дейли бруин»[44]. Потом они ходили на сольные концерты их приятеля виолончелиста, у него была своя программа, и когда он играл, лицо у него было такое отрешенное, что Рон время от времени взывал: «Выключить бы звук, и вовсе было б славно!»

— Один мальчик мне очень нравился, — продолжает Роза, — но он ухаживал за другой девочкой, и Шеня ей сказала: «У тебя черные брови при светлых волосах». Ну на что это похоже! На что это похоже — так разбирать людей по косточкам. Но мне нравился не только он, вот как. Когда я в первый раз обручилась, и брат, и родители пригрозили, что прекратят со мной разговаривать. Альма, вы не слушаете.

Альма встряхивает головой.

— Да нет, слушаю.

— Вы очень плохо выглядите! Золотко, что с вами? Вы сегодня ни слова не сказали. Что случилось?

— Ничего, — шепчет Альма. — Мой друг от меня ушел.

— Ну конечно, — говорит Роза, словно знала наперед, что так оно и будет. — А я вам что говорила. Мой брат поклялся, что не только прекратит со мной разговаривать, даже имя мое в его доме забудут! И так и было!

— Он еврей, — говорит Альма.

— Иначе и быть не могло. Все мои женихи — евреи.

— Нет, Рон, — Альме необоримо хочется убежать, убежать, как можно дальше от Розы и нескончаемой, непостижимой истории ее жизни.

Роза с минуту обдумывает Альмины обстоятельства.

— Что ж, если он еврей, — таков ее вывод, — хорошо, что вы расстались. Если бы вы поженились, его матери этого не пережить. Во всяком случае, все считали его человеком несостоящим, и что же — так оно и оказалось. Ну, я с ним и порвала. Представляете себе? Не плачьте, золотко. Это же была только моя первая помолвка. Грустно, но, знаете ли, я как-то это пережила! Не горюйте!

[1]. *Венис (Венеция в английском произношении), иначе Венис-Бич, — район на западе Лос-Анджелеса, известен своими пляжами, приморским променадом длиной в четыре километра, где устраиваются выставки художников, выступают циркачи, артисты и т. д., излюбленное место прогулок туристов. — Здесь и далее прим. перев.*

[2]. *Уортон-скул — первая школа университетского типа, в которой преподают основы ведения бизнеса (менеджмент, бухгалтерия, финансы). Основана в 1881 году.*

[3]. *«Лора Эшли» — фирма, производящая мебель, предметы обихода, одежду, с сетью магазинов по всему миру. Основана английским дизайнером Лорой Эшли (1925–1985) и ее семьей.*

[4]. *Шорт-Хиллс — городок в штате Нью-Джерси, неподалеку от Нью-Йорка, там, в основном, селятся те, кто работает в Нью-Йорке.*

[5]. *Запеченный с сыром (фр.).*

[6]. *Изкор — поминальная молитва, читается четыре раза в год в Великие праздники (Йом Кипур, Суккот, Песах, Шавуот).*

[7]. *Рене Магритт (1898–1967) — бельгийский художник-сюрреалист, часто писал розы, как правило пышно распустившиеся.*

[8]. *«Как борцы бегут они и как храбрые воины влезают на стену, и каждый идет своей дорогою, и не сбивается с путей своих». Книга пророка Иоилия, 2:7.*

[9]. *Здесь: сплетница (идиш).*

[10]. *Ретин А — крем, гель для лечения бородавок, угрей и т. д.*

[11]. *Коль нидрей (буквально: «Все обеты») — молитва, которую читают в синагоге в начале вечерней службы Йом Кипур.*

[12]. *«Звездный путь» — так называются многочисленные фантастические фильмы о звездных войнах. Есть и компьютерная игра с таким названием.*

[13]. *В одноименной сказке соловей, когда император принуждал его петь по приказу, улетел.*

[14]. *Здесь: дешевка (идиш).*

- [15]. Чарльз Эдуард Айвс (1874–1954) — американский композитор, органист и хормейстер.
- [16]. Мар-Виста — район на западе Лос-Анджелеса, граничит с Венис-Бич.
- [17]. Долина — имеется в виду долина Сан-Фернандо, урбанизированная долина, в которой расположена половина Лос-Анджелеса.
- [18]. По всей вероятности, речь идет о фильме «Жизнь и смерть в Венеции», снятом по книге Барбары Майерхофф «Научи нас так считать дни наши. Торжество преемственности и культуры у еврейских стариков в одном городском гетто». Барбара Майерхофф изучала процесс старения, интервьюируя жильцов «Алия-центра» в Венеции. Фильм получил «Оскара» как лучший документальный фильм.
- [19]. В городе Беркли на западе штата Калифорния находится кампус Калифорнийского университета.
- [20]. MLA (Modern Languages Association) — Ассоциация по изучению современных языков.
- [21]. Палос-Вердес — общее название группы приморских городков к юго-западу от Лос-Анджелеса.
- [22]. Джон Джейкоб Найлз (1892–1980) — американский бард, собиратель песенного фольклора, композитор.
- [23]. Альма Малер — жена великого австрийского композитора, дирижера, оперного режиссера Густава Малера (1860–1911).
- [24]. Галереи «Ройс» имеются в разных городах США, в них выставляются, кроме картин и скульптур, и работы прикладного жанра.
- [25]. Очевидно, имеется в виду Йосемитский национальный парк.
- [26]. Маскл-Бич — пляж в районе приморского бульвара с открытой, обнесенной забором площадкой, где устраиваются выступления акробатов, культуристов и т. д.
- [27]. «Гиперион тритмент плант» — сооружение по переработке сточных вод. Смотреть, как происходит очистка, водят экскурсии.
- [28]. Программа спасения памятников — одна из многочисленных действующих в США программ по спасению редких животных, природы и т. д.
- [29]. Сакаджавея (1788–1812) — индианка из племени шошонов, жена траппера, проводник и переводчица экспедиции М. Льюиса и У. Кларка, помогла им установить дружественные отношения с шошонами. Стала символом женского достоинства и независимости. В нескольких городах США ей установлены памятники.
- [30]. На таких вечеринках играют в бинго, игру типа лото, и подают скромное угощение.
- [31]. Марина-дель-Рей — прибрежная полоса к юго-востоку от Вениса с отелями, ресторанами, бухтой.
- [32]. «Я помню. Я помню, Симона. Я помню» (фр.).
- [33]. Роберт Коулз (р. 1929) — американский психиатр, критик, биограф, автор множества книг и статей. В своей работе «Служба зовет», посвященной работе с волонтерами, писал, что надо не навязывать опрашиваемому свою позицию, а дать человеку выговориться, потому что история каждого говорит сама за себя.

[34]. *Маунт-Холиоок — частный колледж высшей ступени для женщин. Основан в 1836 году.*

[35]. *Хопи — индейское племя. Славится своими изделиями из серебра и керамики.*

[36]. *Ашкелон — израильский город на побережье Средиземного моря. В 1985 году там начались археологические раскопки, обнаружившие шестнадцать метров культурных наслоений.*

[37]. *Женская сухопутная служба была образована в 1942 году, как вспомогательная служба сухопутных войск.*

[38]. *Павильоном Дороти Чандлер называется один из залов Лос-Андже-лесского музыкального центра. Назван в честь Дороти Чандлер, много сделавшей для пропаганды музыкальной культуры в Лос-Анджелесе. В зале четыре яруса, более трех тысяч мест.*

[39]. *Сандвичевыми островами прежде называли Гавайские острова, архипелаг в центральной части Тихого океана, с 1959 года штат США.*

[40]. *Остров Мэн находится в Ирландском море.*

[41]. *Энрико Карузо (1873–1921) — прославленный итальянский тенор.*

[42]. *«Ди Грине Кузине» («Зеленая сестрица») (идиш) — идишская песня о наивной девушке, иммигрировавшей из Европы в Америку в надежде на лучшую жизнь. Кончается песня полным разочарованием героини («к черту этот Колумбов рай»): ей ничего не удалось добиться. «Ди Грине Кузине» исполнялась самыми знаменитыми оркестрами и певцами и исполняется и поныне.*

[43]. *«Птицы» — сатирическая комедия Аристофана.*

[44]. *«Дейли бруин» — студенческая газета Калифорнийского университета.*

ЛЕХАИМ МАЙ 2012 ИЯР 5772 – 5(241)

НАЧАЛО ПЕЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Лев Усыскин

Оценивая историческое исследование, мы обращаем внимание в первую очередь на новизну и корректность использования источников, а также на состоятельность выводов, сделанных в ходе их анализа. Если с источниками и выводами все в порядке, исследование можно считать состоявшимся. Монография получит признание коллег, но вызовет ли она общественный резонанс — еще вопрос. Ибо это определяется уже не корректностью, но значимостью и актуальностью поставленных в работе вопросов и предложенных ответов. Причем актуальностью не собственно научной, зависящей от внутренней логики развития науки, а общественной, определяемой интересом к предмету исследования вне научного сообщества.

ТЕРРИТОРІЯ (незаштрихованная), открытая для постоянного проживания евреев: пятнадцать губерний черты осѣдлости и десять губерний Царства Польскаго.

*Ἐὰν δὲ ἐς εἰς εἴη Πέεϋ Ἀσπυῖα «Ἐπὶ τοῦ ἀσπυῖα ἀπὸ τῆς». Ἰὰ τὸ οὐδεὶς αἰεὶ οὐδέ οἱ δέϋ
— 15 ἀσπυῖα εἰς τῆς 10 ἀσπυῖα Ὀσπυῖα Ἰεϋνῆρα — αὐτὰ τὸ ἐπὶ τὸ ἀεὶ ἰππολύτῃ
ἰδὲ αἰεὶ εἰς ἀσπυῖα Ἰ ἀποσπυῖα: ἀ 1 ἰπὶ οὐδὲ ἀ δὲ 100 ἀσπυῖα. Ἡ-Ἰ ἀσπυῖα 1914 ἄῃ*

По первому, источниковедческому, пункту исследование петербургского историка Ольги Минкиной[1] выглядит безупречным. Его тема не слишком истоптана по вполне понятным причинам: ни в дореволюционной России, ни тем более в СССР занятия ею не поощрялись, заграничным же исследователям было непросто ею заниматься, так сказать, «технически». В результате каноническое представление о еврейских посланцах в российскую власть определяется трудами Ю. И. Гессена и С. М. Дубнова — историков российского еврейства рубежа XIX — XX веков, с концепциями которых автор полемизирует, опираясь на свой круг источников.

Этот круг исключительно обширен и дискретен. Основная документация четырех так называемых «Еврейских комитетов» правительства, вырабатывавших в 1801–1827 годах государственную политику относительно еврейского населения империи, погибла в ходе пожара в Министерстве внутренних дел в 1862-м, поэтому исследовательница работала преимущественно с архивами губерний и городов черты оседлости. В целом результат этой работы получился совершенно в духе достижений российской историографии последних десятилетий, общем для исследователей самых разных эпох — от XVI века до наших дней. Взрывное расширение источниковедческой базы за счет всевозможного разрозненного актового и биографического материала привело к размыванию, если не разрушению существовавших ранее концепций. Эти прежние концепции формировались, как правило, на основе разного рода полемической публицистики и испытывали довольно сильное влияние дискуссий, современных авторам концепций, а не исследуемой эпохе.

Проблема в том, что, убедительно доказывая бесновательность былых концепций, Минкина (наряду со многими другими яркими современными исследователями) не предлагает взамен ничего сопоставимого в плане определенности формулировок. Причем данное обстоятельство никак нельзя считать недоработкой ученого — напротив, это своего рода демонстрация честности и смелости интеллекта, соглашающегося признать две весьма неприятные истины: письменные источники, даже взятые во всей своей гипотетической, а не только реальной полноте, отражают лишь небольшую часть человеческих отношений прошлого, которые, в свою очередь, являются результирующей массы обстоятельств самой разной природы и разного калибра — выделить из них определяющее зачастую не просто трудно, но и невозможно ввиду отсутствия такового. Просто потому, что жизнь так устроена — и в прошлом, и в настоящем.

Если попытаться все-таки сформулировать в совсем уж банальных словах полученный Минкиной результат, то выглядеть это будет примерно так: с момента вхождения населенных евреями территорий Речи Посполитой в состав Российской империи и до конца правления Александра I власти в решении касающихся евреев вопросов так или иначе взаимодействовали с еврейскими представителями, имевшими мандаты самой различной природы — от избранных депутатов до уполномоченных тех или иных

еврейских сообществ и даже до людей, представлявших еврейство единственно на основании убежденности в собственной персональной значимости. Некоторые из этих представителей имели фактическую и формальную аккредитацию при профильных органах имперской власти. Об этих людях, их биографиях, перемещениях и даже бытовых обстоятельствах мы кое-что знаем — в том числе благодаря изысканиям Минкиной. Однако проследить механику и конкретные результаты их представительской деятельности практически невозможно: крупных гласных достижений вроде заметной коррекции имперского законодательства они добиться не смогли (за немногими исключениями), а косвенное влияние на умы имперских нормотворцев практически не подлежит ретроспективному отслеживанию.

Говоря иначе, книга Минкиной рассказывает о том, как:

1. избирались (и вообще возникали) еврейские депутаты;
2. какими наказаниями они нагружались;
3. каков был их статус в глазах имперских властей;

и, отчасти, 4. как участие в еврейском представительстве повлияло на личные судьбы некоторых евреев.

Приводимая исследовательницей информация — это необходимая часть паззла, сложение которого, собственно, и может являться одной из генеральных целей совместной исследовательской работы. Речь идет о выявлении общей картины и внутренней логики еврейской политики российского государства.

Разумеется, эта сверхзадача не единственная из возможных. Столь же важна, сложна и почетна, например, задача создания панорамы собственно еврейской жизни в Российской империи — и для ее решения в книге также немало «информации к размышлению». Однако что касается общественной значимости, первая цель для нынешних россиян не в пример важнее. Механизмы работы государственной машины сохранили со времен Екатерины Великой и Александра Благословенного немало неизменного, не слишком отрефлексированного и при этом имеющего самое непосредственное отношение к теперешним российским проблемам — уже никак не связанным с евреями.

Еврейская политика самодержавной России — штука загадочная, и многие вещи, привычно воспринимаемые как сами собой разумеющиеся, таковыми при ближайшем рассмотрении не являются, требуя специального объяснения.

После первого раздела Польши вместе с вошедшими в состав России территориями русский царь приобрел и огромное количество подданных-евреев. Это событие уже само по себе было весьма нетривиальным: на протяжении нескольких столетий в русской национальной идеологии культивировался образ евреев как «врагов христовых», которым, конечно же, не место на Святой Руси не при каких обстоятельствах. Причем самих этих евреев толком никто и не видал. И вдруг они оказались в России, да еще и в огромном множестве, — в чем-то это сродни ситуации, когда вы наяву становитесь владельцем леса, кишашего змеями горынычами и соловьями-разбойниками. Так-что сам факт, что Екатерина признала за евреями право жить в ее империи и исповедовать свою религию, не столь тривиален, как кажется.

Дальше с неизбежностью вставал вопрос: как этими евреями управлять. Тут нужно попробовать взглянуть на ситуацию глазами имперской власти — даже предположив, что она добросовестна и компетентна. Ситуация оказалась предельно сложной — сложной прежде всего «таксономически». С одной стороны, в наследство достались вполне дееспособные органы еврейского самоуправления Речи Посполитой — кагалы, так что можно бы посчитать евреев отдельным сословием, а кагалы — органами сословного управления. Однако, с иной стороны, евреи «раскладываются» и по обычным сословиям и разрядам — мещане, купцы и проч. В итоге получается форменное нарушение имперской регулярности управления: некие лица управляются, т. е. судятся сразу по двум линиям. Стало быть, надо выбирать — выбирать между политикой сегрегации и политикой инкорпорирования евреев в российскую сословную структуру на общих основаниях. Надо сказать, что во вносимых евреями проектах собственного обустройства содержались как тот, так и другой варианты. Вообще же — и рассматриваемая книга неоднократно подводит нас к этой мысли — трудно понять, почему правительство не решилось сразу раскассировать евреев по сословным нишам: в еврейском социуме разве что землепашцев тогда практически не было, зато имелась достаточно заметная прослойка лиц, небезосновательно претендовавших на статус родовой аристократии.

случае власти? Расстаться с представлением о себе как о культурном демиурге? Или, разрушив то, что имеется, начать строить нечто новое на чистом месте?

Все эти так и не нашедшие разрешения мысленные метания, а не только невежество державинского фасона стали причиной странной, инертной, лишенной нерва и сведшейся в конечном счете к игнорированию политики властей в отношении проектов еврейских депутатий. А также в целом непоследовательной и неумной еврейской политики Российской империи, результатом которой стала прогрессирующая потеря лояльности евреев, к 1917 году принявшая катастрофический характер. Одна из начальных глав этой печальной саги и написана Ольгой Минкиной.

[1]. *Ольга Минкина. «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи. 1772–1825. М.: Новое литературное обозрение, 2011.*

Однако очень скоро он понимает свою ошибку и решает уничтожить написанное. Залесский звонит куратору из КГБ, говорит, что готов расширить свои «показания», и просит вернуть бумагу на доработку. Гэбэшник передает донос автору, и тот рвет написанное. Изгнание с работы, безуспешные поиски новой, наконец хеппи-энд — переход в Институт химии силикатов.

Самое яркое место воспоминаний Залесского — тот фрагмент, где описываются нравственные терзания героя, переживающего свое «неблагородное» поведение в игре с КГБ. Вот этот замечательный штрих к портрету советского интеллигента:

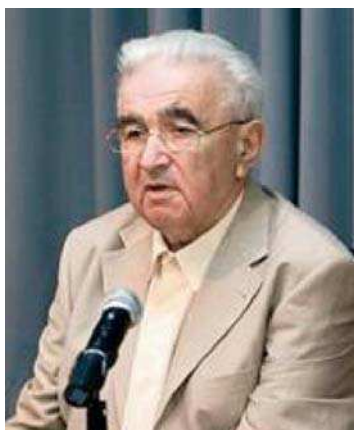
Я сознавал, что обман, который я использовал для достижения цели, все же не очень согласуется с манерами хорошо воспитанного человека, каковым я себя считал. Это меня немного тревожило, и через несколько дней я позвонил Смирнову в Большой дом и извинился. «Вам пятьдесят шесть лет, а вы поступили как мальчишка», — заорал он в ответ.

ГРИГОРИЙ КАНОВИЧ:

«ГЛАВНАЯ СИНАГОГА — ЭТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ»

Беседу ведет Нелли Портнова

В издательстве «Иерусалимского журнала» вышла книга Григория Кановича «Облако под названием Литва», составленная из рассказов, написанных в последние годы (см. отзыв в этом номере журнала). Корреспондент «Лехаима» расспросил писателя об этом сборнике, о романе «Очарование сатаны», изданном в серии «Проза еврейской жизни» (см. о нем: [Лехаим. 2009. № 1](#)), и о судьбе израильской русскоязычной литературы.

אָדעם דעם עאַר יאַם

НЕЛЛИ ПОРТНОВА Вы называете себя «русским писателем, пишущим на еврейские темы». А в справочных изданиях Г. С. Канович — «еврейский писатель, пишущий на русском языке», «русско-еврейский писатель», «израильский русскоязычный писатель» и, наконец, «литовский писатель»...

ГРИГОРИЙ КАНОВИЧ Конечно, выбор языка имеет для писателя колоссальное значение. Есть языки, рассчитанные на относительно небольшое число читателей, например старомодный ныне идиш, а есть рассчитанные на многомиллионную аудиторию: русский, английский, французский. Но иногда этот выбор диктуется не зависящими от автора обстоятельствами.

Моим родным языком с детства был идиш, я на нем до войны свободно изъяснялся со своими родичами и земляками в Йонаве. Когда Литва вынужденно стала советской, я знал всего три русских слова: «Сталин», «Чапаев», «ура». Если уж мне было суждено стать писателем, то я, безусловно, должен был писать на идише. И был бы, может, больше доволен собой и своими сочинениями.

Но судьба в войну занесла меня в глубь России, я стал учить русский и начал жизнь сначала. Когда же я взялся за перо, то понял, что с помощью идиша, не очень жалюемого в СССР еще с предвоенных лет, я не смогу рассказать сородичам-евреям, которые поневоле обрусели, обо всем, что меня и их гнетет и беспокоит. Кроме того, и мой идиш был уже сильно подпорчен долгим пребыванием на чужбине: сначала в казахском ауле, потом в шахтерском городке на Урале.

НП Как бы то ни было, вы продолжаете традицию дореволюционной русско-еврейской литературы, которая обращалась к тому читателю, который у нее был. Леванда, Жаботинский или Бен-Ами пользовались государственным языком, но обслуживали еврейскую среду, развивали ее и старались сделать лучше. При этом русская литература служила образцом: Фруга называли «еврейским Некрасовым», «еврейским Надсоном», Юшкевича — «еврейским Чеховым», и эти сравнения льстили.

ГК С 1956 года я стал писать только о евреях, то есть о том, что лучше всего знал и в чем больше всего, как мне казалось, нуждались мои собратья. Тем не менее впоследствии я имел неосторожность заявить, что я русский писатель. Сами русские писатели могут не принять меня в свои славные ряды, это их право, но я себя по языку — главному инструменту в творчестве, — а если прибегнуть к патетике, то и по сути, по духу считаю русским писателем с сильным еврейским зарядом. Образно говоря, моей ракетой стал чужой язык.

Термин же «русскоязычный еврейский писатель», по-моему, стыдливо-охранительный, он возник из чувства неполноценности. Ведь никому не придет в голову Фазиля Искандера именовать абхазско-русскоязычным, а Юрия Рытхэу — чукотско-русскоязычным писателем. Еврейскими в полном смысле слова можно назвать только тех писателей, которые писали и пишут на идише или иврите.

НП Недавно на заседании Союза русскоязычных писателей Израиля было заявлено, что эта литература приказала долго жить. Каковы, на ваш взгляд, ее перспективы?

ГК Да, ее век недолог. Правда, пока рано говорить о кончине и публиковать некрологи, но будущего у нее нет, как не было его и у куда более мощного отряда русских писателей-эмигрантов в Берлине и Париже. Причины — доминирующая ивритская языковая среда и естественный уход основного потребителя, русскоговорящего человека старшего возраста. Что до молодых читателей, то для них определенный интерес могут представлять разве что «книги памяти», то есть воспоминания о наших дедушках и бабушках, написанные теми, кто не претендует на писательские лавры.

Так что судьба русскоязычной литературы Израиля предопределена. Кто-то из ее лидеров имеет шанс влиться в большую русскую литературу, ну а о рядовых, наверное, скажут словами популярной песни: «недолго музыка играла». Все, в конечном счете, зависит от уровня таланта.

НП Как складываются отношения русскоязычных литераторов в Израиле с писателями-«аборигенами»?

ГК Между русскоязычными и ивритоязычными писателями нет почти никаких контактов. Мы не общаемся сосуды, а разные планеты. Помню только одно удивительное исключение — покойного Бенциона Томера, ободрившего и вдохновившего многих авторов-репатриантов своим внимательным отношением к ним.

Тем не менее даже по переводам мы можем и должны многому научиться у наших израильских коллег. Большая часть из них выросла в мошавах и кибуцах, они прекрасно изображают жизнь в нашей общей стране, ее людей, ее природу. Я до сих пор жалею, что рос в отрыве от природы. У нас в местечке не было воробьев, грачей, соловьев, а были птицы, не было кленов и лип, а были просто деревья. Бабушка, помню, кричала: «Не смотри на нее, а то она тебя закроет». А что ее зовут вороной, бабушка не знала.

НП Одна из основных ваших тем — вступление в жизнь еврейского мальчика, живущего в многонациональной среде. Причем отношения между людьми разных национальностей неизменно складываются дружеские. С течением времени они становятся драматическими, во время войны — катастрофическими, но никогда на этом конфликте у вас не держится действие.

ГК Я сейчас пишу мемуарную книгу. Один из ее персонажей — литовец-полицейский, который говорил на идише лучше меня. Он приходил на Пасху к моему деду и просил у него мацы. Дед-сапожник грубовато шутил: «Но в ней же, Винцас, есть ваша кровь». «Много?» — спрашивал страж порядка. «А биселе (капелька)», — смеясь, отвечал дед. «Ну, раз капелька, то давай». Драки между евреями и литовцами у нас в местечке происходили только на футбольном поле после матча.

Но война все изменила. Многие литовцы, целые карательные соединения, стали мстить евреям за то, что те якобы все до единого служили в органах НКВД и рьяно поддерживали советскую власть. В оккупированной немцами Литве восторжествовала идеология мести, которая до поры до времени гнездилась в подполье, а потом выползла наружу. Евреев, надо признать, не любили и в предвоенный период, но эта нелюбовь не влекла за собой повсеместное кровопролитие, как в 1941-м.

НП Из Википедии: «Родился в семье портного, соблюдавшего еврейские традиции». У ваших героев странные отношения с Б-гом. Они верят в Него, некоторые из них молятся, но Всевышний не может их защитить, когда евреев уводят на смерть к Главной синагоге. Элишева бросается в реку оттого, что

позволила себя крестить и осталась жива, когда ее отец и сестра погибли. Любящий ее Яков хоронит «лучшую еврейку Литвы», читая кадиш, а «чуть поодаль от него, под сосной, по-литовски отрешенно творит свою молитву Ломсаргис», тоже любивший свою батрачку.

ГК С детства я был родителями приучен к тому, что Главная синагога — это человеческое сердце. Там живет Б-г, Его надо слушать и никогда не огорчать дурными поступками. И это гораздо важнее, чем ходить в Главную синагогу или в синагогу мясников и машинально творить молитву. Если Б-га нет в сердце, Его не найти нигде.

В каком-то смысле я разделяю точку зрения Амоса Оза, сказавшего: «Я в Б-га не верю, но я Его боюсь». Бен-Гурион понимал, что религия — это тот цемент, который скрепляет разнородные слои народа, и потому не отделил ее от государства. Наши раввины, мудрецы и наставники были подвижниками и на протяжении веков чуть ли не единственными хранителями еврейства. Но времена и функции меняются. И меняют всех. К сожалению, не всегда к лучшему.

НП Ваш последний роман о Катастрофе — на самом деле не совсем об этом. Вместе с гибелью Мишкине рушится микрокосм, и вы хотите найти какие-то общие закономерности поведения и судеб этносов, населяющих «облако под названием Литва».

ГК Передо мной стояла задача — попытаться найти причину событий, которые привели к гибели 210 тысяч евреев-литваков. «Очарованье сатаны» отличается от других моих романов разве только тем, что это, если можно так выразиться, тихий реквием, в нем нет сцен истязаний и убийств. Холокост, по моему, начинается не с погромов, а гораздо раньше — с перерождения человека в зверя, в убийцу. Бывают периоды, когда сатана оказывается сильнее и привлекательнее Г-спода Б-га, потому что платит не библейскими заветами, а наличными. Сатана ведет постоянную охоту за людьми, он очаровывает их своими посулами и подачками. Мой роман о том, как проявляет себя человек в экстремальных ситуациях. Среди его главных героев нет бесспорных святых, как и нет стопроцентных подлецов.

библейских героев, а Танах — главный источник познаний, отчего жизненные коллизии Якова или его дочери Дины до сих пор служат утешением и назиданием взрослым и детям. Не радио или газеты, но загадочные полубезумные речи хахама Дуэка (он возникает во многих книгах Сери) сообщают новости, объясняя настоящее и предсказывая будущее. Здесь живут в тесноте крошечных комнат и каменных дворишков с цветочными горшками, ящиками, где растут приправы, и колонкой, качающей воду из подземной «ямы» — традиционно иерусалимского кладезя дождевых вод. Здесь едят бобовые и рис, лакомятся пряными мучными сладостями, мятными леденцами и семечками. Судьбы персонажей сходятся-расходятся, вышивая на канве времени и пространства прихотливые арабески. Люди зажаты в этническом гетто, а их души рвутся на простор, улетают от окрестным холмам и лощинам, взмывают в небеса или блуждают по улице Невиим и далекой арабской Тальбие. У Сери всегда бессмертные души увлекают мужчин туда, где из раскрытых окон слышны звуки фортепиано, женщины нежны и прекрасны, а благоухающие цветники так не похожи на привычные запахи кухни, стариков и детских пеленок...

Но вернемся к «Артуру». Два брата, Ицхак и Шломо Абулафия, растут с бабушкой и дедом, крошечным отцом и безумной матерью, мечтающей вырваться из постылого окружения. Она регулярно колотит мужа деревянным сабо по голове, и маленький Шломо ворует у соседа ботинки на каучуке, чтобы облегчить отцовские страдания. Дед мечтает прогнать англичан и ликует при каждом известии об успехе «Эцеля» и «Лехи». Городской дворник, он с помощью мистических заклинаний пробует выместить оккупантов из Святой земли.

У Сери узнаваемая яркая манера письма, а рассказ от лица мальчика и вовсе обряжает заново будни в праздничную обновку:

*Ἰαχαὰὸδὰ ἢ ἰδεοῶε ἂ οἰαῖ δὴ οἰδὸ δαῖνιὸνιῦε. Β σταε, +οἱ μῦθῶν ὁ-εὐαῖῦ Ἀαῖ
ἰῶρδῖῖεὸ μῖλῖα βαεῖλῖα, ἂ ἰῶρδῖ ἂνι ἰαῖ ἂνι ἰῖ εἰῖοἰαὸεἂ Ἰαῖαεῖ ἰαχαὰὸδὰ οἰ ἂδ οἰαῖῖ, οἰαῖ
Ἀαῖοἰ, εἂε αἂῖῖ, ἰὸ εἰῖ αἰεῖῖῖ αἂῖῖ, εἂ ἂνι ἰαῖ ἂνι οἰαῖ ἰῖαῖε οἰαῖ, εἰοῖοῖε ἰῖ σταε
Ἐῖῖοἰ. Ἐ ἢοῖ, εἂε αἂῖῖ, ἰῖῖαεῖῖ ἰῖαῖῖ ἰαοῖ ὁ ἰοἰῖ ὁ ἰοῖῖαεῖ, εἰοῖοῖε ἰῖαεῖῖῖ
ἂῖῖαεῖῖ ἂ εἂῖῖ ἂαεῖ ἰῖ ἰῖοῖ-ἂἂ εῖ αῖῖῖ ἂ εἰοῖῖῖ ἰῖῖ ἰῖῖῖῖ ἰῖῖ, εἂ ἰῖῖῖῖ εῖῖ ἂῖῖῖ ὁ
ὁ-εὐαῖῖ, +οἱ ἰῖ οἰεῖοἰ ἂῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖ ἂῖῖῖ ἰῖῖῖ, ἂ ἢοῖ ἰῖ-οῖ ἰῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖ-ἂῖ, +οἱ ἂῖῖῖ
ἰῖῖῖ ὁῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ εἂ, ἂῖῖῖ ἰῖῖῖ, ἂαεῖ ἂῖῖῖῖῖ ἢοῖ ἰῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ ἰῖ
ῖῖῖῖῖῖῖ ὁ-εὐαῖῖ Ἀαῖῖ ἰῖῖῖ ἰῖῖῖ ἂῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ εἂ ἂῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖῖῖ ἂ ἂῖῖῖῖ, ἰῖ ὀὸ ἂῖ
ἰῖῖῖῖῖῖ εῖ-ῖ ἂῖῖῖ ἂῖ ἂῖῖ ὁ ἰῖῖῖ εῖῖ ὀὸ εἂ ἂῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ ἰῖῖῖ*

При всем своеобразии, последняя книга Сери, которую, если верить профессору Игалю Шварцу, автор писал всю жизнь, отмечена очевидным влиянием Амоса Оза. Как мать героя ранней повести Оза «Гора дурного совета» не интересуется сыном и грезит английскими офицерами, так безумная мать героя в романе «Артур» не замечает своих малых детей, мечтая об английских моряках. Как Хана в романе Оза «Мой Михаэль» во сне и наяву видит садомазохистские картины, где она, еврейская девочка, проводит время с арабскими подростками-близнецами, так Ицхак ночью и особенно на уроках видит сны об арабской пастушке Сахин, которая то кормит его грудью, а то просит жениться на ней, уверяя, что она — еврейка. И войне еврейского подполья с англичанами Сери, раньше не касавшийся политики, отвел в новом романе значительное место не без влияния «Повести о любви и тьме» Оза, где история ишува важна не меньше, чем исповедь о семейных проблемах.

Но есть между Озом и Сери и принципиальное различие. Оз так и сводит всю жизнь счету с родителями, припоминая им давние обиды, и не может повзрослеть. Сери не столь инфантилен. Не случайно его роман завершается главой, написанной взрослым Ицхаком. Вот ее последние строки:

*Ἐ ἰῖ εἂῖῖῖῖῖῖ ἢ ἰδεῖῖῖῖ Ἰοῖῖῖῖῖῖ εἂῖ ἂῖῖ ἂῖῖῖῖῖ εῖ ἂῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖ. Ἐδῖῖῖῖῖῖ
ἰῖῖῖῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖ ἰῖ ἂῖ ἰῖῖῖῖ Ἰοῖῖ ἰῖῖῖ ἂ ἂῖῖῖῖῖῖῖ, +οἱ ἂῖῖῖῖ-ἂῖῖ ἢ οἰεῖῖῖ, ἂῖ
ῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖ, ἰῖῖῖῖῖ ἰῖῖ ἂῖ ἂῖ ἂῖ ὁῖῖῖῖ ἂῖ ἰῖῖῖῖ ἰ ἂῖ ὁ ἂῖῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖ ἰὸ ἰὸῖῖ. ἰῖ ἰῖῖῖῖῖ
ἰῖ-οῖ ὁ ῖῖῖῖῖ, οἰῖ, ἂῖ ὁῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖ. Ἀ ῖῖῖῖῖῖῖ ὀδῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖῖ ἂῖ ἰῖῖ ἰῖῖῖῖ. Ἐ ἰῖῖῖ
Ἐῖῖῖ ἢ ἂῖῖ ἢ ἰῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖ ἰ ἂῖῖῖῖ. ×οῖῖῖῖ σταε, +οἱ ἂῖῖῖῖ ἰῖῖῖ. ×οῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖῖ ἰῖ ἰῖῖῖ ἂῖ ἢ
οῖῖῖῖ. ×οῖῖῖῖ σταε, +οἱ ἂῖῖῖῖ ἰῖῖῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖῖ ἂ ἰῖῖῖῖῖ ἂῖῖῖ Ἀ-ἂ. ×οἱ
ῖῖ ἰῖῖ ὀῖῖ ἰῖ ἂῖῖῖῖῖῖ ἂῖῖῖῖῖῖῖ. ×οἱ ἰῖῖῖῖ ἂῖ-ἰῖ ἰῖῖῖῖῖ. Ἀεῖῖῖ ὀῖῖῖῖῖῖ ἂῖῖῖ ἂ ἰῖῖῖῖῖ ἂῖῖ*

Ἐ ἰ ἂῖ ἂῖῖῖῖῖῖ ὀῖῖ, ἰῖ ἰ ἰῖῖ, εἂ οἰῖ ἂῖ ἰῖῖῖῖῖῖ, εἂε ἰῖῖῖῖῖῖ

Писать для Сери — значит превращать страдание в слова. А сколько вокруг страдальцев! И крошечная госпожа Шаулоф, у которой девять лет в замужестве не было детей, и госпожа Рафаэла, которую используют англичане и травят соседи. Страдает бабушка героя, беззубая, рано состарившаяся женщина,

которая одна печется о нескладной семье. Страдают все, чьи дети умирают в младенчестве от плохого питания и неправильного ухода, и женщины, которые в тридцать лет уже старухи, и мужчины, вынужденные ютиться на нижних ступеньках социальной лестницы.

Но при этом проза Сери светла. Он пишет проникновенно и осколки библейских стихов посверкивают в его современной прозе, как цветные камушки на наряде йеменской еврейской невесты. Вынужденный писать о дурных и жестоких вещах, Сери старается отыскать в людях что-то доброе, ведь всех нас возвышает мечта о лучшей жизни, красоте и любви.

Ицхаку повезло: он попадает в ашкеназскую школу нового ишува. Мечтая о друге, он всей душой прилепляется к Артуру Гардушу. Артур живет в другом мире, правда, его отец «остался в далеком городе Венгрия», но мама-врач возит его в автомобиле, заботится о нем и покупает новую одежду и книги. А сколько всего знает Гардуш! Ицхак старается не обращать внимания на высокомерие товарища. Само слово «Гардуш» приводит его в восторг, и он, ликуя, проговаривает его сотни раз. Но граница между детьми непроницаема — несмотря на всю преданность, Ицхака так и не позвонит к Артуру в гости.

Артур в романе стал символом неведомого и манящего мира, в котором родился светский сионизм и иврит стал разговорной речью. Там даже география и история не похожи на то, что говорят соседи и домашние Ицхака. Ведь его дед с пылом утверждает, что Сара родила Аврааму «убогого недоноска с воспаленными глазами, и следовало бы не резать его на горе Мория, а повязать ему на нос жернова, чтоб неповадно было этому подслеповатому, а может, еще и придурковатому, отдать в руки того злыдня-охотника всю Страну Израиля, и ведь исхитрился он получить ее за одну обезглавленную зайчиху, да только это наследство досталось в конце концов не ловцу зайцев, и не тому, кто сидел в шатрах, а... английскому разбойнику, Амалеку бен Аману Пятому».

С годами в Сери остается все меньше от наивного мальчика с кипой, бегущего в талмуд тору. Тем не менее на вопрос «С кем из писателей вы хотели бы встретиться?» — он ответил: «С Агноном. Я бы постарался самоумалиться до предела, только бы услышать от него такие слова: “Ваше письмо немного напоминает мне мои ранние опыты”».

[1]. Известно талмудическое предание, рассказывающее о том, как был наказан император Тит: комар влетел к нему в ухо и изводил его, пока тот не умер. Не исключено, что сюда подмешались также события 1923 года, когда лорд Карнарвон, участвовавший в раскопках могилы Тутанхамона, умер после укуса москита.

Говоря о стихах Галеви, автор подробно (возможно, слишком подробно для неподготовленного читателя) показывает, чем именно восхищались они современников поэта. Рассказывая о жизни Галеви, он по крупицам выуживает биографический материал из его произведений, не скрывая от читателя возможной шаткости своих построений. Вообще, это уважение к читателю, наряду с виртуозным владением материалом, очень располагает к автору и его книге. Еще больше оно проявляется в главах, посвященных «Кузари», где Галкин, декларируя себя безусловным последователем и единомышленником Галеви с его национальным партикуляризмом, не только не опровергает сторонников философского универсализма, но и подробно рассказывает, как эти две концепции находят свое обоснование и в еврейской традиции, и в последующей теологической и политической полемике.

Сам Галкин сетует: его книга о Галеви, вышедшая в русском переводе, — это как бы не вполне его книга, поскольку в английском оригинале значительную долю объема занимали его собственные переложения стихов Галеви. И хотя русский перевод основного текста выполнен очень профессионально, а редакторские примечания уместны и содержательны, вошедшие в русское издание переводы стихов не создают впечатления, что их автор — великий поэт. Причина здесь прежде всего в том, что проблема перевода еврейской классической поэзии пока еще не решена нашей переводческой школой. Но в любом случае всякая попытка ее решения заслуживает признательности, а главную свою задачу — приблизить Йеуду Галеви к нам — книга Галкина, безусловно, выполняет.

ГАЛЕВИ И ЕГО ПЕРЕВОДЧИК

Èáááà Áàéááè

Í áñ è Ñéíá

Èçááí è áííáá òíáèè ç. Èííáèíí áí, Ø. Èðë. Í.: Èááí èð, 2011. — 360 ñ

Михаил Генделев как-то рассказывал, что, оказавшись в Израиле, он первым делом бросился знакомиться с русскими переводами классической еврейской поэзии — и остался в полном недоумении: вот это убожество считается вершиной литературы? Неужели во всем виноваты переводчики? Или ошибались десятки поколений читателей, которые хранили эти стихи как самое дорогое, шли с ними в изгнание и на смерть?..

Многое зависит от существующей переводческой традиции. Есть языки, переводы с которых обогатили русскую поэзию и поэтику. Это основные европейские языки, а также персидский, китайский, тюркские. Пусть даже зачастую знатоки утверждают, что у этих переводов с оригиналами общего мало, но если переводчику удалось создать хорошее русское стихотворение, задачу можно считать в первом приближении выполненной.

Увы, с еврейской поэзией, особенно средневековой, такого культурного контакта не сложилось. У всех на слуху какие-то имена и оценочные штампы вроде «золотой век еврейской поэзии», «величайший из великих — Йеуда Галеви», однако мало кто решится процитировать в подтверждение русские переводы.

Нельзя сказать, что переводчики мало работают. Они изучают тома комментариев, пытаются соблюсти эквиритмичность и эквилинеарность, сохранить в переводе и общую концепцию, и тонкие намеки, и образную систему, и оттенки мысли. Но порой кажется, что чем больше они стараются, тем более удручающим выглядит результат.

Очень уж велика дистанция между нами и теми читателями, которым эти стихи предназначались. Во-первых, они написаны на святом языке, на котором никто в повседневной жизни не говорил. Во-вторых, их читатель знал наизусть Танах, массу молитв, был сведущ в Талмуде и Алахе, в философии и теологии. Он был способен оценить тонкость интертекстуальной игры, изысканность, с которой в каноническую формулу вплетается новый смысл, глубину авторских интеллектуальных построений. Словом, понятно, что попытка перевода такой поэзии — затея более чем рискованная, если не вообще безнадежная.

Одно это вызывает определенную симпатию и интерес к Шломо Кролу, переведшему «Сиониды» Йеуды Галеви. Надо сразу сказать, что это честная попытка, Крол добросовестно пытается донести до читателя не только «событийное», но и поэтическое содержание переводимых стихов. Так, он сохраняет монорим: читатели, знакомые с существующими переводами, должно быть, очень удивятся,

узнав, что еврейская поэзия, как и арабская, писалась не рифмованными двустушиями, которые по-русски при наличии некоторых способностей к версификации можно выдавать едва ли не экспромтом, а сохраняла единую рифму на всем протяжении стихотворения. Крол педантично воспроизводит размер, хотя прямого аналога у количественного метра в русской силлаботонике, конечно, нет и быть не может. Более того, сам иврит, где различие гласных по долготе и краткости было утрачено задолго не только до Крола, но и до Галеви, сопротивляется количественному метру. Но таково уж было восхищение еврейских классиков арабской поэзией, что они переняли и ее стихотворные размеры, вполне естественные для арабского языка.

Переводчик подробно рассказывает об этой метрике и о том, как он передает ее по-русски. Зое Копельман принадлежат комментарии к текстам и ряд статей (в общей сложности эти материалы занимают более половины тома). Кроме того, в состав книги включены другие переводы, вариации и подражания, так что картина получается в целом представительная. Мы можем понять, что содержится в 23 «Песнях Сиона», что означали эти тексты для современников Галеви и для последующих поколений. Но на вопрос, выиграл ли переводчик, рискнув взяться за столь неблагодарный материал, то есть удалось ли ему создать хорошие русские стихи, дать безоговорочно утвердительный ответ мы все-таки не можем.

С автором сыграл злую шутку его академизм. Жертвы, на которые пришлось пойти ради сохранения монорима и размера, оказались в большинстве случаев слишком велики. В моноримах порой режет ухо перебор глагольных, деепричастных или просто банальных рифм, а выстроенная система передачи метрики выглядит слишком вычурной. Строки «Век воспевать тебя не перестану, / Пить этот сок веки не устану» и «Как душу от тоски смогу отвлечь я? / Уйдя, ты сердце взял мое далече», призванные проиллюстрировать, как по-русски можно имитировать разные размеры, вполне могли бы оказаться в одном русском стихотворении и даже песне, отражая склонность автора к легкой акцентной вариативности с соблюдением ударения в 6-м и 10-м слогах 11-сложника. А вот то, что в русской поэзии ценится больше всего, — естественность речи, виртуозность, которой просто не замечаешь, пока не займешься детальным разбором, умение ясно выразить то, что читатель носил в себе как смутное чувство еще до знакомства с произведением, в этих текстах практически отсутствует.

Тем не менее в целом результат можно считать положительным. Теперь мы хотя бы можем оценить сложность Галеви. Кроме того, в состав статей и комментариев включены и переводы Крола из других авторов, и в общем поэтическом корпусе книги есть удачные тексты. Основную задачу — информативную — «ладомирский» том выполняет (а что именно эта задача была основной, совершенно ясно, ведь в состав «Песен Сиона» в отдельных случаях включены не поэтические переводы, а подстрочники). Так что если любители высокой поэзии и найдут в книге немало шероховатостей, то всем, кто хочет приблизиться к пониманию такого явления, как средневековая еврейская поэзия, новое издание можно рекомендовать с чистой совестью. А что до неудач с поиском адекватных аналогов арабо-еврейских размеров — так ведь и Гнедич, работая над «Илиадой», не сразу избрал русский гекзаметр.

Ī ēōāēē Ēēī ēēī

ЕВРЕИ И ИДЕИ

Ἰῆδ Ἀἰῶν Ὀὐρανῶ

Ὀὐρανὸς ἐστὶν αἶψα Ὀὐραὶ οὐρανῶν ὁ αἶθερ δὲ δαιμόνι

Ἰῆδ ἡ Ὀὐρα ὁ Ἀ. Νεῶν ὁ Ἰῆδ

Ἰ.: Ἐἰσὶ ἐδ, 2002 — 238 ἡ

У книги Тагиеффа два недостатка. Во-первых, в ней нет именного указателя, во-вторых, она невелика по объему. Сам текст занимает полторы сотни страниц, остальное — комментарии и примечания. Но написана она так плотно, что если бы книги измеряли по насыщенности информацией, «Цвет и кровь» находилась бы в сверхтяжелом весе.

Тагиефф рассматривает теории французских расистов второй половины XIX — первой трети XX века. Изначально слово «расизм» не несло в себе столько негативных смыслов, как сейчас. Когда Артур Гобино писал «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853–1855), он исходил из постулатов, которые современному расисту покажутся оппортунистскими. Считал, например, что условием появления цивилизации является смешение рас, что судьбу не изменить, как и историю человечества — та неумолимо катится к закату. И хотя он противопоставляет единственно красивую расу — белую — чудовищной негритянской («у негров меньше мышечной силы» — вот бы Гобино увидеть нынешние Олимпиады!), в области чувств белые ниже остальных рас, черной и желтой.

Из таких умозрительных конструкций и черпали вдохновение последующие расисты, включая антисемитов. Хотя у Гобино не только нет юдофобских выпадов, но даже хватает вполне «проеврейских» заявлений: «Умелый во всем, за что бы ни брался, этот народ, свободный, сильный и умный, прежде чем потерять статус независимой нации, который пытался храбро отстоять с оружием в руках, дал миру почти столько же ученых, сколько торговцев». Селин даже считал Гобино «семитофилом» — преувеличение, характерное для автора «Путешествия на край ночи».

Впрочем, одна из глав книги Тагиеффа — «Расовый детерминизм, антисемитизм и национализм» — посвящена тем, кто Селину был близок: прежде всего руководителю научного направления Практической школы высших исследований Сорбонны Жюлю Сури и Морису Барресу. Как считает Тагиефф, «соединение теории рас (как биологического материализма в приложении к человеку) и мифа о еврейском или “жидомасонском” заговоре (якобы разъяснении процессов современной политической истории) вошло во французское политическое пространство несколько парадоксальным образом — через католическую пропаганду, направленную против франкомасонства». При этом журналист-полемист Эдуар Дрюмон в бестселлере «Еврейская Франция» (1886) признавал, что антисемитизм — вопрос не только расовый, но и экономический. Однако двенадцать лет спустя, в статье «Египетские казни», Дрюмон окончательно демонизировал еврея: «Он всегда враг в доме, учиняет заговоры и совершает предательства, это неискреннее, таинственное, беспокойное и пагубное существо, опасное в особенности

потому, что использует средства, не свойственные народам, в среде которых он живет». Одно из таких средств — способность выдавать себя за нееврея, если налицо схожесть с местными жителями. Ассимиляция? Нет, проявление хитрости «в рамках стратегии маскировки». Мимикрия — главное свойство еврея, она заменяет творчество и склонность к изобретательству.

Особое место в книге уделено фигуре и идеям Сури (1842–1915), которого Тагиефф называет «блестящим умом XIX века». Решение Сури, историка и филолога, исследователя деятельности мозга и толкователя христианских текстов, ученика Ренана, посвятить себя борьбе за расовый антисемитизм совпало с кризисом в его научной карьере. Сури считали атеистом, а сам он, как писал слушавший его лекции Анатолий Франс, «совсем не разделял обывательских предрассудков» и «не всегда щадил простые умы». А без простых умов, как известно, карьеры не сделать.

Антикартезианец, разделявший психику (ум) и сознание, Сури пришел к выводу о примате в сознании наследственного и расового бессознательного; антисемитизм же представлялся ему смертельной схваткой между «арийцем» и «семитом». Эксцентрические взгляды Сури предопределили его позицию в деле Дрейфуса. Его антидрейфусарские статьи в «Аксьон франсэз» перепечатывались многими изданиями, а идея, что евреи не могут быть предателями, поскольку не являются французами, им просто некого предавать, была подхвачена его популяризатором Барресом. Но все это не спасло Сури ни от интеллектуального бесплодия и беспросветного пессимизма к шестидесяти годам, ни от последующего безумия.

Политика государственного антисемитизма завершилась вместе с режимом Виши. Наступила эра нового юдофобства, связанного с отказом от идеи биологического расизма и объединением «вокруг нового абсолюта, коим считается культурное различие, причем структуризация на базе заговорщического видения мира сохранилась». Только вместо мирового жидомасонского заговора угрозой оказывается мировой сионистский (или американо-сионистский) заговор. Привычный мотив для потребителей некоторых отечественных СМИ.

Перекличек с нашей историей и современностью у Тагиеффа хватает. Так, последняя глава книги посвящена евгенике, в связи с чем автор предисловия Н. Лептухин вспоминает о гонениях на Русское евгеническое общество в 1920-х годах. При этом само государство не отказалось от идеи направленного отбора: «Ряды сотрудников НКВД формировались на основании четко установленных психо-антропометрических характеристик», да и в репрессиях присутствовала логика выбраковки антропологически чуждых элементов. Чужим оказывался кто угодно, кроме Шарикова.

Александр И. Геддунга

ОБЛАКО, ОЗЕРО, БАШНЯ

Άἰεὶ ἄδῃ Ἄϊ ἔῃ

Ναί ἔῃ, εἶ ῥαῖ, ἰ ἄδῃ ἄϊϛ

Ἰ .: Ὀἰεῖν, 2011. — 432 σ.

Разглядываешь чужой семейный альбом. Где улыбнешься, где восхитишься мигу запечатленной красоты, а все неотвязнее тоска — все это было, было...

С подобающими знатоку словес и судеб чуткостью, иронией и педантичностью листает страницы автобиографии Валерий Генкин, переводчик и писатель, один из основателей издательства «Текст». При создании романа он, в соответствии с точной самохарактеристикой, «хозяйственный и экономный, всякую мелочь пускал в дело: дневники, случайное шевеление памяти — все ташил в норку, как еж яблоко». Романтические переживания шестнадцатилетней мамы, фронтовые письма отца, записки жены из роддома. Детские считалочки и присловья, старые песни и мимоходом сложенные стихи, анекдоты и протоколы юношеского Общества. Пестро? Не извольте хмуриться, развеет руками Виталий Затуловский, alter ego автора, все как есть. А впрочем, прибавит добродушно, хмурьтесь на здоровье, господин читатель.

Незловивый он, герой-автор. Щедрый: меткими наблюдениями, языковыми тонкостями, замыслами и неожиданными находками готов поделиться. А уж как распустит павлиний хвост и исподтишка, из-за прозрачной ширмы как бы третьего лица, чуть наивно любит себя, вспоминая былые приключения и победы... При этом, однако, легко удерживает планку целомудренной искренности, не скатываясь в «скандалы-интриги-расследования», ни-ни, ни словом единым!

Возможно, потому, что вся книга — еще и беседа с ушедшей женой, попытка расставить былое по местам. Воскрешая, высказаться: «...ведь и с тобой, которая уже там, я разговариваю, пока сам еще здесь. А не станет меня — и тебя не будет». Но странное дело — не раз отрекомендовавшегося завязтым занудой и аккуратистом автора память водит по кругу, увлекает ненадежными прерывистыми тропками, путает следы. Что-то же и вовсе прячет — не отыскать. А спросить решительно не у кого...

Своевольная память «сама выбирает, что оставить, а что выбросить». И выходит так, что из всех невероятных историй, из шума времен оказывается в итоговом сите самое простое, будто бы случайное — запахи, вкусы, картинки. Автор недаром «рифмует» для себя набоковское «облако, озеро, башня» и первые сполохи собственных воспоминаний — «санки, козел, паровоз». Продолжение певучей, открытой дактилической строки — округлость и устремление в небо — царапает приглушенным звучанием и закравшимся в троицу козлом. Ответ жизни на все прекрасные порывы? Вездесущая авторская ирония?

Впрочем, нам ли судить, что высоко, а что низко. Всякая жизнь с теплым ее, щенячьим, немного нелепым и сквозь пальцы утекающим счастьевременем самоценна. Ни к чему с ней хитрить и оригинальничать, до головокружения переплетая сюжеты. Удержать бы. Скользя по тонкой кромке, выловить, спасти от тьмы забвения. И, между прочим, напомнить читателю, «до чего это красиво — РЫЖАЯ СОБАКА НА ЗЕЛЕНОМ ЛУГУ».

Àëëà Ñëéíàíëé

Àdè à dèé Èàííàè-. Íàèàèí ìíà íàçàí èàí Èèòàà

Èàdùràèèì : Èàdùràèèì ñèàü àí òíèíàèü, 2011. — 368 ñ

Григорий Канович почти 20 лет назад репатрировался в Израиль, но остался верен своей единственной теме — еврейской Литве. Вот и в рассказах из нового сборника действие происходит либо в довоенной Йонаве, либо в послевоенном Вильнюсе. Даже Иерусалим из открывающего сборник «Сна об исчезнувшем Иерусалиме» — это все то же Вильно, Ерушалаим де Литва. Автор не устает оплакивать этот город, «его черепичные крыши, по которым кошки расхаживали, как ангелы, и ангелы, как кошки», руины Большой Синагоги, улицы и дворы. Герои перетекают из рассказа в рассказ, эпизодические персонажи одной истории становятся центральными в других. В этом еврейском эпосе находится место не только евреям, но и полякам, литовцам, русским, которые жили некогда в городе-призраке и стали призраками вместе с ним.

Ííàð-Àí àdà Òààèàóó. Í ðí òíèíèèü ñèíííèèò ì óàdàóíà Óàèüèèèè è àá èñííèüííàí èá

Ì.: Í ñòó èóèüòóóí; Èàdùràèèì : Ààçàdèì, 2011. — 584 ñ

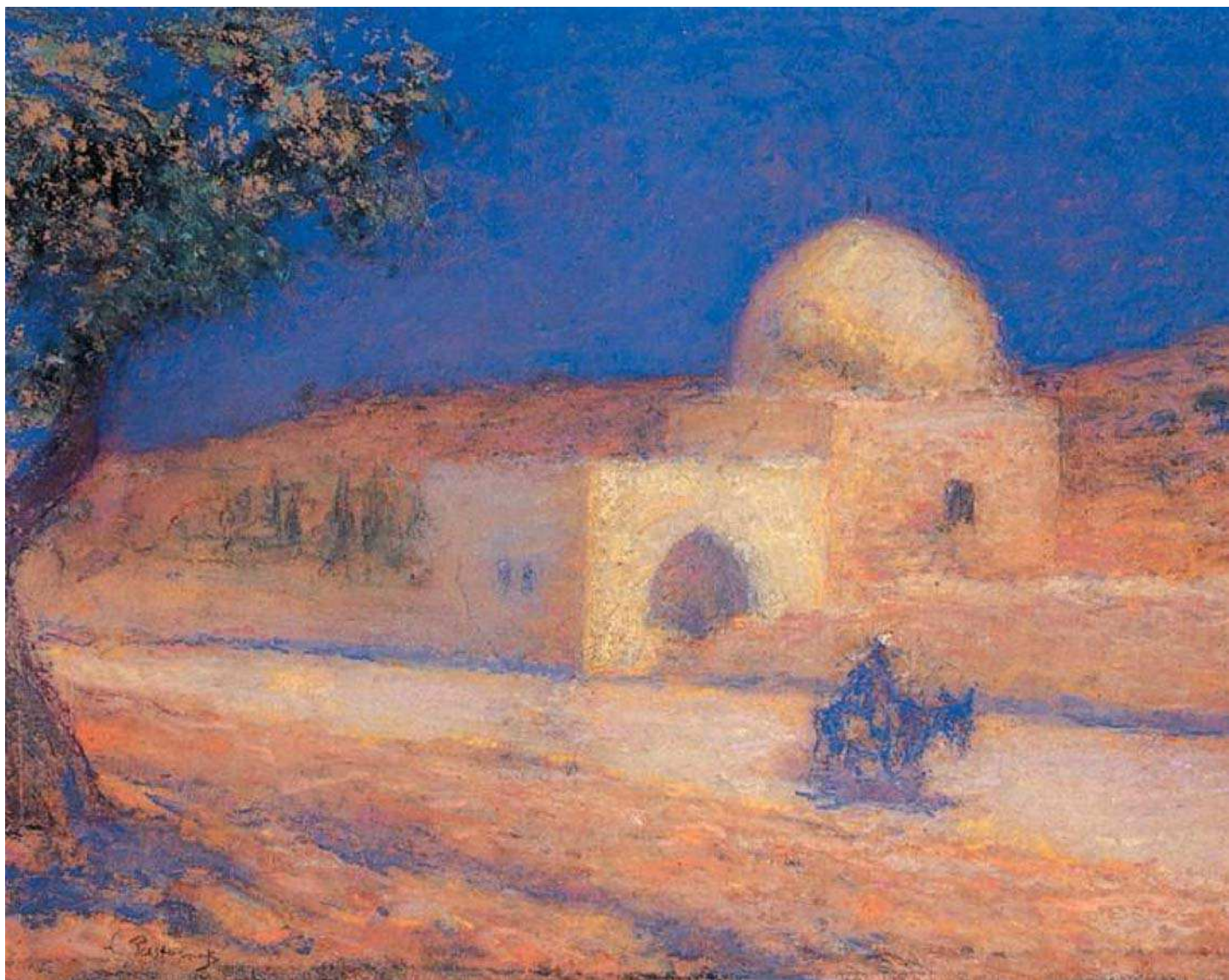
«Протоколы сионских мудрецов» — едва ли не самая значимая по своим последствиям фальшивка XX века, а может быть, и вообще в истории. И дело здесь не только в том, что «Протоколы» стали одним из ключевых звеньев в теоретическом и историческом обосновании антисемитизма. Они также стали одной из основ конспирологического мировоззрения. Подозрение к любому герметизму теперь имеет явную конспирологическую подкладку. Один из примеров — взлет популярности криптологического романа, от «Маятника Фуко» Умберто Эко (и его последнего романа «Пражское кладбище», в котором именно «Протоколы» играют едва ли не главную роль) до «Кода да Винчи» Дэна Брауна. И неважно, каков пафос этих произведений, важен сам ментальный тип переживания и восприятия истории. Это вполне серьезная проблема, которой, впрочем, французский социолог П.-А. Тагиефф почти не касается. Другой не менее важный вопрос — собственно исторический. Откуда взялась фальшивка, на что опиралась, почему претендовала на подлинность? Иными словами, какова история «Протоколов»? Однако и этот аспект интересует автора отнюдь не в первую очередь. Большая часть монографии Тагиеффа касается не столько разоблачения «Протоколов», сколько истории их функционирования. «В 1950 году тогдашний историк, — пишет Тагиефф, — не мог вообразить себе ни того, что сказка о еврейском заговоре по-прежнему будет будоражить умы в 2004 году, ни того, что она выйдет на улицы в форме лозунгов». По существу Тагиефф пытается представить историю развития в XX веке конспирологического взгляда на развитие общества, историю концепции всемирного заговора и ее актуализацию в разных странах в разные десятилетия. В этом случае, как ни странно, не столь важно, убеждено ли большинство читателей в том, что «Протоколы» фальшивка, или нет. Любая дискуссия по этому поводу оказывается резонансной и показательной для состояния общества. «Протоколы» служат индикатором общественного сознания, указывающим на степень его мифологичности.

***Í àá àí íí òàòèèü è òàáí òàèè Í èõàèè Í àééíà
è Í èéíèèè Àèàèíàí àdà á***

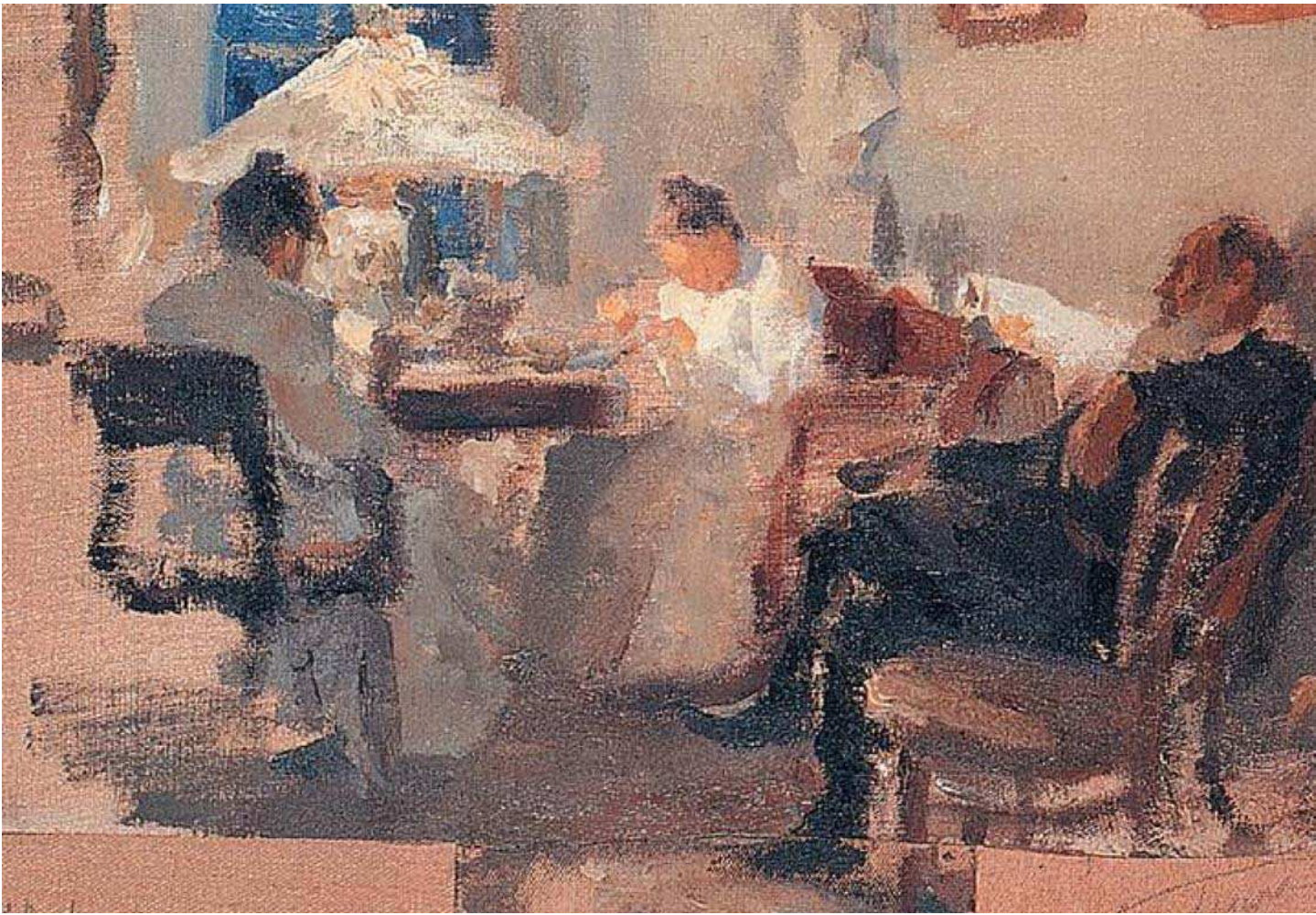
«Я НЕ МОГУ БЫТЬ ЧИСТО РУССКИМ ХУДОЖНИКОМ»

Лиза Плавинская

3 апреля исполнилось 150 лет со дня рождения Леонида Пастернака. Мир искусства не заметил даты — не было ни выставок, ни парадных мероприятий. Спустя 60 с лишним лет после смерти художник не удостоился заслуженной славы так же, как недополучил ее при жизни, — ни как выдающийся график и живописец, ни как теоретик, одним из первых сумевший разобраться в проблематике еврейской изобразительности.

Ἐπίτρεῖ Ἰσραήλ καὶ Ἰακώβου καὶ ἀδελφῶν Δαβὲν. Ἰερουσαλὴμ 1924 καὶ Ὀρίῃ Ἰσραήλ καὶ Ἰερόλυμαί

Επίθεα Γαυραδίαε Εαα Γεερεάααε: Ορεπόμε α εδκασ ππυ υε. (Υπρεεε) 1901 ππ ΆΙ 0

«Удивление перед совершенством его мастерства и дара, перед легкостью, с какою он работал (шутя и играючи, как Моцарт), перед многочисленностью и значительностью сделанного им, — удивление тем более живое и горячее, что сравнения по всем этим пунктам посрамляют и уничтожают меня. Я писал ему, что не надо обижаться, что гигантские его заслуги не оценены и в сотой доле <...>, что в конечном счете торжествует все же он, проживший такую истинную, невыдуманную, интересную, подвижную, богатую жизнь, частью в благословенном своем XIX веке, частью в верности ему, а не в диком, опустошенном и мошенническом XX, где на долю мне вместо всего реального, чем он был окружен, <...> достались одни приятные слова, которые я иногда слышу и которых не заслуживаю».

Так писал о Леониде Пастернаке его сын — поэт. Выдающийся художник действительно не так известен, как того заслуживает его талант и вклад в русскую и еврейскую культуры. С одной стороны, не вернувшись в СССР в 1921-м, он стал фигурой нежелательной для советской цензуры, даже будучи главным иллюстратором Льва Толстого. С другой стороны, имели место его дружба с сионистами и открытие им себя как еврейского художника. По московским выставкам это не просматривается, и не в последнюю очередь из-за его сына Бориса, считавшего, что только отказ от самоидентификации в узких национальных рамках позволит творчеству евреев расцвести по-настоящему. На взгляды же Пастернака-отца огромное влияние оказали друзья-сионисты, в первую очередь поэт Хаим-Нахман Бялик, с которым он познакомился в 1911-м.

А́врум И́цхок-Лейб. 1889 а́а А́ОА

И статья Бялика о Леониде Пастернаке, опубликованная в 1923-м в Берлине, и его ответ не утратили актуальности. «Я вырос, — пишет художник, — в русской обстановке, получил русское воспитание, развивался под влиянием тенденций ассимиляции и в долге служения русскому народу. И — странная судьба евреев нашего поколения — сейчас нам достается от Бялика за то, что мы отдали себя не всецело своему обездоленному народу, — а с другой стороны, — я слышал часто упреки, что я все же как еврей — не могу быть чисто русским художником...»

Леонид (Аврум Ицхок-Лейб) Пастернак родился в 1862-м в Одессе. Учился в Одесском художественном училище, связанном с именами многих русских авангардистов. Анисфельд, Браз, Бродский (Исаак), Бурлюк, Кандинский, Рубо — все они вышли оттуда. При всем уважении к Одессе, кажется неправдоподобным, чтобы там разом родилось столько гениев. Но этому есть объяснение. В 1865-м в Одессе было основано Общество утонченных искусств, куда вошли художники и (sic!) фотографы. Целью его было сделать искусство доступным для всех слоев населения. При обществе открыли бесплатную школу черчения и рисования, и в Одессу стали съезжаться студенты из Москвы, Петербурга и Варшавы.

Пастернак учился здесь в 1879–1881 годах. Потом поступил на медицинский факультет Московского университета (семья настояла), в 1883-м перевелся в Одессу, на юридический факультет Новороссийского университета. Параллельно учился в художественной студии Евгения Сорокина, затем в Мюнхене, в Королевской академии, которую и окончил с золотой медалью в 1885 году. И в 1889-м посетил Париж, собрав таким образом в своем профессиональном багаже все лучшее и самое современное, чем обладало европейское художественное образование времен зарождения авангардизма.

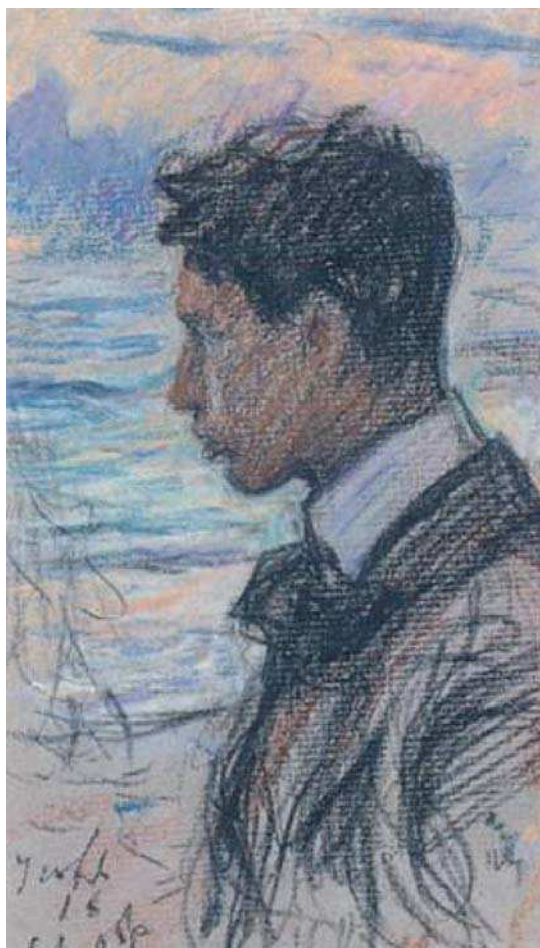
Пастернак Леонид Осипович. Портрет мужчины. 1916 г. Угль

Это был важный год в жизни Пастернака. Он женился на Розалии Кауфман, к тому моменту уже знаменитой пианистке, в юности покорившей Европу. И в том же году первую его большую картину «Письмо из дома» покупает Третьяков. А в 1894-м Леонид Осипович начинает преподавать в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, в недавно открытом классе натурального рисунка. Он работает там и после революции, когда училище становится ВХУТЕМАСом, — вплоть до эмиграции в 1921 году.

Пастернак начинал как живописец, но постепенно перешел на натурные рисунки и живопись пастелью, как Дега. Он первым из русских художников назвал себя импрессионистом, не боясь прохладного отношения к импрессионизму передвижников, программно ставивших правду выше красоты. Самую большую славу Леониду Пастернаку принесли иллюстрации к «Воскресенью» Толстого. Их познакомили, и Пастернак стал «домашним» художником. Лампы, столы, стулья, рояли, книги, цветы... Он рисовал Толстого на смертном одре, вызванный Софьей Андреевной на станцию Астапово.

Леонид Пастернак — рисовальщик репинского уровня и его же, собственно, ровесник. Его большие картины из солдатского и студенческого быта выглядят странным пророчеством соцреализма, его рисунки к «Воскресенью» и «Войне и миру» — база русской прозаической иллюстрации. Друг и портретист величайших людей начала XX века, музыкантов, таких, как Скрябин и Рахманинов, писателей — Толстого, Ремизова и Рильке. Добавьте Эйнштейна и альбом с портретами, вышедший в Берлине в 1920-х (портретов было восемь — Х.-Н. Бялика, С. Ан-ского, Н. Соколова, Ю. Энгеля, Д. Фришмана, М. Гершензона, Я. Мазе и Л. Пастернака).

В 1921-м Пастернак уехал в Германию и остался в Берлине, ставшем в 1920-х годах европейским центром русской философии и литературы. Еще со времен своей первой поездки, в 1905 году, Леонид Пастернак дружил с двумя самыми важными немецкими импрессионистами — Ловисом Коринтом и Максом Либерманном. Их стили действительно похожи. Уют европейской домашней просвещенной обстановки завораживал их одинаково. Но Пастернак более модернист, чем они и чем Репин. Он позволял себе быстрые обобщения и приблизительные текучие контуры в духе парижских голландцев, а также резкие превращения линии в пятно, что было не по зубам тому же Репину, незнакомому с мюнхенской школой. А своим немецким товарищам Пастернак не уступал во владении колоритом, умея добиться свечения в интерьере мягкого и цветного, как у импрессионистов, и драматичного, в духе основательно подзабытого всеми караваджизма.

*Ἰῥὸδὸαὸ Ἀἰδερῆ Ἰ ἀἰὸαὸἰ ἀεῖ ἰὰ ὀἰῖ Ἀαεὸεεἰεἰ ἰ ἰὸῖ. 1910 ἄῶ
Ἰῥαδῖ εἶ Ἀ. Ἀ. Ἰ ἀἰὸαὸἰ ἀεῖ, Ἰ ἰῖεῶ*

Умер Леонид Пастернак в 1945-м в Оксфорде, где теперь существует его фонд. Его имя должно было вернуться к нам в перестроечные годы, вместе с именами его друзей, философов и музыкантов русского зарубежья. Этого не произошло, и не потому, что при моде на авангард в Пастернаке не рассмотрели достаточного авангардиста, а как официальный иллюстратор Толстого он никогда окончательно не исчезал с русской сцены. При всей яркости и важности творчества Пастернака его имя звучит приглушенно и будто бы не обладает никаким художественным смыслом, кроме мастерства. Причина в том, что всего целиком Пастернака в Москве так и не увидели. Страх заставил редакторов отечественного издания его воспоминаний «Записки разных лет» вымарать все, что относилось к еврейству. А между тем, при полном отсутствии специфически еврейских сюжетов в работах художника переживание своей национальной идентичности было для него исключительно важно.

В Российской империи от евреев требовали принять православие для занятия государственных должностей, но Леонид Пастернак, приглашенный профессорствовать в Москву, отказался сделать это. «Я вырос в еврейской семье, — писал он, — и никогда не пойду на то, чтобы оставить свое еврейство для карьеры или вообще для улучшения своего социального положения». Но геройство это ничего не объясняет. Нежности души, свойственной творчеству Пастернака-отца, как и творчеству сына-поэта, в этом героизме не видно. Я приведу другой, всеобъясняющий пример.

Пастернак не был сионистом, но был образованным человеком, имеющим тонкую и преданную душу. В Берлине 1920-х он делал все, чтобы поддержать молодую еще в те времена еврейскую традицию изобразительности, и приложил руку к выстраиванию самосознания евреев-художников. Эта проблема до сих пор актуальна, но сто лет назад вопрос звучал еще более трогательно и странно: есть ли изобразительный талант у евреев? И есть ли нечто общее в столь разных работах еврейских художников? Это актуальные вопросы выставки еврейских художников 1907 года в Берлине, как их увидела доктор Ида Батшева, куратор выставки-реконструкции, прошедшей в 2009-м в Тель-Авивском художественном музее. По ее мнению, эта выставка окончательно зафиксировала процесс выхода из гетто и равноправного вхождения художников-евреев в европейское культурное сообщество.

Вопросы самоидентификации народа в своем творчестве не зависят от древности изобразительной культуры, русские мучаются той же проблемой. Еврейская самоидентификация на данный момент идет двумя потоками: один — искусство, сделанное в Израиле или евреями, — я бы идентифицировала его как политический поток, и другой — искусство евреев о евреях, жизнь местечек, предания, сказки, размышления о войнах и геноциде. Первое направление очень подвержено актуальным стилям, другое, напротив, намеренно коряво и сумрачно. И ни одно из них с еврейством как с древнейшей культурой цифр и текстов полностью не ассоциируется.

Леонид Пастернак относится к первому потоку, его стиль интернационален и ассоциирован с культурой русского реализма. Мы знаем, что ему было важно еврейство, но не видим его визуализации, не чувствуем сознательного или подсознательного смысла сокровенного дыхания его творчества. Все накрывается понятием «уют». Добрым, хорошим, хрупким, довоенным, связанным с культурой, но в России ассоциированным с мещанством, купечеством, предательством интеллигенции и прочими претензиями, предъявляемыми образованной части общества. И это тоже, как и отсутствие в творчестве Пастернака трагедий и кровавых сюжетов, мешает его восприятию. Вся глубина и величие его работ высвобождаются из этих обстоятельств, когда знакомимся с текстом его никогда не подвергавшейся редактуре книги «Рембрандт и еврейство в его творчестве», изданной в 1923 году в Берлине. Пастернак как блистательный преподаватель наконец находит здесь ключ. Хотя все факты лежали вроде бы на поверхности, но повернутые не теми боками: Рембрандт, самый уважаемый из европейских художников, сюжеты библейские, то есть ассоциированные с христианством... Как и положено авангардисту, Пастернак искал живую традицию и понял, что нужно отбросить вуаль христианства и посмотреть на картины Рембрандта как на аутентичные еврейские сюжеты. И увидеть, как на самом деле жили и живут евреи и что сложило их национальный характер.

Dīçiēēy Ēnē āī dī āī à Ī āiō adī àē. 1930-ā āāū. Ōī ī ā Ī āiō adī àēā, Ī eiōī dā

Надо добавить, что Пастернак бывал в Голландии в еврейских кварталах, по которым гулял Рембрандт. И знал, что евреи там по большей части беженцы из Испании и Португалии, откуда родом, по преданию, были и его предки (семья Абарбанель, бежавшая из Испании, осев в Галиции, взяла фамилию Пастернак). В 1924-м Леонид Осипович побывал в Палестине. Так что двигал им не живописный интерес, но любовь кровного родственника.

«...Подолгу простаивая перед многими его (Рембрандта. — Л. П.) полотнами, я смутно всегда ощущал еще какой-то плюс, — писал художник, — некоторое “что-то”, что меня к нему влекло и по-иному. Это мое сначала неясное ощущение “чего-то” постепенно, с годами, по мере знакомства моего со всем его Оеувге’ом (целым творением) и его личной жизнью, выросло в более отчетливое и определенное

убеждение в существовании какой-то особой внутренней связи или близости между такими, я бы сказал, не вяжущимися по виду элементами, как Еврейство и Рембрандт... В склонности глубоко верующего художника к обогащению духовными достижениями религиозно-мистического опыта, в естественном стремлении его природы черпать беспрестанно великую мудрость жизни из таких первоисточников ее, как рабби Менаше^[1] — одного из несомненных живых носителей и потомков... — в этом надо усматривать секрет его, Рембрандта, глубокого знания еврейства».

Дискуссия, начатая в этом эссе, не оцененная как авангардистская и замкнутая в узком кругу еврейских художников, к сожалению, почти утихла. К сожалению — не только для евреев, но и для восприятия Рембрандта, еврейский аспект в работах которого сведен в результате к какому-то антикварному оттенку.

«В этой библейской стихии, — продолжал Пастернак, — в художественном изображении патриархального быта и глубоких чувствований, подчас почти неуловимо тонких, с тем особым специфическим национально-еврейским, я это подчеркиваю, настроением <...> — гений Рембрандта глубоко зачерпнул из библейской сокровищницы...»

Говоря об индифферентном отношении к еврейскому искусству со стороны самой еврейской публики, художник пишет, хочется сказать, живописует: «Искусство — нежный плод, который требует тепла, солнца, ухода, который блекнет от отсутствия их. Как это бывает в природе, цветок тянется к солнцу, туда обращаются его листья и цвет и туда же падают и его плоды. <...> И вот стоило лишь еврейству оглянуться на себя, на свое жалкое бытие, <...> на жалкое прислуживание и пресмыкание, вспомнить далекое славное прошлое, — и зажглись в нем иные светочи и идеалы национального подъема, <...> — и забил вновь родник вдохновения...»

Почему то, что так волновало художника, оставалось неведомо его российским исследователям? Видимо, дело в точке зрения. Изучать художника Пастернака надо, глядя не из склонной к «железным занавесам» и всего боящейся Москвы, а из любого другого места, с художником связанного. Из Одессы, где он родился. Из Берлина, куда с дочерьми и женой уехал в 1921-м. Из Оксфорда, где жил последние 10 лет и где находится фонд его имени. И скорее всего, из Тель-Авива, где Пастернак действительно оценен как одна из ключевых фигур не только в художественном процессе первой половины XX века, но в проблематике еврейской изобразительности, в которой он совершил настоящее открытие.

[1]. Менаше бен Израэль, амстердамский раввин и ученый, которого писал Рембрандт.

ЕЩЁ ПОСМОТРИМ!

Àèàèñáí äð Èàááñ

Í àò àðáóðá Áíññááðñò ááí í úé Ðññèèé ì óçáé, áí 15.7

*Àèàèñáí äð Èàááñ
Í íéáð í à Èóí ó 1935 ðá
Èç ðáðáí èý ÁÒÁ*

Самолеты, дирижабли, метро, мотоциклы... Упоение 1930-х техникой было безграничным настолько, что фетишизации подвергалось все, что двигалось. Потому и названия картин Александра Лабаса (1900–1983) связаны с транспортом: «В кабине аэроплана», «Дирижабль и детдом», «Катер с новыми пассажирами». Притягивал и подземный мир: вероятно, мало кто еще рисовал так много метро и эскалаторы, как он.

Может показаться, что это бесконечный гимн машинам, апофеоз техники, столь свойственный годам индустриализации. Но у Лабаса технического хоть и много, но не движущимся механизмам в итоге определять поэтику его искусства. Фигуры людей, порой микроскопических размеров, неотделимы от техники. Утопия сверкает и переливается здесь всеми мыслимыми и немыслимыми формами.

Именно эта утопичность мышления и стала причиной изгнания Лабаса из художественной среды. Ученик Кончаловского и Машкова, один из основателей Общества художников-станковистов, в середине 1930-х он был обвинен в формализме и отлучен от выставок. «Прощение» наступило лишь в 1960-х, но к этому времени ничто уже не могло переломить вектор официального искусства, а следом и эстетические предпочтения публики.

В корпусе Бенуа показывают около 120 картин и рисунков художника, отобранных из коллекций Третьяковской галереи, Русского музея, Бахрушинского музея, музеев Екатеринбурга, Иваново, Смоленска и Перми, а также собрания наследников Лабаса (в организации выставки участвовал Фонд содействия сохранению творческого наследия Александра Лабаса).

Благодаря электронному каталогу зрители смогут познакомиться и с послевоенным творчеством художника, недостаточно хорошо известным публике. В печатном же каталоге более 80 работ публикуются впервые.

Ì àdè Ọààḗ

Ì ààdèá, ðàcì úá ì'è'ùààéé, àì 20.5

*Ì àdè Ọààḗ. Ì'íyò, èéè Ì'íè:àò ààdò í'á. 1950 ãã È'íééáéééy
Èéé'ù é Ààéùò àdà Àdàí'íáàdà
Òééáááéùò éé'íwéé í ó'cáé è'íé'í'íò á*

Сто шестьдесят девять произведений собрали на монографической выставке Шагала в испанской столице. Здесь представлены работы из музеев Франции, Бельгии и Германии, а также Музея Израиля в Иерусалиме.

Выставку подготовил Жан-Луи Пра, президент Комитета Шагала, долгие годы руководивший знаменитым Фондом Мэг (Fondation Maeght) вблизи Ниццы. Она разбита на две части. Одну показывают в крупнейшем частном собрании страны, музее Тиссен-Борнемиса, расположенном неподалеку от Прадо. Здесь представлены работы дореволюционного и парижского периодов, годы жизни в Витебске, а также во Франции перед эмиграцией. Другая часть выставки открыта в залах фонда Саїха, где представлен американский период творчества Шагала, его эволюция как художника в послевоенное время, керамика и созданные им книги.

На выставке показаны, в частности, его библейский цикл из ста офортов, созданный по заказу Анри Воллара (перед началом работы Шаггал совершил путешествие в Палестину), и работы, вдохновленные современными поэтами, от Блеза Сандрара и Гийома Аполлинера до Анри Бретона и Луи Арагона.

Специально для Мадрида были отреставрированы две картины художника, история их реставраций — отдельный сюжет выставки. Время работы выставочных площадок не совпадает, что удобно для публики: Саїха открыта на час дольше.

È'p'íáí Ódàéá

Ἐπίτι, Ἰὰ δὲ ἰαεὺς αὐτῶν δὸ δαδὶ αὐτῶν ἀεὶ δαδῶν, αἰ 27.5

*Ἐπίτι Ὀδύσῃ Ἰ γδο δαδὸ
Ὀδύτῃ Ἀσφδαδῶν 1975-1976 πῶν. Ἀδδῶν Ἐ. Ὀδύσῃ*

Эпиграфом к большой выставке Люсьена Фрейда стала цитата из самого художника: «Я всегда мечтал создать драму своими картинами, потому я и рисую людей. Это человек, который с самого начала привносит драму в картину. Простейшие человеческие жесты рассказывают истории».

Недавно ушедший из жизни Люсьен Фрейд (1922–2011; см. о нем: Лехаим. 2011. № 9) работал в разных жанрах. Но главным в его наследии остаются портреты. Они и оказались в центре внимания выставки в лондонском музее, который изначально питает склонность именно к портретам.

Среди 130 работ, отобранных из музеев и частных коллекций всего мира, есть несколько, еще никогда не выставлявшихся, показывают здесь и последнюю, незавершенную картину мастера.

Фрейду позировали не только родственники, но и королева, и коллеги-художники, такие, как Фрэнсис Бэкон, Дэвиж Хокни и Франк Ауэрбах. Но вряд ли эта блестящая серия портретов дает право говорить о Фрейде как о реалисте, пусть и с добавлением разных уточнений, типа «гипер» или «необычный». Погружение в суть человека не связано с изучением его тела, хотя без тела, как единственной видимой стороннему взгляду оболочки, в этом приближении к сути не обойтись. Кому, как не племяннику основателя психоанализа, было об этом знать.

Впрочем, телоанализ выглядит не менее эффектно.

Берлин, Библиотека искусств, до 28.5

**Додо (Дёрте Клара Вольф).
Кафе в висячем саду, на крыше здания в Веддинге (район Берлина). Иллюстрация для
периодического сатирического журнала «Ulk»
(«Потеха»). 1929 год.
Частное собрание. Гамбург**

Додо — псевдоним Дёрте Клары Вольф (1907–1998), ставшей одним из самых ярких журнальных немецких иллюстраторов 1920-х годов.

Она родилась в Берлине, городе, где состоялась ее профессиональная карьера и откуда была вынуждена эмигрировать в Лондон, где практически отказалась от всякой публичной арт-жизни.

На первой персональной выставке художницы показывают около 120 рисунков, созданных в разные периоды творчества. Самое интересное здесь — работы на тему моды и светской жизни для берлинской прессы конца 1920-х, времени, на которое пришелся пик в арт-карьере Додо. Не случайно именно Отдел моды берлинской библиотеки искусств подготовил эту выставку: художница училась искусству рисовать костюмы в известной школе Реймана. Эскизы ее собственных костюмов показывают сейчас в немецкой столице наряду с зарисовками уличных сцен, танцовщиц в кабаре, посетителей кафе.

Представлены и рисунки для еврейской периодики, выходившей в Германии после 1933 года (доступ в другие редакции после прихода к власти нацистов оказался для Додо закрыт), а также иллюстрации для сатирического журнала «Ulk», выходившего как приложение для пары газет. Его редактором после войны был Курт Тухольский, расширивший темы издания за счет еврейской проблематики. Сканы номеров «Ulk» за многие годы доступны теперь в Интернете по адресу: <http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/ulk>; они позволяют понять контекст, в котором работала Додо. Ее рисунки для журнала тоже похожи на карикатуры, чего стоит хотя бы едкий «Герой» 1929 года, изображающий сытого господина в пенсне, обнимающего юную красавицу.

Творчество Додо развивалось на стыке новой вещественности и ар деко. Оно обещало яркое будущее, но в ход вмешались история (эмиграция для художника редко оказывается плодотворной) и личные обстоятельства. Нервная жизнь заставила Додо посещать сеансы психоанализа в Цюрихе. Она влюбилась в своего психо-аналитика. Того не остановили этические запреты, запрещающие вступать в личные отношения с пациенткой, тем более состоящей в браке.

Бурный роман завершился разводом с первым мужем. Но новый брак продлился недолго. Через несколько лет Додо вновь вышла замуж за первого мужа, от которого у нее уже было двое детей.

À cáññé Ì řéðññá

О ЕВРЕЯХ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ГЛАЗАМИ ДАТЧАН

Андрей Рогачевский

В этом году исполняется 90 лет фильму «Заклейменные» (Die Gezeichneten) классика датского и мирового кино Карла Теодора Дрейера. Рассказывающий о судьбе еврейской семьи в эпоху первой русской революции, фильм был снят по международному бестселлеру – роману «Возлюби ближнего своего» (1912) датского писателя Оге Маделунга, который не понаслышке знал о том, что творится в России.

Εἰσὸς εἰς ὁρεῖται ἡ Ἐκδοὶ Ὀμῆριος Ἀδελφῶν «Ἐχθροὶ αἱ ἱεῖρα». 1922 ἄῃ

Чем интересно немое кино сегодня? Необычной экспрессией, когда история и переживания персонажей выражаются мимикой, жестами, мизансценами. Черно-белым изображением, которое удачно соответствует заостренному конфликту добра со злом. И вероятно, размытостью границ между игровыми и документальными эпизодами — не случайно постановочные сцены взятия Зимнего в эйзенштейновском «Октябре» (1927) любят использовать в качестве кинохроники.

Многие немые фильмы исчезли из коллективной зрительской памяти почти без следа — и наверняка заслуженно (хотя историки кино могут с этим не согласиться). Временная дистанция способствует естественному отбору. Дозвуковые картины с культовым статусом — «Кабинет доктора Калигари» Роберта Вине, «Голем» Пауля Вегенера, «Аэлита» Якова Протазанова, «Метрополис» Фрица Ланга, ранние фильмы Чаплина и Хичкока — известны наперечет и при просмотре оставляют ощущение, сравнимое с живописью или графикой старых мастеров. Мало кому сейчас придет в голову рисовать в манере Тициана — что не умаляет величия художника. Вот почему так радует возвращение к жизни малоизвестного винтажного киношедевра. И вдвойне приятно, если шедевр имеет отношение к еврейству, не избалованному вниманием старинных кинокамер.

Создатель «Заклейненных» Оге Маделунг провел в России много лет. В 1893–1895 годах был здесь управляющим имением, а в 1897–1906 годах экспортировал из Вологды масло. В Вологде же познакомился с сосланными туда Николаем Бердяевым, Иваном Каляевым, Борисом Савинковым (чью книгу «Конь бледный» перевел на датский) и Алексеем Ремизовым, называвшим Маделунга «Аггей Андреевич». Русский язык Маделунга был достаточно хорош, чтобы писать на нем журнальные рецензии и даже художественную прозу. Он публиковался в журнале «Весь» и альманахе «Северные цветы». В 1903-м, отвечая на вопрос Брюсова, стоит ли писать по-русски, когда проще по-датски, Маделунг утверждал: «России я должен почти все в своем развитии, и для меня имело бы решающее значение видеть свое произведение принятым на русском языке среди писателей, которые оставили во мне неизгладимый след». Тем не менее писательская карьера Маделунга состоялась лишь по его возвращении в Данию, где он, в частности, обратил на себя внимание сочинениями на русскую тему. Хотя и еврейская была ему близка: по имеющимся сведениям, первая жена Маделунга, Мария Федоровна Эгельштейн, была из русско-еврейской семьи. Повлиял на него и знаменитый еврейско-датский литератор Георг Брандес, который лично отрецензировал «Возлюби ближнего своего», критикуя роман за некоторые маловероятные особенности

сюжета и местами пафосный тон, но отмечая способность автора к психологическому сопереживанию и мастерскую обрисовку главных персонажей.

По мнению Дрейера, книга давала блестящий материал для экранизации. Именно он обратил внимание на роман немецкого продюсера Отто Шмидта, когда тот искал сюжет, способный привлечь зрителя не только в континентальной Европе, но и в Америке и Великобритании. Выяснилось, что Маделунгу уже предлагали экранизацию, но он предпочел, чтобы это сделал скандинав. К началу 1920-х Дрейер был автором без малого 30 киносценариев и постановщиком трех картин. Самая масштабная из них, по структуре напоминающая «Нетерпимость» (1916) Дэвида Уорка Гриффита, — «Страницы из книги Сатаны» (1921) — имела отношение как к еврейской, так и к революционной тематике, отчасти и на российском материале (в «палестинской» новелле тщательно воссоздана архитектура и костюмы Иудеи времен римского владычества, новелла о Великой французской революции повествует о попытках спасти от гильотины Марию-Антуанетту, а в новелле о гражданской войне в Финляндии предводителем красных является русский монах).

В интервью датской газете «В. Т.» от 7 февраля 1922 года (день премьеры «Заклейменных» в Копенгагене) Дрейер ссылаясь на мнение знакомых ему выходцев из России: «“Возлюби ближнего своего” настолько правдоподобно описывает российские характеры и условия, что кажется, будто автор романа — россиянин». И в центральных ролях, и в эпизодах были заняты бывшие подданные Российской империи, а среди статистов оказалось много евреев-беженцев, ставших жителями берлинского Еврейского квартала. Хотя фильм снимался в Берлине, Дрейер и художник-постановщик Йенс Линд съездили в Люблин, где евреи жили с первой трети XIV века и, согласно переписи 1921 года, составляли около 40% от почти стотысячного населения города. Декорации местечка на Днестре, где разворачивается основное действие «Заклейменных», явно имитируют здания Люблина. В местечке живет юная Ханна-Либа Сегал (актриса Полина Пеховска), отданная матерью в женскую гимназию после смерти религиозного отца. Девушка заводит отношения с гимназистом-неевреем Сашей Красновым (в его роли — норвежец «арийского» типа Торлиф Рисс). Об отношениях становится известно, и Ханне-Либе приходится оставить не только гимназию, но и местечко. Она отправляется в Петербург к брату Якову — преуспевающему юристу, перешедшему в христианство (его блистательно играет Владимир Гайдаров). Саша тоже едет в Петербург в университет и вступает в революционный кружок, где верховодит некто Рылович (замечательный датский актер Йоханнес Майер). Яков опознает в Рыловиче полицейского провокатора, однако не успевает предупредить Ханну-Либу и Сашу, и тех арестовывают. Позже Яков добивается, чтобы Ханну-Либу выпустили и выслали к матери. Переодетый монахом Рылович отправляется в те же места — подстрекать неевреев к погрому. Воссозданный в «Заклейменных» с поразительной достоверностью, погром разражается после Манифеста 17 октября 1905-го, как раз когда Яков приезжает в местечко проститься с умирающей матерью. Рылович убивает его. А Ханну-Либу спасает Саша, освободившийся из тюрьмы и, при содействии бастующих железнодорожников, примчавшийся домой на локомотиве. Заключительные кадры — воссоединение Ханну-Либы и Саши, — подчеркивая контрастирующие (и как бы взаимодополняющие) черты влюбленных, демонстрируют, как гармонично могут сложиться взаимоотношения между евреями и христианами.

Морализирование Дрейера (и Маделунга) могло бы показаться наивным, если бы не тот факт, что в Дании евреи были уравниены в правах с коренным населением со времен Наполеоновских войн, то есть почти на век раньше, чем в Швеции (не говоря уже об остальной Скандинавии и России). И неудивительно, что в 1943 году в оккупированной нацистами Дании евреи были заранее предупреждены соотечественниками о готовящейся депортации и почти в полном составе (более семи с половиной тысяч человек) вывезены в нейтральную Швецию.

Но вернемся к «Заклейменным». Снятый немой (правда, с непривычным обилием текста в интертитрах), фильм не кажется устаревшим. Неторопливый ритм, проявляющийся в «этнографических» сценах (визит свахи, молитва в синагоге, похороны), к финалу сменяется нарастающей революционной динамикой, какой не погнушался бы и Эйзенштейн. Впрочем, «монтажа» (уже изобретенного Гриффитом, но пока не усовершенствованного Эйзенштейном) в картине почти нет: актеры традиционно изображают чувства на театральный манер, но без злоупотреблений. Особенно органичен Гайдаров в роли мучимого угрызениями совести вероотступника. Сцена, в которой ему является призрак матери, вызывает в памяти визит умершей графини к Германну из «Пиковой дамы» (1916) Протазанова.

Принятый современниками с энтузиазмом, в наши дни фильм Дрейера оказался тем не менее забыт и почти недоступен. Лишь четыре его копии сохранились в различных архивах. Впрочем, недавно картину отреставрировал и выпустил на DVD датский Киноинститут, с датскими и английскими интертитрами. Фильм следовало бы показать и в России. А роман Маделунга, уже переведенный на немецкий, венгерский и идиш, — издать по-русски.

УЦЕЛЕВШИЙ ИЗ ВЕНЫ

Владимир Мак

Не всякий композитор-еврей может считаться еврейским композитором. Но в судьбе всякого еврея национальность играет большую роль. Как у Арнольда Шенберга, одним из последних сочинений которого стал «Уцелевший из Варшавы» — кантата, написанная 65 лет назад.

В 1979-м я впервые услышал эту музыку — в Доме композиторов, на вечере Московского молодежного музыкального клуба (он же Клуб Фрида), посвященном Яношу Корчаку. Резкие реплики на английском перемежались выкриками по-немецки на фоне экспрессивной диссонансной музыки. В финале хор на иврите: «Шма Исраэль». Это была запись: еврейскую молитву не пустили бы на советскую сцену. Даже во времена «оттепели» премьера 13-й симфонии Шостаковича чуть не сорвалась, хотя никаких молитв, просто в первой части — «Бабий Яр». Живое исполнение я услышал в Израиле, в 1990-х: Израильский филармонический оркестр, за пультом великий немец Курт Мазур, рассказчик — блистательный австрийский актер Клаус Мария Брандаур. Я уже знал, что молитву «Шма Исраэль» надо произносить не только трижды в день, но и перед смертью. И имя автора «Уцелевшего из Варшавы» уже говорило мне тогда больше, чем в Москве.

Арнольд Шенберг — композитор, основатель нововенской школы, родился в 1874 году в Леопольдштадте, где некогда было венское гетто. Отец, Самуил Шенберг из Братиславы, был хозяином магазина, мать, Паулина Наход из Праги, преподавала фортепьяно. Сын учился в хедере и занимался на скрипке. Музыка родители не считали достойным заработком: величайший композитор, теоретик музыки и педагог был самоучкой и дипломов не имел. История отмечает единственного его педагога — мужа сестры, Александра фон Цемлинского, ученика Брукнера, превосходного дирижера и достойного композитора, оставшегося в тени своих знаменитых современников.

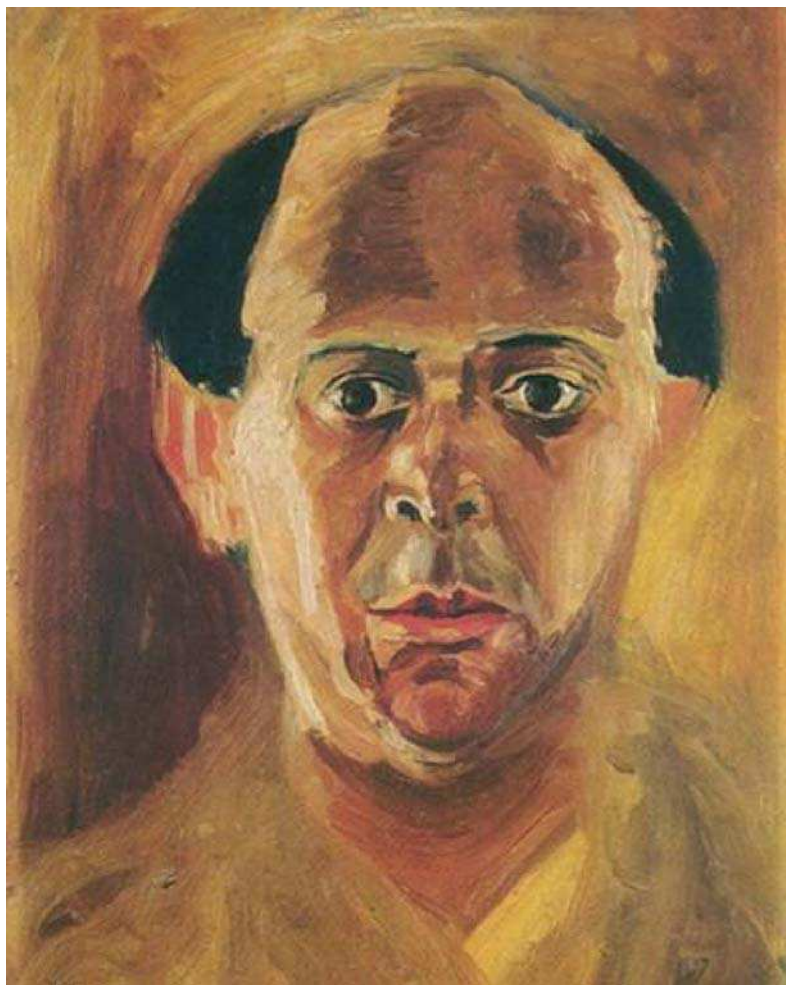
Ученик Цемлинского зарабатывал на жизнь, играя в танцевальных и театральных оркестрах и оркеструя оперетты (в том числе Легару). Шенберг-композитор появляется лишь в 1899-м, после «Просветленной ночи». Этот романтический секстет, с влияниями Вагнера, Чайковского и Малера, — до сих пор самое исполняемое его сочинение. В начале XX века он еще пишет романтическую музыку, в том числе симфоническую поэму «Пеллеас и Мелисанда» по Метерлинку, еще более экспрессивную, чем одноименная опера Дебюсси, но постепенно сочинения становятся все менее тональными. И в 1908-м Шенберг порывает с традицией, отказавшись от гармонических аккордов, романтической мелодики и привычных жанров и форм. Появляются монодрама «Ожидание», опера «Счастливая рука» и вокальный цикл «Лунный Пьеро» (где впервые Шенберг применил способ вокализации Sprechgesang — «речевое пение»). И в те же годы возникает новая венская школа. К частному учителю композиции Шенбергу пришли двое таких же, как и он, музыкантов-любителей — Альбан Берг и Антон Веберн. Шенберг не учил их писать новую музыку, но занимался изучением старой, от нидерландских полифонистов до Моцарта и Бетховена. В собственных сочинениях Берг и Веберн совершенно не похожи — но схожи тем, что оба ученики Шенберга.

Нововенская школа самой Веной была отторгнута. Старая история: Моцарта в Праге ценили больше, чем в Вене, поздние квартеты Бетховена приняты не были, Шуберт при жизни не исполнялся, над Брукнером смеялись, в Малере видели лишь дирижера... Признали Шенберга в Берлине, где самоучка стал профессором в консерватории Штерна, а в 1920-х возглавил класс музыкальной композиции в Прусской академии художеств. К этому времени он написал капитальный труд «Учение о гармонии», а в 1922 году — революционную работу «Метод сочинения музыки с помощью двенадцати соотнесенных лишь между собой тонов». Никаких тоник и доминант, мажоров и миноров! Правда, и раньше от тональностей отказывались — Скрябин, и не он один, но в 1920-х пришло время поиска нового языка. И Шенберг предложил систему — додекафонию, то есть двенадцатизвучие, по числу нот в хроматической гамме (это и есть открытие, приписанное Томасом Манном в «Докторе Фаустусе» герою романа Адриану Леверкюну и вызвавшее ссору между Манном и Шенбергом). Композитор выбирает серию из двенадцати нот, все они равны, нет гегемонии одного тона. В нюансы серийной техники вдаваться не буду, отмечу лишь ее роль: она была воспринята не только Бергом и Веберном, но и композиторами, далекими от нововенской школы, — Мессианом, Стравинским, Булезом, Ноно, Штокхаузеном.

В советской музыке серийная техника впервые появилась в фортепианных пьесах Арно Бабаджаняна, затем в сочинениях Кара Караева, Шнитке, Пярта, Денисова. Изучать школу Шенберга в Союзе было почти невозможно, ее знал досконально не признанный официозом Филипп Гершкович,

учившийся в Вене у Веберна, еле унесший ноги от нацистов и незадолго до смерти в 1989-м вернувшийся на родину, в Вену.

Еврей по крови и воспитанию, Шенберг не ушел от себя, несмотря на крещение — в 1898 году он стал лютеранином. При этом женился на еврейке, преподавал в еврейской консерватории и, вероятно, не считал себя изменником. До тех пор, пока бытовой антисемитизм не стал набирать силу в окружении Шенберга. С Василием Кандинским композитор дружил с довоенных лет. Он сам занимался живописью и даже выставлялся, участвуя вместе с художником в объединении «Синий всадник». Но и Кандинского поразила бактерия антисемитизма (а может, проявилась в нем?), и он стал недоумевать, чем евреи недовольны, объясняя Шенбергу, что, конечно, не его имеет в виду. Ответ композитора красноречив — вот несколько цитат из письма от 4 мая 1923 года: «Почему арийца меряют по Гете, Шопенгауэру и им подобным? Почему не говорят, что евреи таковы, каков Малер, Альтенберг, Шенберг?.. <...> Сразу после войны среди моих учеников-арийцев не было почти ни одного фронтовика, они отсиделись дома. С другой стороны, почти все евреи воевали и имели ранения». Что-то это напоминает... И вот еще: «Вы считаете, что своими открытиями, знаниями и умением я обязан еврейской протекции? Или что Эйнштейн обязан своими достижениями заданию сионских мудрецов?» При этом Шенберг признается: «...и в новом платье Кандинский продолжает для меня существовать. <...> И если бы Вы взялись передать моему бывшему другу Кандинскому привет, я с радостью доверил бы Вам свои самые теплые чувства...» Спустя 10 лет президент Прусской академии художеств сообщает, что пора покончить с еврейским влиянием. И Шенберг уедет. Сначала будет Париж и — редчайший случай в биографиях знаменитых выкрестов — обряд возврата в иудаизм. Шенберга и так все считают евреем, но ему важно себе доказать, что ошибка исправлена. Стравинский пишет: «...скальпель совести Шенберга был самым острым оружием, равного которому не было ни у кого из музыкантов, и не только у музыкантов». О «возврате» Шенберг сам пишет Бергу 16 октября 1933-го: «Все, что писали в газетах, — выдумки, равно как и якобы имевшие место церемонии и присутствие tout Paris (“всего Парижа”) при моем так называемом возвращении к иудейской вере. <...> Мое возвращение к иудейской вере состоялось уже давно, и свидетельства тому в моем творчестве...»

Λαογιγνώσκων Ἀδελφεία Οὐρίαντων 1908-1912 ἔτη. Ἐξ ἐπιπέσοις Ἐξου Ἀδελφεί. Ἰψ-Ἐπίθε

Большинство еврейских музыкантов в 1933-м еще в Европе: кто в Вене, кто во Франции, некоторые собираются в СССР. И Шенберг собирается — в 1927 году в Ленинграде был триумфально поставлен «Воцек» Берга, а в 1933-м автор оперы написал Асафьеву и Соллертинскому письмо, где спрашивал о возможности переезда его учителя в СССР. Соллертинский восторженно сообщает, что «гениальный новатор и прогрессивнейший композитор Запада Арнольд Шенберг, изгнанный фашистами, решил переселиться в город на Неве», а Асафьев честно пишет, что обстановка изменилась, и новая музыка не нужна. Не впуская Шенберга, Асафьев, возможно, оберегал и собственный авторитет. Но страшно представить, чтобы было бы с бескомпромиссным художником и человеком в стране, где только компромиссы позволяли выжить. В октябре 1933 года Шенберга приглашают в Бостонскую консерваторию, и он отправляется за океан — навсегда.

Ему 49 лет, но к расшатанному здоровью добавился плохой климат Бостона. Шенберг переезжает в Нью-Йорк, его приглашают в «Джюльярд», зовут в Чикаго, но во всех этих местах климат не лучше, и Шенберг без приглашения уезжает в теплый Лос-Анджелес. Тоже навсегда. Вначале частные ученики, потом лекции в университете. Он приходит в себя, пишет скрипичный концерт и четвертый квартет, получает профессорское место в Калифорнийском университете, в Денвере проходит фестиваль его музыки и школы... Но Шенберг не чувствует себя американцем, а Вена становится нацистской — 1938 год, аншлюс. Шенберг рассылает письма сильным мира американской музыки, пытаясь устроить родственников и друзей, бежавших от Гитлера. В письме в Тель-Авив, приветствуя исполнение «Пеллеаса и Мелисанды», также интересуется возможностью трудоустройства музыкантов. В 1941-м становится гражданином США, но в Европе идет война, и в 1942-м Шенберг пишет первое антифашистское сочинение — «Оду Наполеону Бонапарту». А в 1944-м, после торжеств по поводу его 70-летия, университет отправляет композитора на пенсию. Просьбу о стипендии для него Фонд Гуттенхайма отклонил. Стравинский язвителен: «От большого американского страуса он дождался не больше внимания, чем в свое время от венского». Семидесятилетний отец троих юных детей, астматик и диабетик опять дает уроки. В 1946-м Шенберг читает лекции в Чикагском университете и собирается в Принстон, где ему присвоено звание почетного доктора, но 2 августа... почти умирает. Укол в сердце подарил композитору пять лет жизни — и через год он напишет «Уцелевшего из Варшавы».

Танцовщица и хореограф Коринна Хохем пригласила Шенберга принять участие в обработках еврейских песен и танцев. К 1947 году в проекте уже поучаствовали Дариус Мийо и Леонард Бернстайн. Шенбергу предложено обработать гимн Виленского гетто «Zog nit keynmol az du geyst dem letstn veg» («Никогда не говори, что это последний путь»). 20 апреля Шенберг пишет заказчице: «Я намереваюсь воспроизвести сцену в Варшавском гетто, <...> как обреченные евреи начали петь, прежде чем пойти на смерть». Но композитор запросил гонорар, денег не оказалось, и идея была бы похоронена, если бы Шенберг уже не начал сочинять. Когда в июле фонд Кузевицкого заказал ему новую музыку, композитор предложил кантату. 23 августа кантата завершена, в декабре готова партитура, а в 1948-м состоялось первое исполнение — в Альбукерке, силами местного оркестра и дирижера Курта Фридриха. Исполнители не дрались за право премьеры.

«Уцелевший из Варшавы» не есть достоверный рассказ о Варшавском гетто. В гетто не было газовых камер, упоминаемых рассказчиком, и песня — из Виленского гетто. Исследователи считают, что Шенберг смешал ликвидацию гетто и восстание. Но историческая достоверность и не была целью композитора: «Какое значение имеет текст кантаты для меня? Он призывает всех евреев никогда не забывать о произошедшем. Мы никогда не должны забывать этого, даже если события развивались не в том порядке, в каком я описал их. <...> Главное, что я видел в своем воображении». Шенберг изобразил восстание и использовал музыкальные и словесные приемы, чтобы показать процесс возвращения к человеку памяти. Либретто (самого Шенберга) — о человеке, выжившем в гетто и пытающемся вспомнить, что там произошло: «Я не могу вспомнить всего. Должно быть, большую часть времени я провел без сознания. Лишь один момент врезался в память, старая молитва, которой они столько лет пренебрегали, забывтая вера!» Это пролог. Затем рассказчик описывает жизнь в гетто и случай, когда немецкие солдаты избили заключенных. Он говорит по-английски, будто выступает перед международным трибуналом, но выкрики солдат звучат на берлинском диалекте немецкого. В финале однополой мужской хор поет молитву, которая для Шенберга больше, чем просто символ солидарности и сопротивления: «“Шма Исраэль!” в конце имеет для меня особое значение. Думаю, это признание в вере, исповедь еврея. Это наше представление о едином, вечном Б-ге, который невидим, который запрещает подражание, запрещает изображение...»

Настоящее признание кантата получила в апреле 1950-го, когда была исполнена в Нью-Йорке гениальным Димитрисом Митропулосом. «Зрители <...>, — писала “Музыкальная Америка”, — в антракте не хотели отпускать исполнителей со сцены, пока дирижер не повторил представление». Через год Шенбергу предложили пост главы Иерусалимской академии музыки. Семидесятипятилетний больной

человек был не в состоянии менять место жительства, и Шенберга избрали почетным президентом академии. В ответ он пишет: «...более четырех десятилетий мое самое страстное желание — стать свидетелем создания независимого самостоятельного государства. И более того: стать гражданином этого государства и поселиться в нем. <...> Я бы стремился снискать для академии всемирный авторитет. <...> Из подобного института должны выходить истинные жрецы искусства, которые так же священнодействовали бы в искусстве, как жрец перед Б-жым алтарем. Ибо, как Б-г избрал Израиль народом, призванным вопреки всем страданиям сохранить истинное Моисеево единобожие, так израильские музыканты призваны явить миру пример, единственно способный пробудить наши души...»

Великий композитор и реформатор музыки страдал трискайдекафобией — болезненной боязнью числа 13. Поэтому его опера вместо «Моисей и Аарон» называется «Моисей и Арон» — число букв в первом названии равно 13. Он родился 13 сентября, боялся своего 76-го дня рождения (в сумме 13) и умер, не дожив до него, — 13 июля 1951-го. Говорят, в 23.47 — за 13 минут до полуночи. Последние месяцы жизни писал... тексты современных псалмов, которые предполагал объединить в сборник «Псалмы, молитвы и другие беседы с Б-гом и о Б-ге». К одному из псалмов успел сочинить музыку. Как написал Стравинский, «Шенберг упорно возвращался к гордому сознанию того, что он не сдался».

НАШ ФОРУМ

[АЛЕКСАНДР ЭЛЬКИН. ДЕЛО ЛАНГЕРОВ 2012.3](#)

[יְעִיֹאֵן יִיְעִיֹנֶעֶ:](#)

Некоторые элементы статьи «ДЕЛО ЛАНГЕРОВ» выглядят странными — и не соответствуют тому, что написано об этом деле в других источниках.

[יֹאֵאֹדָאָאֶוֹעֶ:](#)

При написании статьи автор пользовался следующими основными источниками: 1. David Bleich. Contemporary Halakhic Problems. Vol. I. Ktav Publisher House, Yeshiva University Press, New York and Hoboken, 1977; 2. Shneur Zalman Abramov. Perpetual Dilemma: Jewish Religion in the Jewish State. Fairleigh Dickinson University Press, 1976; 3. Walter Jacob, Moshe Zemer. Conversion to Judaism in Jewish Law: Essays and Responsa. Rodef Shalom Press, Tel Aviv-Pittsburgh, 1994.

На взгляд автора, это серьезные знающие авторы (Давид Блейх — один из крупнейших алахических авторитетов Америки, Шнеур-Залман Абрамов — бывший депутат кнессета), заслуживающие доверия.

При этом мы вполне допускаем, что в других источниках некоторые детали могут быть изложены иначе. Даже когда речь идет о недавних событиях, конфликт источников — дело достаточно частое.

[סִבְעֵי יְאֵוּי אִי. אֵאֵאֵאֵנֶעֶ אֵאִד 2012.2](#)

Б. И. БРУК, Ставрополь. Никогда не был в Ираке и незнаком с укладом жизни тамошних евреев. Но то, что описывает Сами Михаэль, никак не укладывается в моей голове. Оно чуждо любому нормальному человеку, тем более еврею. Рассказы об отце, регулярно предающемся любовным утехам с красавицей дочерью и ее слабовольным мужем, о несовершеннолетнем мальчике, насилующем свою восьмилетнюю племянницу, о бесчисленных вариантах супружеской неверности, о подсматривании детьми за постельными утехами родичей-соседей настолько неестественны и ненормальны для обыкновенного еврейского сообщества России, Белоруссии и Украины, которые мне хорошо знакомы, что кроме омерзения не вызывают никаких эмоций. О таком повествовании нужно вообще промолчать, а еще лучше — раскритиковать за безнравственность. Но никак недопустимо в нейтральных тонах пересказывать содержание книги, так как это может негативно сказаться на неокрепших умах некоторых людей.

[אִי עֹדֶעֶ אִוֶּיָא:](#)

[עֵעֵי-עֵעֵי יִי. 2012.3](#)

lamois.livejournal.com Смешались в кучу кони, люди, евреи, русские, мордва почему-то какая-то, и тут же Сталин и Путин, Кандаваки и Вагнер? Ну как без них? Главного не поняла: вы с кем, Дмитрий Львович, в конце-то концов? С красными, белыми, коричневыми, розовыми, голубыми, серо-буро-

малиновыми? Нет, что против Путина однозначно — было понятно все это время. Но вот тут опять непонятно, какие-то другие нотки вот в этой фразе: «Сталин, Путин и евреи виноваты во всем именно потому, что сами русские получают как бы ни при чем». Так они у нас или у вас были виноваты? Непонятно... Вы еврей? Или финн? А то я думала — француз. В общем, впечатление маятника Фуко с большой амплитудой колебаний. Пора бы уж определиться. Уж (полночь) выбор близится, а принципа все нет... Мы ведь, простой народ, поклонники ваши, смотрим на вас и ориентируемся.

СВЕТЛАНА МАЙ, tsylechka.livejournal.com Любому, следившему за последними событиями в России, должно быть понятно, что единственной стратегией борьбы с сегодняшней диктатурой может быть объединение под одним флагом всех тех, кто против нее, то есть не только внесистемной оппозиции, но и коммунистов с жириновцами. На этом этапе восстановление демократических свобод является общей целью таких непохожих друг на друга сообществ. Наверное, как завещала Марина Салье, первым шагом должен стать созыв Учредительного собрания. Только тогда, в рамках демократических институтов, те, кто этой зимой выступал заодно, вспомнят о различиях и разбегутся по разным фракциям УС.

ydorman.livejournal.com Насколько я помню, пару лет назад Дмитрий Львович писал что-то в смысле, что понятие «свои» поважнее всяких разных принципов. А из этой статьи вроде как получается ровно наоборот. Не противоречит ли ДЛБ сам себе?

Еврейский некошерный общепит в Москве, конечно, тоже есть. Если кошерная фалафельная «Ням'с» в синагоге на Большой Бронной на днях прекратила свое существование, то остальные точки той же сети (без соблюдения кашрута), открытые в Москве израильянином Алексеем Кустовым, функционируют. Как и некошерный клуб «Шагал». Хотя отдельные блюда из его меню не грех бы позаимствовать правильным ресторанам. С другой стороны, только что на Патриарших заработали кошерный «Цукер», принадлежащий ресторанному гиганту «Ginza Project», и их же прилавок с кошерными продуктами на «Фермерском базаре» в ТЦ «Цветной». И остаются старые места — «Гранат» в Хоральной синагоге на Спасоглинищевском, «Иерусалим» на крыше синагоги на Большой Бронной и сразу два ресторана в синагоге в Марьиной роще — мясной «Йона» и молочный «Яэль» (единственный в Москве молочный кошерный ресторан). Есть еще заведение на рынке «Садовод» на МКАДе, открытое горскими евреями. Вкуснейшее, как любое место, открытое для себя.

Á dáño íðáí á «I isada»

И можно не сомневаться, что, при всей внешней его непрезентабельности, — а откуда ей взяться на рынке? — там подают истинно еврейскую еду. В отличие от большинства новых заведений, где, помимо нескольких узнаваемых названий, готовят типичный для Москвы франко-итальянский ассортимент, с поправкой на кашрут. Что вы хотите: кухню «Цукера» курирует знаменитый в Москве итальянский повар Вильям Ламберти, и подают там равиоли с белыми грибами и ризотто со спаржей. А в ресторане «Noodles», названном в честь героя «Однажды в Америке», наряду с хумусом с бараниной и гефилте фиш есть отличный тартар из тунца с авокадо.

Московские рестораторы, кстати, признаются, что в Москве машгиахи следят за соблюдением кашрута строже, чем в Европе, по крайней мере во Франции. И на Западе в большинстве кошерных ресторанов тоже кормят не вполне еврейской едой, а чаще местной кухней, с ненавязчивым еврейским акцентом. Границы национальных кухонь в Европе вообще весьма размыты, и любой повар-итальянец подтвердит, что например, римская кухня во многом есть не что иное, как кухня римских евреев. И знаменитые *carciofi alla giudia* (артишоки по-еврейски), столь любимые римлянами, истекающие лимонно-оливковым соусом и источающие призывный чесночный дух, — типичная еда местных евреев.

Таких артишоков в Москве я, увы, не ела — ни в итальянских ресторанах, ни в кошерных. Артишоки для такого блюда должны быть совсем мелкие, юные и нежные, и консервированными их не заменить. Кулинарные традиции западноевропейских евреев, в отличие от их единоверцев из Восточной Европы и с Ближнего Востока, в Москве пока не реализованы. Это, видимо, впереди.

КИСЛО-СЛАДКАЯ МЕЧТА

Жаркое с черносливом — такой же неотъемлемый ашкеназский специалитет, как эйсик флейш (кисло-сладкое мясо), рубленое яйцо со шкварками, или форшмак. Типичное блюдо бедных людей, попытка разнообразить дешевыми средствами скудный стол. Такова логика не только еврейской, но любой национальной кухни. Жирное мясо превращали в кулинарный шедевр, тающий во рту и оставляющий послевкусие, о котором можно мечтать.

Такое жаркое — разновидность чолнта. Кисло-сладкое жаркое из говяжьей грудинки — классическое шабатное блюдо в старые времена. Почему шабатнее? Потому что редко у кого хватало денег покупать мясо чаще раза в неделю. Накануне горшок с почти готовым жарким ставили в остывающую печь, где оно и «доходило». А вечером, придя из синагоги, ели. И совсем необязательно его готовили с черносливом — в жарком, которое делала в Киеве сестра моей бабушки, главным ингредиентом был лук. Много лука, который превращался в конце концов в сладкий соус.

А в жарком, которое подают в ресторане «Misada», лука нет. Как и моркови. Чернослив сообщает мясу сладость, помидоры — кислоту. Главное, что принципиально отличает этот чолнт, — гречневая каша и варнички — домашняя паста, нарезанная треугольниками, которые занимают в этом жарком место традиционной картошки. Этот удивительный рецепт достался владельцу ресторана Михаилу Амаеву от близкого друга, родившегося в молдавском местечке Атаки. Приготовление блюда требует времени, но результат стоит того.

ЖАРКОЕ ИЗ ГОВЯЖЬЕЙ ГРУДИНКИ С ГРЕЧНЕВОЙ КАШЕЙ И ВАРНИЧКАМИ

Аэу :аоудоо итдоо: 1-1,2 еа ааааеіу ітæдоіаа — ааааеіеē еēē дааааііе :ааоē; 2-3 нòіеіаіа еіаеē òіі аоііе іааòу; 150 ааòòòòòòòòіа — :ааі ітæаа е еòòòаē; 1, 5 нòаеаі а ааа:еē; аэу òааòà — 200 а іòеē, 1 јеòі, нòіеіаау еіаеē дааòеòаеіііа іааēа, іаі ііа ааау, :ааііе ітæаі іеіòуē іааò, нēу; дааòеòаеіі іа іааі аэу іаеаòеаіеу.

Мясо нарезать покрупнее, кусками размером примерно 6 x 6 см. Обжарить в растительном масле. Каком — выбор за вами. Наши предки из черты оседлости оливковым маслом явно не располагали, поэтому подсолнечное тоже сойдет, хотя я бы выбрала оливковое. Обжарив куски грудинки, залить их небольшим количеством кипящей воды и тушить — в сотейнике с толстым дном, в кастрюле, доставшейся от бабушки, или гусятнице, подходящей для жаркого лучше всего. Как долго тушить, зависит от мяса: чем моложе была убиенная скотина, тем быстрее мясо приготовится. Но никак не меньше полутора часов. Как советовали в похожей ситуации в книге «Русская кухня в изгнании» ее авторы Петр Вайль и Александр Генис, эти полтора часа можно потратить на уборку или занятия любовью.

Через час или около того можно уже добавить томатную пасту (лучшую, какую найдете) или превращенные в пюре помидоры, но только настоящие, созревшие под солнцем, а не в парнике. Предварительно томатную пасту необходимо отдельно обжарить, чтобы ушел резкий томатный вкус, а мясо обрело необычный яркий цвет. После добавления томата мясо поперчить и посолить (а можно сделать это в самом конце), но солить осторожно — в кошерном мясе и так есть соль. Приправ жаркое не требует — помидоры и сухофрукты сами по себе обеспечивают яркий вкус. Когда мясо уже практически готово, минут за 10 до снятия с огня положить в кастрюлю промытые и ошпаренные сухофрукты — чернослив и курагу. И в самом финале — раздавленный чеснок. Параллельно залить кипятком гречку — она готовится 20 минут, как закипит — посолить. И пока варится гречка, сделать пасту — добавить в муку чуть-чуть теплой воды, чтобы тесто «дышало», вмешать яйцо, столовую ложку растительного масла, замесить тесто. Раскатав его в тонкий лист, нарезать треугольниками. Кинуть пасту в кипящую воду, и через несколько минут варнички

будут готовы. Подавать все вместе, выложив варнички на гречневую кашу и полив мясным соусом с черносливом и курагой.

АЛЕКСАНДР СОКУРОВ: ФАУСТ И ЕВРЕЙ

Фауст

Режиссер: Александр Сокуров

*США, Россия, Германия, Франция, Япония, Великобритания,
Италия. 2011*

Нох гроссер дихтер Гёте задал ребус!

Сокуров, как всякий по-настоящему крупный художник, творит в «Фаусте» свой мир — миф о средневековой Европе, миф о евреях, или, как в былые времена говорили, о Еврее. В прологе мы спускаемся с облаков вниз, видим с высоты город и гору: средневековый город, все европейское Средневековье. И тут же изнутри. На пол-экрана член трупа — профессор Фауст с влюбленным в него Вагнером, Фриц Вагнер, студьезус из Йены, гомосексуальная тема, любовь к учителям, совершают они засуча рукава пресловутое общее дело: потрошат чье-то мертвое тело. Вываливают в таз потроха — души, как, впрочем, и подозревал пронциательный Herr Professor, не обнаруживают.

Помнится, нигилист в «Катерине Измайловой», разрезав с той же целью лягушку, пел: есть душа, есть, только малая и не бессмертная. У лягушки, хоть и небессмертная, хоть и малая, а все ж имеется — здесь вообще никакой. Почему не продать то, чего нет?

Привязанный к деревянной конструкции труп — внятная аллюзия: распятый. Вся эта вивисекция — прощание с христианским миром, вышел вон и тут же попал в объятия к еврей-ростовщику, сниженному образу Мефистофеля. Кем должен быть еврей в средневековом мифе? Ну конечно ростовщиком, кем же еще. Проклятый жид, почтенный Соломон. Большой средневековый миф о еврее, где сам миф и рефлексия Сокурова нераздельны. Еврей противен, физически омерзителен, бесстыден, без члена, то есть совсем, гладкое место, но с напоминающим член хвостиком, о, с каким интересом поглядывают на его необычной анатомии желеобразное тело плещущие белье бюргерши, отвращение, страх, притягательность. Эстетика противного. Испытание зрителя. Омерзительное, прекрасное, комическое рискованно смешаны.

Про Фауста. Он спускается с крыши, он понял, в чем суть, дева в бочке подштанники плещет, он хватает ту деву за нежную грудь, в небесах черный ворон трепещет: черный ворон — иллюстрирующий

Гребенщикова

Сокуров.

Оставшись без души и, что еще более важно, без денег, Фауст решает покончить с собой. Влюбленный Вагнер — за компанию. Они жили, положим, недолго и не сказать что счастливо, зато умерли в один день. Впрочем, не умерли. Фауст, как и пристало философу, готов выпить цикуту. Но цикуту, посмеиваясь, выпивает еврей. То, что могло бы угробить нескольких профессоров, а в пределе всех фаустов, всю европейскую культуру, вызывает у еврея только расстройство желудка.

Еще замечательная сцена. Встреча на горной лесной дороге нездешнего экипажа. Кучер, сущий разбойник, густая борода, нос широк, сплюснут, лицо скулистое; губы беспрерывно складываются в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку, заталкивает Фауста с ростовщиком в экипаж. Ба, да это же Селифан, посторонитесь, народы, Германия посторонилась не слишком споро, вот в нее ненароком и въехали. Покупатели душ сошлись в одном экипаже.

Оставив за собой пару трупов и разбитую жизнь Маргариты, *das Ewig-Weibliche zieht uns hinan*, не знающий удержу Фауст бодро устремляется к сияющим горным вершинам. Поскольку во всем виноват понятно кто, он его напоследок и убивает. Существенный элемент романа еврея с

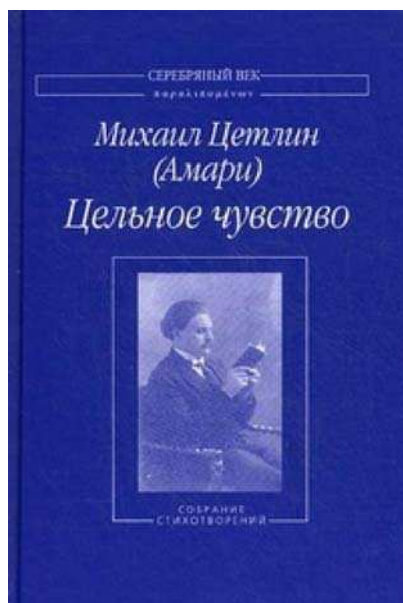
Европой. Думает, что убивает, потому что Фауст-то, как мы Шпенглером учены, смертен, а еврей, как мы и без Шпенглера знаем, — нет.

Впрочем, «смертен» условно: горная страна — life after life, чтобы попасть туда, нужен транспорт особого рода. Сокуров приводит двух чудовищных коней, на коих взгромоздиться можно, только встав на табуреточку, театральные доспехи прилагаются, — прощальный привет метафизическому и романтическому Булгакову.

Да, вот еще что. Одна из самых сложных вещей в кино — секс. Удачи — большая редкость. Сокуров преуспел.

МИХАИЛ ЦЕТЛИН: ЦЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО

Тираж этой книги — 400 экземпляров — в полной мере обеспечивает ей статус «für wenige» («для немногих»). При этом имя Михаила Осиповича Цетлина (1882–1945), неразрывно связанное с литературной историей русского зарубежья, хорошо знакомо всем специалистам по русской литературе XX века. Цетлин — фигура исключительно активная в эмигрантской среде: филантроп, многолетний редактор отдела поэзии журнала «Современные записки», один из основателей «Нового журнала».

В гораздо меньшей степени он признан как поэт и прозаик. В современной России читатель не избалован его изданиями. Стараниями дочери, А. Цетлиной-Доминик, в 1993 году вышла книга его стихов «Малый дар». В 2000 году была опубликована цетлинская книга по истории русской музыки XIX века «Пятеро и другие», аналогов которой нет (некоторой не вполне точной параллелью можно назвать лишь книгу Нины Берберовой о Чайковском).

В книге «Цельное чувство» впервые собраны все выявленные поэтические тексты и переводы Цетлина: пять прижизненных книг стихов, посмертно изданная книга переводов (совместно с Н. Астровым) «Португальских сонетов» Э. Барретт-Браунинг и стихи из уже упомянутой книги «Малый дар», составлять которую как итоговую начал сам Цетлин. Число стихотворений, не включенных в прижизненные издания, невелико — менее 50. Тексты сопровождаются обстоятельной статьей публикатора, комментариями и указателем стихотворений.

Цетлин — не слишком плодовитый поэт, прошедший, однако, ощутимую эволюцию. Его первый сборник — «Стихотворения» (1906) — едва ли демонстрирует нечто большее, чем многословную эсеровскую риторичность. Выходец из исключительно богатой семьи (по материнской линии он принадлежал к клану Высоцких; о семейной истории Цетлина см.: Лехаим. 2010. № 10–12), Цетлин в полной мере отдал дань пафосу «борьбы с самодержавием» (его кузенами были видные эсеры Абрам Гоц и Илья Фондаминский). Потому и первая книга стихов содержит посвящение убийце министра внутренних дел Сипягина Балмашеву, стихотворение «Борцу-рабочему» и др. Уровень поэтической культуры здесь невысок, содержание сводится к незамысловатой агитации и пропаганде.

Молодой Цетлин не был исключением ни в своих эсеровских симпатиях, ни в признании высшего поэтического авторитета Брюсова, у которого просил советов. Как правило, учеба у Брюсова не давала молодым поэтам ничего, кроме усвоения брюсовских штампов — в большинстве случаев сомнительного вкуса. Не стала она плодотворной и для Цетлина: плоскую риторичность брюсовского стиля Цетлин будет с трудом избыывать долгие годы. Сам Брюсов в рецензии на вторую книгу стихов Цетлина «Лирика» (1912) выделял как пример «красивого

стихотворения» такие, например, строки: «Я люблю успокоенность тихого вечера, / Над рекою опаловость ласковых сумерек».

Цетлин сознательно моделировал себя как поэта второго ряда в тени великих — Тютчева, Баратынского, Рильке. В этой «второразрядности» «малого дара» нет утомительного и ложного кокетства: традиционные еврейские ценности и фундаментальное европейское образование (Гейдельберг и Фрайбург) служили от этого надежной страховкой. Владимир Хазан называет Цетлина «поэтом классической традиции». Точнее, быть может, сказать, что он был человеком классической традиции.

Пример тому — последняя прижизненная поэтическая книга Цетлина «Кровь на снегу» (1939). Ее сюжетное пространство — декабристы и николаевская Россия. В 1933 году Цетлин опубликовал книгу «Декабристы: Судьба одного поколения», о которой Ходасевич тогда же отозвался в письме к Михаилу Карповичу: «Бледновато по письму, но предмет он знает. Теперь это редкость» (кстати, эта книга до сих пор не переиздана в России). В «Крови на снегу» историк питает поэта, обретающего индивидуальный голос (даже неожиданный цетлинский верлибр получает свое оправданное место в ткани книги).

Многолетняя погруженность Цетлина в историю декабристов и, шире, историю русской культуры несколько не отменяет того очевидного факта, что Цетлин и его круг — значимая часть огромного по своему богатству мира русского еврейства. Специально еврейская топка активно присутствует в цетлинском поэтическом мире и органично сочетается с той классической традицией, в которой Цетлин был укоренен.

Владимир Хазан в сопроводительной статье и комментариях останавливается и на биографии Цетлина, и на критической рецепции его творчества. У Хазана живой и точный язык, он обладает редкой в наше время способностью писать «сюжетно» и интересно. Комментарии, однако, не везде равноценны. Смущают пояснения, кто такие Гейне, Карамзин или Борис Годунов. Почему-то не прокомментированы разделы переводов в книгах стихов, не указаны оригинальные названия стихотворений, первопубликации на языке оригинала и существующие, помимо цетлинских, переводы (Цетлин переводил Гельдерлина, Шелли, Гейне, Верхарна, Валери, Рильке). Первое издание перевода «Португальских сонетов» в 1956 году было напечатано с параллельным английским текстом — возможно, стоило сохранить этот принцип и в нынешнем томе.

Но в целом Владимир Хазан и издательство «Водолей» сделали бесспорно доброе дело. Цетлин принадлежит к числу «minor poets» и в этом качестве заслуживает читательского и исследовательского интереса. Необходима эта книга и для понимания Цетлина как крупной фигуры в истории русско-еврейской культуры. К тому же цетлинские стихи создают интересный комментарий к его работе как редактора отдела поэзии «Современных записок». Остается надеяться, что и проза Цетлина дождет своей публикации в России.

АВТОРЫ НОМЕРА

ЙЕУДА ВЕКСЛЕР (р. 1946)

композитор, музыковед, писатель и переводчик. В его переводах издано более 40 книг.

МИХАИЛ ГОРЕЛИК (р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик.

АЛЛЕГРА ГУДМАН

американская писательница. Автор романов «Катерскиллские водопады», «Парадиз-парк», «Интуиция», «Другая сторона Острова» и др. Рассказы А. Гудман постоянно печатает журнал «Нью-Йоркер».

СЕМЕН ДОВЖИК (р. 1972)

бывший пресс-секретарь Еврейского агентства «Сохнут». Медиаэксперт, колумнист сайта Jewish.ru.

АЛЕКСАНДР ЗЕЛИЧЕНКО (р. 1957)

писатель, журналист. Участник миротворческих операций на Балканах (2000–2004).

АННА ИСАКОВА

журналист, прозаик (роман «Ах, эта черная луна!» [2004]). Литературный обозреватель газеты «А-Арец».

БОРИС КЛИН (р. 1970)

журналист, специальный корреспондент «ИТАР-ТАСС». Лауреат премии ФЕОР- «Человек года — 2006».

ЗОЯ КОПЕЛЬМАН

филолог, переводчик (Ш.-Й. Агнон, Й. Амихай, Й.-Х. Бреннер). Автор работ по ивритской литературе, преподаватель Открытого университета Израиля.

ЕВГЕНИЙ ЛЕВИН (р. 1973)

журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

МИХАИЛ ЛИПКИН (р. 1966)

переводчик с английского и иврита («Пять отцов-основателей сионизма» Бенциона Нетаньяху).

ВЕНИАМИН ЛУКИН (р. 1951)

координатор Восточноевропейского отдела Центрального архива истории еврейского народа в Иерусалиме. Один из авторов книг «Сто еврейских местечек Украины», «Grandeur and Glory. Remnants of Jewish Art in Galicia».

ВЛАДИМИР МАК (р. 1955)

музыкальный критик, продюсер, экскурсовод.

ИРИНА МАК

журналист, публиковалась в «Известиях», «Vogue», «Time Out», на сайте «OpenSpace» и др.

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ (р. 1960)

писатель, журналист. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), им. И. П. Белкина (2010).

АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ (р. 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости». Арт-обозреватель «Известий».

ВИКТОРИЯ МОЧАЛОВА

филолог-славист, директор центра «Сэфер»; заведующая Центром славяно-иудейских исследований Института славяноведения РАН; автор работ по истории и культуре восточноевропейского еврейства.

ДАНИЭЛЬ НЬЮМАН (р. 1981)

колумнист, независимый интернет-разработчик.

ЛИЗА ПЛАВИНСКАЯ

искусствовед, куратор, арт-критик, художник. Публиковалась в изданиях «Проект Россия», «World Paper».

НЕЛЛИ ПОРТНОВА

литературовед, доктор филологии. Автор-составитель хрестоматии «Быть евреем в России».

МОРДЕХАЙ РИХЛЕР (1931—2001)

канадский писатель. Автор более двух десятков книг, в том числе нескольких романов, книг эссе, книг для детей. На русский переведены его романы: «Кто твой враг», «Версия Барни», «Всадник с улицы Сент-Урбан», книга рассказов «Улица».

АНДРЕЙ РОГАЧЕВСКИЙ (р. 1965)

культуролог, преподаватель Университета Глазго, автор книг «Риторические традиции в творчестве А. С. Пушкина», «A Biographical and Critical Study of the Russian Writer Eduard Limonov».

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ (р. 1959)

президент Института Ближнего Востока, экс-президент Российского еврейского конгресса.

ЛЕВ УСЫСКИН (р. 1965)

прозаик, эссеист, автор сборников рассказов «Медицинская сестра Анжела» и «Русские истории», а также биографии адмирала Василия Чичагова. Ведет историческую колонку на Полит.Ру.

МИХАИЛ ЧЛЕНОВ (р. 1940)

историк, декан филологического факультета (иудаики и гебраистики) Академии им. Маймонида. Член Президиума Всемирной сионистской организации, генеральный секретарь Евроазиатского еврейского конгресса.

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль» и др.

ЛЕОНИД ЮНИВЕРГ (р. 1945)

историк, библиограф, издатель. Главный редактор и составитель альманаха «Иерусалимский библиофил».